Александр АВДЕЕВ

ЕВРОПЕЙСКИЙ ВЕКТОР ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Россия всегда была и остается неотъемлемой частью Европы. Исторические судьбы нашей страны и европейского континента, их культурное и политическое наследие неразрывно связаны друг с другом. Именно с учетом этого в современной Концепции внешней политики Российской Федерации четко зафиксировано, это отношения с европейскими государствами занимают традиционно приоритетное место в ее дипломатической деятельности. В качестве ее главной цели на европейском направлении определено создание стабильной и демократической системы общеевропейской безопасности и сотрудничества.

Такая линия представляется естественной и оправданной, в первую очередь, в силу того, что в условиях глобализации международных отношений и мировой экономики существенно возрастает роль Европы. Развитие ситуации на континенте во все большей степени определяет общую стабильность и благополучие. Накопленный нами опыт активно используется для строительства систем коллективной безопасности в других регионах мира. Однако и в самой Европе остается немало нерешенных проблем, которые могут существенно затормозить ее прогрессивное развитие в XXI веке.

За последние десять лет "старый континент" пережил немало судьбоносных событий, коренным образом изменивших его облик. Среди них – прекращение противостояния Востока и Запада, слом "железного занавеса" и падение Берлинской стены. В начале 1990-х годов казалось, что впереди у европейцев светлое и безоблачное будущее, благоденствие, бесконфликтное существование.

Однако, к сожалению, действительность оказалась иной. Окончание "холодной войны" и завершение идеологического противостояния вопреки первоначальным ожиданиям не привели к решению основной задачи – созданию единого пространства равной для всех безопасности в евроатлантическом масштабе. Причин этому много. Главная из них, пожалуй, – неготовность некоторых влиятельных политических сил перестроиться, отказаться от штампов военно-силового мышления. Ярким подтверждением этого стала силовая акция Североатлантического альянса против суверенного государства – СРЮ, предпринятая в нарушение Устава ООН и общепринятых норм международного права. Ситуация усугубляется еще и тем, что мировое сообщество практически одновременно с рецидивами прошлого столкнулось с новыми опасными вызовами и угрозами: ростом международного терроризма, агрессивного национализма, сепаратизма и других форм экстремизма.

Авдеев Александр Алексеевич, первый заместитель Министра иностранных дел РФ.
© 2000

Понятно, что способность мирового сообщества дать действенный ответ на эти вызовы, выбрать путь неконфронтации и сотрудничества, по которому Европа долж-на войти в XXI век, будет во многом зависеть от того, насколько четко и глубоко будут координиро-

ваться усилия ведущих "игроков" на поле европейской безопасности, включая, конечно, и Россию.

* * *

Свою европейскую политику мы строим, прежде всего исходя из необходимости выстраивания взаимодополняющих отношений между различными организациями в сфере безопасности. Важной составляющей этих усилий должно стать углубление нашего сотрудничества с **Североатлантическим альянсом**.

Хорошо известно, что за последние полтора года наши отношения с НАТО прошли серьезные испытания на прочность. Несмотря на принятое весной этого года решение о поэтапном возобновлении связей по линии Россия – НАТО, тяжелые последствия военной агрессии альянса против суверенной Югославии, что вынудило нас заморозить почти все контакты с этой организацией, ощущаются до сих пор. Российская сторона неоднократно заявляла о своей позиции по этому вопросу: НАТО нарушила основополагающие нормы международных отношений, закрепленные как в многосторонних, так и в двусторонних документах, де-факто пыталась подменить собой ООН, ОБСЕ. Последовательно выступая против доминирования замкнутых военно-политических группировок над остальным миром, мы отклоняем любые попытки навязывать силовые решения в Европе и за ее пределами. Россия выступает за строгое соблюдение правил и норм международного права, прежде всего Устава ООН, положений Хельсинкского Заключительного акта и Хартии европейской безопасности. Важнейшим условием для дальнейшего развития наших отношений с НАТО является готовность альянса реально учитывать российские интересы, развивать сотрудничество строго на паритетных началах.

Неприемлемость для нас появления новых разделительных линий в Европе определяет отрицательную позицию России в отношении расширения НАТО на Восток. В принципиальном плане мы считаем ошибочными планы любого расширения НАТО.

Все эти вопросы и являются приоритетными темами нашего диалога с альянсом. Первые после продолжительной паузы заседания Совместного Постоянного Совета (СПС) Россия–НАТО на уровне министров иностранных дел и обороны в мае-июне 2000 года придали новую позитивную динамику этому диалогу. В Москве убеждены в наличии широкой сферы применения совместных усилий России и Организации Североатлантического договора по формированию стабильности, безопасности и демократического уклада в евроатлантическом регионе. СПС Россия–НАТО является подходящим форумом для обсуждения проблемы сохранения Договора по ПРО; предстоит также немалая работа по реализации адаптированного Договора об обычных вооруженных силах в Европе. Существенной сферой приложения обоюдных усилий является проблема международного терроризма.

Однако наше взаимодействие обретет долгосрочную, соответствующую имеющемуся потенциалу перспективу лишь в том случае, если и Россия, и НАТО будут предпринимать шаги по повышению качества двусторонних отношений. Разумеется, это возможно только при внимательном учете интересов и озабоченностей друг друга в политической и военной сферах. Здесь уже сделаны первые серьезные заделы – состоялся обстоятельный обмен мнениями по стратегии НАТО, военной доктрине России, программам развития инфраструктуры. Имеется договоренность продолжить выработку мер укрепления доверия, углубления транспарентности и снятия недопониманий.

* * *

Ключевое место в европейской политике России по праву занимает проблематика развивающихся отношений с **Европейским Союзом**. Важность данного направления для Рос-

сии обусловлена, прежде всего, тем, что само развитие ЕС в последнее время оказывает все возрастающее влияние на формирование лица европейского континента в новом столетии. Такие процессы, как расширение Европейского Союза, становление внешнеполитического и оборонного измерения ЕС, утверждение евро, не могут не быть в центре внимания международных партнеров Евросоюза, среди которых России принадлежит далеко не последнее место.

Представляется естественным, что Россия уделяет первостепенное внимание двустороннему формату отношений с ЕС. Евросоюз – ведущий торговый партнер России (до 40% ее внешнеторгового оборота); многообещающи перспективы сотрудничества между Россией и ЕС в таких областях, как наука и техника, правоохранительная сфера, трансграничное и региональное партнерство, инвестиции, здравоохранение, образование.

Основополагающим документом в отношениях Россия – ЕС является вступившее в силу в 1997 году Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, потенциал которого еще предстоит раскрыть. Делу его реализации призвана послужить Стратегия развития отношений Российской Федерации с Европейским Союзом на среднесрочную перспективу (2000–2010 гг.). Работу российских министерств и ведомств, вовлеченных в деловые связи с Евросоюзом, координирует Правительственная комиссия Российской Федерации по сотрудничеству с ЕС.

Ориентиром выстраивания взаимоотношений России с Европейским Союзом является установление стратегического партнерства между Россией и ЕС в интересах создания стабильной и сбалансированной архитектуры безопасности и сотрудничества в Европе, мира и открытости на европейском континенте. Важный фактор достижения намеченной цели состоит в развитии и углублении политического диалога между Россией и ЕС в соответствии с реалиями настоящего и будущего.

Регулярный политический диалог на высшем, высоком и экспертном уровнях, пожалуй, самая продвинутая сфера взаимодействия России с ЕС. В общих интересах России и Европейского Союза – его систематическое наполнение конкретным содержанием, адекватным как международной обстановке, так и потенциалу участвующих в нем сторон.

В настоящее время ЕС приступил к формированию своего интеграционного измерения в области безопасности и обороны, что наделяет его новыми качествами и, соответственно, создает объективную основу для дальнейшего развития политического диалога Россия–ЕС в духе транспарентности по таким вопросам, как миротворческие операции при обязательном соблюдении Устава ООН, проблемы предотвращения и урегулирования кризисов, разоружение и т. д. Положительным знаком для России стало подтверждение саммитом ЕС в Фейре (19-20 июня 2000 г.) его заинтересованности в подключении государств, поддерживающих с ним политический диалог, в том числе России, к осуществлению операций в рамках общей политики Евросоюза в области безопасности и обороны. Однако остановиться только на выражении обоюдных намерений было бы неправильно. Теперь в наших общих интересах и интересах европейской безопасности в целом – перейти к выработке конкретного формата взаимодействия с ЕС и его специализированными военно-политическими структурами с учетом новых возможностей в области безопасности и обороны, что в значительной мере обогатило бы наш политдиалог и еще раз подчеркнуло бы его роль как фактора стабильности и предсказуемости в Европе.

С этими проблемами тесно связан и процесс расширения Европейского Союза – за счет принятия новых членов, в том числе из Центральной и Восточной Европы. Россия признает его объективный характер, однако полагает, что при этом должны быть учтены позиции тех международных партнеров ЕС, интересы которых он затронет. Ни в политической, ни в экономической области не должно возникнуть предпосылок для возврата к разделительным линиям на европейском континенте.

Как это определено в Концепции внешней политики Российской Федерации, мы намерены добиваться должного учета своих интересов в связи с расширением ЕС. В этой связи начало консультаций с Комиссией Европейских сообществ о последствиях расширения ЕС для России, о важности которых российская сторона говорила уже давно, воспринимается как несомненный шаг вперед. Однако, как таковое, проведение консультаций – не самоцель. Их начало должно иметь реальное продолжение в продуктивной работе по всему спектру российских "озабоченностей", в том числе по таким непростым вопросам, как соответствие кандидатов на вступление в ЕС высоким критериям Европейского Союза в области прав человека и национальных меньшинств (предмет российского беспокойства в этом плане – Латвия и Эстония), проблематика Калининградской области. Россию также не может не беспокоить перспектива привнесения в ЕС некоторыми странами-кандидатами своей антироссийской риторики, что могло бы негативно отразиться на отношениях Россия – ЕС. Еще раз подчеркнем: мы открыты к конструктивному диалогу по всем возможным последствиям расширения Европейского Союза для партнерства и сотрудничества между ЕС и Российской Федерацией.

Общим интересам России и Европейского Союза отвечает более полное раскрытие потенциала торгово-экономических отношений Россия — ЕС. В этой связи одним из приоритетов для России является привлечение западноевропейских инвестиций в российскую экономику. Во время встречи на высшем уровне в формате "1+2" (Президент Российской Федерации — Председатель Европейского союза — Председатель Комиссии Европейских сообществ) 29 мая 2000 года в Москве лидеры ЕС говорили об имеющейся в странах-членах заинтересованности в развитии сотрудничества в этой области. Однако в таком случае необходимые усилия должна предпринимать не только Россия, но и Европейский Союз. Российская Федерация продолжает работу по улучшению инвестиционного климата, включая совершенствование налогового, страхового законодательства. ЕС, со своей стороны, мог бы поощрять к сотрудничеству с Россией крупных потенциальных инвесторов. В этой связи обоюдным интересам ЕС и России соответствовало бы принятие совместного пакета мер для привлечения капиталовложений. Весьма полезной представляется и активизация работы "Круглого стола" промышленников и предпринимателей России и ЕС.

Потребностям дальнейшего развития двусторонних отношений отвечала бы и выработка механизмов, обеспечивающих более тесную интеграцию научно-технических потенциалов России и Европейского Союза с целью их взаимоусиления и совместной реализации результатов НИОКР. Необходимым условием для этого является подписание подготовленного сторонами соглашения Россия – ЕС о сотрудничестве в сфере науки и техники.

Понятие партнерства предполагает адекватное отношение к интересам и предметам обеспокоенности друг друга. Представляется, что в этом ключе должны восприниматься и сохраняющиеся взаимные претензии в торговле между Европейским Союзом и Россией, которые надо не искусственно раздувать, а совместно решать, в том числе на базе основополагающего Соглашения о партнерстве и сотрудничестве.

Состоявшийся 30 октября саммит Россия-ЕС в Париже закрепил основной вектор нашего взаимодействия с этим динамично развивающимся интеграционным объединением – стратегическое партнерство. Предметный диалог Президента России В.В. Путина с лидерами Евросоюза позволил открыть новые горизонты взаимодействия.

В первую очередь это касается развития политического диалога в новых условиях, когда Европа «пятнадцати» вступила в завершающую фазу формирования своей «оборонной самобытности». Реальные очертания этот процесс, видимо, приобретет после декабрьского заседания Евросовета в Ницце, однако уже сейчас намечены контуры нашего взаимодейст-

вия на этом направлении, которое, несомненно, отвечало бы интересам укрепления стабильности и безопасности в Европе.

В Париже приняты решения, которые позволят, как мы рассчитываем, существенно расширить рамки экономического взаимодействия. Речь идет и о выработке новой модели долгосрочного сотрудничества в области энергетики, о мерах по содействию вступлению России в ВТО, поддержке российских экономических и социальных реформ, в том числе и с помощью программы ТАСИС. Впервые на встречах такого уровня акцентирована инвестиционная составляющая взаимоотношений. Не была обойдена стороной и проблематика учета интересов России в процессе расширения ЕС.

Важным инструментом строительства действительно единой Европы призван стать **Совет Европы.** У него есть все основания превратиться, наряду с ОБСЕ, в одну из несущих опор европейской архитектуры, формирование которой идет очень непросто, играть роль ключевого игрока по обеспечению демократической, социальной, гуманитарной составляющей европейской безопасности.

Исходя из этого, мы заинтересованы в повышении роли Совета Европы в европейских делах. Хорошей основой для этого служит принятая на юбилейной сессии Комитета министров СЕ в Будапеште 7 мая 1999 года Политическая декларация Совета Европы "За Большую Европу без разделительных линий".

Вступление России в Совет Европы было продиктовано нашими долгосрочными интересами. Взаимодействие нашей страны с этой организацией – процесс взаимовыгодный.

За четыре года членства в СЕ Россия получила немало полезного. Это и свободный доступ к европейским конвенциям и другим наработкам Совета Европы, прежде всего, в области защиты всего комплекса прав и свобод человека, и возможность использования обкатанных и доказавших свою эффективность европейских технологий управления демократическим обществом. Это и безвозмездное привлечение экспертов Совета Европы к разработке новых правовых норм с учетом общепринятых европейских стандартов, а также к подготовке кадров государственных служащих, работников правоохранительных органов и судей. Это, наконец, подключение к реализации крупных общеевропейских программ сотрудничества в социальной сфере, в области культуры и образования.

Одновременно и Совет Европы, приняв в свои ряды Россию, получил возможность использовать российский интеллектуальный потенциал для разработки своих новых идей и планов. Конкретный пример тому – активное участие наших экспертов в подготовке целого ряда конвенций СЕ.

На ближайшую перспективу мы видим следующие задачи Совета Европы: приоритет – утверждение "духа Страсбурга", провозглашенного на втором саммите СЕ; его суть – единение Европы, а не возведение новых барьеров, расширение на континенте сферы действия «силы права», а не «права силы» с обслуживающими его военными структурами.

Для выполнения своей нелегкой и вместе с тем исключительно важной миссии Совет Европы должен, на наш взгляд, как можно быстрее довести до логического завершения процесс своего расширения: вслед за Грузией принять в СЕ Армению и Азербайджан, а также Боснию и Герцеговину, Монако, СРЮ, восстановить в организации статус специально приглашенного в отношении Белоруссии и шаг за шагом вести дело к оформлению белорусского членства в СЕ.

В свете наращивания диалога СЕ с другими европейскими институтами речь также могла бы идти, например, о более широком использовании последними созданной Советом Европы разветвленной нормативной базы европейского права из более чем 170 конвенций.

Чтобы избежать размывания провозглашенных высоких европейских стандартов, Совету Европы, по нашему мнению, следует усилить контроль за выполнением государствами

обязательств, вытекающих из их членства в СЕ. Причем это должно касаться всех без исключения, а не только новичков.

В целом, в контексте контроля за обязательствами Совету Европы, если он хочет быть верен традициям европейского гуманизма, провозглашающего человека мерой всех вещей, надлежит уделить особое внимание более эффективному мониторингу соблюдения прав человека, включая права тысяч людей без гражданства в государствах Балтии. Россия намерена добиваться через Совет Европы воздействия на Латвию и Эстонию, с тем чтобы положение русскоязычного населения в этих странах полностью соответствовало общепризнанным европейским нормам. Двойные стандарты в этом важнейшем вопросе недопустимы.

Исключительно ответственной задачей СЕ, вытекающей из самого предназначения организации, является содействие реформам в недавно вступивших в нее государствах и выравнивание тем самым уровней демократического развития различных частей Европы. Россия будет всячески содействовать укреплению этого важнейшего компонента стабильности на континенте, поискам эффективного противоядия возникновению конфликтных ситуаций различного рода.

На наш взгляд, СЕ должен активизировать свои усилия и в социально-экономической сфере. Ведь ни для кого не секрет, что в сегодняшней Европе на смену идеологическим барьерам пришли экономические водоразделы, а многие страны, причем отнюдь не только на востоке континента, будоражат социальные конфликты.

В целом, отношения России и Совета Европы имеют под собой достаточно прочную конструктивную основу, несмотря на возникающие иногда недопонимания, как, например, в связи с событиями в Чеченской Республике. Но мы уверены: в конечном счете в СЕ возобладает реалистический подход, как это уже продемонстрировал Комитет министров СЕ в своем ответе Парламентской Ассамблее Совета Европы, не согласившись с ее рекомендациями приостановить членство России в этой организации.

* * *

Действующие в Европе организации весьма различны по составу и компетенции, но объединены общей целью – содействовать формированию устойчивой системы европейской безопасности. Однако лишь одна из них способна предложить действительно комплексный и многовариантный подход к вопросам безопасности, учитывать интересы всех государств Европы, несмотря на их членство в тех или иных организациях. Имеется в виду **Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе.**

25 лет назад этот форум создавался как инструмент разрядки международной напряженности. Долгие годы он служил своего рода мостом, а иногда и громоотводом в отношениях между двумя противостоящими блоками, местом диалога в условиях ядерного противостояния. Десять принципов Хельсинки, являющиеся стержнем Заключительного акта, обеспечили рамки стабильных взаимоотношений между государствами не только в сложнейших условиях конца 70-х и 80-х годов, но и продолжают сохранять свою актуальность сегодня.

Важнейшей общей задачей является использование в полной мере имеющихся у ОБСЕ явных преимуществ перед другими международными структурами, действующими в области безопасности. К ним относятся:

– Широкая география участников. Членами ОБСЕ сегодня являются 55 государств, простирающих свою территорию на три материка и занимающих пространство, которое принято называть "от Ванкувера до Владивостока", хотя правильнее было бы сказать: "От Чукотки до Аляски".

– Сфера деятельности ОБСЕ включает в себя практически все аспекты безопасности, условно разделенные на три «корзины» – военно-политическую, экономико-экологическую и гуманитарную права человека. Универсальные рамки ОБСЕ позволяют государствам-участникам обсуждать и решать действительно любые проблемы из любой области отношений между ними, чего не позволяют сделать другие международные структуры.

– В рамках ОБСЕ функционирует наиболее демократичный из всех механизм принятия решений – правило консенсуса.

На нынешнем этапе формирования системы европейской безопасности и, в частности, в работе самой ОБСЕ можно, однако, выделить проблемы, вызывающие принципиальную озабоченность.

Прежде всего, речь идет о географическом дисбалансе. Нетрудно увидеть, что основные усилия этой организации направлены на пространство бывшего Советского Союза и Балканы. Практически в каждой стране этого обширного региона действуют "миссии", "информационные центры", "присутствия" и "группы содействия" ОБСЕ и других организаций. Не отрицая наличия в этих государствах действительно серьезных проблем, которые требуют международного содействия в той или иной форме, вряд ли можно серьезно говорить о поголовном иммунитете от "проблемной болезни" в других регионах, в частности, в Западной Европе и Северной Америке.

Несколько десятилетий не затихает очаг напряженности в Северной Ирландии. На пограничье между Францией и Испанией действуют баскские террористы. На широкую автономию вплоть до отделения претендуют определенние крири во французской Корсике и датских Фарерах. Далека от урегулирования курдская проблема в Турции. С проявлениями сепаратизма сталкиваются в Квебеке и Техасе. Сохраняются перегибы в правоохранительной практике в США. Это далеко не полный перечень того, на что стоило бы обратить внимание на пространстве, расположенном за пределами постсоветского и постюгославского регионов. К сожалению, в повседневной практике ОБСЕ этим вопросам практически не уделяется никакого внимания, а наши неоднократные попытки подключить ОБСЕ к их решению наталкиваются на резкое неприятие.

Во-вторых, сохранение функционального дисбаланса в работе ОБСЕ. Ни для кого не секрет, что из трех «корзин» ОБСЕ – военно-политической, экономико-экологической и гуманитарной – основное внимание уделяется правозащитному и гуманитарному измерению, то есть третьей "корзине". Тем самым делается попытка постепенно переориентировать деятельность Организации с всего комплекса проблем безопасности на один из ее узких аспектов.

Совокупное углубление географического и функционального дисбалансов создает опасность постепенной утраты ОБСЕ ее значимости, что неизбежно приведет к эрозии самой сути Организации и, соответственно, снижению ее роли в системе европейской и евроатлантической безопасности.

Для исправления ситуации необходимо не только равномерно распределять внимание государств-участников на все пространство ОБСЕ, но и развивать механизмы, связанные с различными измерениями безопасности, в частности совершенствовать потенциал Форума ОБСЕ по сотрудничеству в области безопасности, повышать роль экономического измерения.

В-третьих, угрозу концептуального характера представляют не так давно появившиеся доктрины "гуманитарной интервенции" и "ограниченного суверенитета". Сегодня под предлогом доктрины "гуманитарной интервенции" предпринимаются попытки оправдать и узаконить факты вмешательства во внутренние дела суверенных государств. Развитие подобных доктрин может приобрести в будущем самые уродливые формы, поэтому мы считаем их крайне опасными и призываем всячески им противостоять. Тем более что они противо-

речат как политическим обязательствам государств по линии ОБСЕ, так и их международно-правовым обязательствам.

В-четвертых, крупную угрозу международной безопасности создает сегодня проблема международного терроризма. Особую опасность представляет одна из его разновидностей, связанная с агрессивным исламским экстремизмом. Если обозначить на карте мира основные точки его реального проявления сегодня, то выстроится дуга, проходящая через Кашмир, Афганистан, государства Центральной Азии, российскую Чечню и упирающаяся в Балканы. Вполне вероятно, что после разгрома боевиков в Чечне экстремисты активизируются в балканском регионе, с возможным расползанием проблемы и на другие страны Западной Европы.

Поэтому мы выступаем за интенсификацию усилий всех государств по борьбе с терроризмом, за выработку глобальных скоординированных действий между ними. Свое слово здесь может и должна сказать ОБСЕ .

В-пятых, считаем необходимым привлечь внимание к проблеме, связанной с угрозой возрождения нацизма и правого экстремизма, с которой особенно остро сталкивается Европа в последние год-два. Заметно активизировались националистические силы в таких странах, как Франция, Германия, Бельгия, Норвегия. Из ряда вон выходящими являются открытые марши ветеранов войск СС и преследования ветеранов-антифашистов в Латвии и Эстонии.

Озабоченность вызывает не только сама проблема возрождения фашизма, но и двойные стандарты, проявляющиеся в отношении к ней со стороны международного сообщества. В Западной Европе, к примеру, по-разному реагируют на проявления ксенофобии в Австрии и в странах Балтии. В перспективе это чревато усилением негативных тенденций.

В заключение хотелось бы обратить внимание на то, что ОБСЕ действительно обладает уникальным потенциалом в области поддержания мира и безопасности в Европе. Однако не весь этот потенциал сегодня реализуется полностью. Для этого необходима политическая воля всех без исключения государств-участников, которые должны развивать сотрудничество на действительно равноправной основе. Ведь каждая международная организация сильна готовностью своих членов взаимодействовать друг с другом в общих целях.

Как показала практика, попытки дискриминации в рамках ОБСЕ отдельных государств путем отстранения их от участия в работе ее органов, как это случалось с Югославией, или путем непризнания одной из существующих в них ветвей власти, как это имело место в отношениях между Парламентской ассамблеей ОБСЕ и Национальным собранием Белоруссии, не приносят конструктивных результатов ни для одной из сторон и, самое главное, не идут на пользу европейской безопасности в целом.

Все эти вопросы носят не абстрактный характер, они реальность нашего времени, которая должна найти свое отражение в практической дипломатии ОБСЕ.

Современная система отношений на европейском континенте должна строиться прежде всего на основе равных возможностей всех государств в экономической области. Это подразумевает движение различных европейских экономических институтов, объединений и отдельных государств к равноправному и взаимовыгодному сотрудничеству без применения каких-либо ограничений, санкций и иных мер, ущемляющих свободу экономического взаимодействия.

Реальное экономическое сотрудничество не возможно без действенных политических и, по возможности, юридических гарантий в области безопасности. Такие гарантии, в свою очередь, должны строиться на строгом соблюдении норм и принципов международного права, тесном неиерархическом взаимодействии всех существующих сегодня европейских институтов в области безопасности, равноправном и действенном партнерстве всех госу-

дарств Европы в решении возникающих проблем и кризисных ситуаций и поисках адекватных ответов на новые риски и вызовы.

Эдмунд ШТОЙБЕР (Германия)

ФЕДЕРАЛИЗМ И РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ В ЕВРОПЕ: ТОЧКА ЗРЕНИЯ БАВАРИИ

Сохранение и укрепление федерализма является с момента основания Федеративной Республики Германии центральной задачей баварской политики. Бавария, опирающаяся на тысячелетнюю государственную традицию, на конституционном Конвенте, состоявшемся в 1948 году на острове Херренхимзее, определила существенным образом федеративное наполнение Основного закона Федеративной Республики Германии. В 1949 году Баварский ландтаг отклонил принятие Основного закона лишь по той причине, что большинство его депутатов не сочло, что в тексте конституции достаточно надежно закреплены принципы федерализма. Укрепление федерализма в Германии и в Европе стоит и сегодня на политической повестке дня, и вновь Бавария выступает с инициативой.

Федерализм означает для Баварии больше, чем просто децентрализация политической власти. Для нас важно обеспечить самостоятельность немецких земель и укрепить личную ответственность. Для этого земли должны обладать возможностью действовать самостоятельно и находить решения особых проблем своего региона под собственную ответственность. В моем понимании, федерализм нераздельно связан с соревновательностью. Конкуренция различных политических концепций на региональном уровне полезна в конечном счете всем участникам, потому что она способствует инновациям. Поэтому я рассматриваю самостоятельность Баварии как шанс и предназначение, которые даются для поиска решений великих задач современности и будущего. Это касается не только наших усилий по сохранению внутренней стабильности, но и политики по образованию Союза или стараний по обеспечению и расширению позиции Баварии как одного из ведущих высокотехнологических регионов в Европе и в мире.

Однако самостоятельность Баварии означает для ее граждан также и защищенность, сохранение исторически сложившейся региональной идентичности и собственной неповторимой культуры. Усиление регионов обеспечивает необходимый противовес для европеизации и глобализации, так как неясность, изобилие и кажущееся разнообразие глобализации порождают у многих людей чувство неуверенности и беспомощности. Эти явления возможно перебороть лишь в том случае, если находишь поддержку на «малой родине». Сохранение региональной идентичности и самостоятельности не имеет поэтому ничего общего с фольклором, а является значительным элементом стабилизации нашей политической и общественной системы.

Эдмунд Штойбер, премьер-министр Баварии, доктор наук.
© 2000

В последние годы Баварское правительство шаг за шагом приближается к цели укрепления федеральной системы путем создания структуры, открытой для конкуренции. При изменении Основного закона в 1994 году мы смогли достичь того, что статьи 72 и 74 были написаны заново. В сочетании со статьей 125а Основного закона земли теперь могут вер-

нуть себе полномочия, которые в последние десятилетия были отданы центру. На конференции премьер-министров немецких земель в декабре 1998 года и в ходе консультаций с федеральным правительством было выработано соглашение о модернизации федерального устройства.

В дополнение к этому решение Федерального конституционного суда от 11 ноября 1999 года также значительно улучшило шансы на проведение реформы федерализма. В ответ на жалобу земель Бавария, Баден-Вюрттемберг и Гессен суд признал закон о финансовом выравнивании в его настоящей форме противоречащим Конституции и установил жесткий временной срок до конца 2002 года для выработки нового закона.

Но мы боремся за федерализм не только на национальном уровне. Обеспечение государственной самостоятельности и самобытности государств является ядром баварских требований к Европейскому Союзу. Европейская политика становится все менее похожей на классическую внешнюю политику и все более – на европейскую внутреннюю политику. Уже сегодня примерно 50% всех решений, касающихся жизни людей в Баварии, принимаются не в Мюнхене или Берлине, а в Брюсселе. По сути, нет такой сферы нашей жизни, в которой бы экономика, потребители, общественные и государственные структуры не были бы затронуты решениями, принимаемыми на европейском уровне. Наши автомобили должны соответствовать европейским нормам по выхлопным газам, в наших карманах лежат выполненные по единому образцу водительские удостоверения и паспорта, наши покупки мы будем вскоре оплачивать не монетами и купюрами наших национальных валют, а евро.

Глядя на такое развитие событий, многие граждане задают себе вопрос: до каких пределов должна развиваться интеграция? Не придется ли нам рано или поздно жить в Соединенных Штатах Европы? Какие инстанции принимают решения, определяющие жизнь в рамках Европейского Союза, из которых вытекает, что государственная граница, например, между Германией и Нидерландами становится якобы абсолютно второстепенной?

Для меня ответ однозначен: ЕС не должен стать центром, который превращает государства-члены и регионы в исполнительные органы, обязанные выполнять только решения Брюсселя. Целью дальнейшей интеграции должен стать союз европейских государств и регионов на основе существующего объединения государств. Большинство людей в Европе не хотят европейского федерального государства. Европейская интеграция не должна разрушить идентичность и самобытность государств и регионов, так как идентичность и мощь Европы покоятся на ее исторически сложившемся многообразии.

Однако опыт последних лет дает повод для опасений, что ЕС стремится все больше выхолостить и урезать полномочия государств и регионов. ЕС склоняется к тому, чтобы воспринимать проблемы, стоящие перед отдельными регионами Европы, как задачи, стоящие перед всей Европой. При этом речь идет не только о директивах, каков должен быть радиус кривизны огурцов или как должен выглядеть обязательный для всей Европы образец биографии при назначении на должность. Примеров вмешательства ЕС во внутренние дела государств и регионов достаточно, начиная с системы финансовой поддержки экономически слабых регионов и кончая запретом на рекламу табачных изделий. В этой связи Европейская судебная палата несколько недель назад признала правоту немецкого правительства, которое выступило с иском в суде против соответствующих директив ЕС. Но та же судебная палата, ссылаясь на положение о равенстве шансов мужчин и женщин в трудовой деятельности, претендует на принятие решения о том, разрешено ли будет женщинам служить в бундесвере. Однако принятие общественно-политических решений подобной важности

должно оставаться за демократически легитимными конституционными органами Германии. Европейский Союз не обладает для этого легитимностью.

Это вмешательство почти во все политические сферы стало возможным из-за того, что слишком неясны и расплывчаты рамки компетенции ЕС. Полномочия ЕС, касающиеся внутреннего рынка, стали распространяться на сферы, в которых ЕС, по Европейским договорам, ими не располагает, например, на культурную, образовательную и социальную политику. Несмотря на то, что подобная стратегия понятна, она приводит к тому, что полномочия Союза становятся бременем для государств-членов и регионов.

Следующим толчком к централизации Европы послужила конференция на высшем уровне в Лиссабоне в марте 2000 года. Например, там было принято решение не только о ежегодном экономическом приросте в 3%, но также и о доведении квоты занятости женщин до 60% в 2010 году. С моей точки зрения, это установка на плановую централизованную экономику, что как раз теперь представляется абсурдным, если учитывать, что десять лет назад в Восточной Европе социалистическая плановая экономика претерпела коллапс.

В Лиссабоне Совет Европы постановил провести проверку европейской системы пенсионного обеспечения. Это первый шаг к выравниванию пенсионного страхования на континенте. Если нам не удастся сдержать этот процесс, пенсионеры Германии окажутся в проигрыше. Неприемлемым является для меня также вмешательство ЕС в политику в области образования. Эти сферы относятся в Германии к классическим полномочиям земель. Так, например, Совет Европы в Лиссабоне постановил, что доля выпускников средних и реальных школ должна быть наполовину сокращена, а количество закончивших гимназии соответственно увеличено. Я, конечно, приветствую все целесообразные усилия по повышению уровня образования нашего молодого поколения. Но схематические установки Лиссабона, которые полностью игнорируют различия между системами школьного и высшего образования внутри Европы, не могут принести пользы и, к сожалению, являются только одним из многочисленных примеров того, как ЕС присваивает себе полномочия, которые ему не принадлежат.

Это похоже на опеку из центра в ее самом плохом виде. Ведь выполнение европейских директив является для национальных и региональных парламентов и правительств обязательным при контроле из Лиссабона. Тем самым в Лиссабоне начат процесс, в результате которого может произойти деградация государств и регионов в подчиненные исполнительные субъекты внутри европейского централизованного государства. Я решительно выступаю против этого, потому что подобная тенденция для будущего европейских народов является роковой.

Мои критические замечания ни в коей мере не означают отхода от идеи единой Европы. Наоборот: я выступаю за объединение Европы, так как, по моему глубокому убеждению, речь идет о процессе исторического значения. Объединение Европы предоставляет шанс сохранить европейские ценности и усилить силу их воздействия. Баварское правительство с давних пор является сторонником объединения Европы, так как видит в этом историческою задачу по обеспечению нашего будущего в мире и свободы. ЕС является самым успешным проектом в истории Европы по сохранению мира. В его рамках произошло примирение народов Западной Европы, которое после двух опустошительных войн XX столетия вряд ли кто-либо считал возможным.

Одновременно была заложена основа для своеобразного экономического взлета, который может быть обеспечен лишь совместными усилиями. В ходе глобализации по всему

миру образуются крупные экономические центры. Если европейские государства хотят утвердиться во все более ужесточающейся конкурентной борьбе за места размещения производства, они должны действовать совместно и выступать единым фронтом. Европа в виде современного Европейского Союза будет в 2010 году составлять лишь 5% мировой численности населения. Это свидетельствует о том, что только объединенная Европа сможет сохранить себя в будущем мире.

Однако я отвергаю централизованную демократически не легитимную Европу. Поползновения ЕС быть уполномоченным почти по каждому политическому вопросу ставят под сомнение государственную самостоятельность Германии и ее земель. Это подрывает один из краеугольных камней государственного устройства Германии, заложенных в Основном законе. Тем самым европейская идея теряет свою убедительность и авторитет, так как все больше людей опасается, что ЕС недостаточно соответствует своим великим историческим задачам и вместо решения их охотнее впадает в детали, которые могли бы быть лучше урегулированы на местах, а не централизованно из Брюсселя. К сожалению, даже у доброжелательного наблюдателя часто возникает чувство, что инстанциям ЕС в Брюсселе и Страсбурге выработка единых предписаний по спецодежде пожарников намного важнее, чем решение грандиозных проблем, перед которыми стоит наш континент в начале нового тысячелетия.

Развитие централизованных структур в Европе носит роковой характер и в другом отношении. Необходимое и исторически значимое расширение Европейского Союза находится в вопиющем противоречии с этим процессом. Союз, который свяжет в будущем двадцать, а когда-нибудь и тридцать наций, не может оставаться однородным пространством, управляемым из единого центра. Нации, государства и регионы – это безотказный буфер, позволяющий сглаживать напряженность, возникающую из-за различий, длительность существования которых неизбежна, и создавать общественную сплоченность внутри Европы. Поэтому будущая Европа должна иметь федеральные структуры. Такой большой и неоднородный Союз не может управляться централизованно из Брюсселя по всем направлениям жизни, помимо того, что сегодняшнее распределение задач в расширенном союзе невозможно профинансировать. Это в первую очередь касается аграрной и структурной политики. Поэтому, перед тем как расширять ЕС, необходимо тщательно проверить, какие задачи действительно нужно решать на европейском уровне, а какие задачи должны остаться в руках государств-членов и регионов или должны быть им возвращены.

Первые шаги в этом направлении сделаны. Внутри Германии участие земель в делах Европейского Союза закреплено статьей 23 Основного закона, которая заново была внесена в 1992 году. Эта статья говорит о том, что ни один параграф не может быть принят в Брюсселе, прежде чем он найдет одобрение у правительств земель. У земель даже есть право самим принимать участие в переговорах в Брюсселе, когда затрагиваются исключительные законодательные полномочия земель.

По Маастрихтскому соглашению был создан в качестве совещательного органа ЕС Комитет по регионам. Правда, его функции еще следует расширить. Комитет по регионам должен получить право выступать с иском, чтобы бороться с нарушениями своих прав или принципа субсидиарности. Комиссия ЕС обязана, по крайней мере, давать объяснения, в случае если она не может учесть рекомендации Комитета по регионам.

Принцип субсидиарности, по которому все решения должны приниматься по возможности на местном уровне, был закреплен в Маастрихте в Европейском договоре по настоя-

нию Германии. В нем сказано недвусмысленно: «В тех сферах, которые не подпадают под исключительную компетенцию сообщества, оно – строго следуя принципу субсидиарности – действует только в тех исключительных случаях, если предполагаемые цели не могут быть достигнуты на уровне государств-членов и если эти цели с большим охватом и эффектом могут быть достигнуты на уровне сообщества». Тем самым действует договорная основа, на которой можно осуществлять дальнейшие построения.

Правда, заложенные правовые возможности должны быть больше наполнены жизнью. Бавария, как и другие германские земли и многие европейские регионы, выступает за четкое применение принципа субсидиарности в ЕС. Если Европа должна стать динамичным экономическим пространством с политическим будущим, то нам в Европе необходимо четкое разграничение полномочий между ЕС, нациями и регионами. Поэтому я выступаю за европейский конституционный договор или основной договор, который охватит принципы и структуры Союза. Сюда относится формулировка главных ценностей, включая хартию по основополагающим правам, а также определение организационных рамок, закрепление принципа субсидиарности и точное описание европейских полномочий. Лишь так, из призрачного образа не просто экономического, но и политического союза, может возникнуть реальность.

Прежний процесс европейской интеграции был отмечен тем, что она утвердилась сначала в области экономики и далее продвигалась шаг за шагом без формулирования точных представлений о конечной цели этого процесса. Европейский Союз до сих пор похож на стройку, где активно возводят стены, пилят и стучат молотками, но на которой никто не знает, сколько этажей когда-нибудь будет иметь уже частично заселенное здание и как будет сконструирована крыша. Поэтому нам нужен ясный план строительства европейского дома, договорная основа для его дальнейшего развития. При этом государства-члены и их парламенты должны оставаться хозяевами европейских договоров, лишь они уполномочены принимать решения об объеме европейских задач и тем самым об отречении от собственного суверенитета.

Британский премьер-министр Тони Блэр охарактеризовал цели своей европейской политики следующими словами: «Интеграция, где необходимо, и децентрализация, где возможно. Европа должна лучше вершить великие дела и устраниться от малых дел. Европа, делающая лишь то, что она должна делать, да при том хорошо, – вот к чему необходимо стремиться». С этим высказыванием я не могу не согласиться.

Европейский Союз должен сконцентрироваться на задачах, которые действительно целесообразно выполнять только на европейском уровне. К таким задачам я отношу регулирование функционирования внутреннего рынка, совместные действия по сохранению внутренней и внешней безопасности, а также общую ответственную политику в отношении политических эмигрантов и беженцев, создание общеевропейской сети путей сообщения и участие в межрегиональной и приграничной защите окружающей среды. Все это только в национальных рамках неосуществимо. Выводом из принципа субсидиарности является то, что ЕС больше полномочий получает в областях, в которых необходим европейский подход. Это особенно относится к совместной внешней политике и политике безопасности, а также к части внутренней и правовой политики, как, например, эмиграционное право, ограничение переселений или борьба с международной организованной преступностью. С другой стороны, государства и регионы должны сохранить достаточный простор для законотворчества: единой европейской политики в области занятости, культуры, социальной сфе-

ры, здравоохранения или образования не требуется. Это приводит лишь к чрезмерной регламентации и бюрократизму и делает Европу тяжеловесной и негибкой. Государства-члены и регионы могут решить эти задачи на местах намного эффективнее.

Европе нужны регионы с гражданской системой управления. 70% процентов европейских проектов приходится осуществлять регионам. В ограниченном пространстве легче организовать контроль за их осуществлением и ответственнее подойти к делу. Это способствует в свою очередь эффективности и легитимности политического порядка.

Европе нужны также сильные регионы, способные к экономической конкуренции в глобальном масштабе. Не везде в Европе регионы располагают выраженными правами политического самоуправления. Но везде регионы находятся в жесткой экономической конкуренции друг с другом. По крайней мере, в экономике регионы уже давно являются центральным фактором. Чтобы сохранить их конкурентноспособными, странам и регионам нужна большая свобода действий.

Современной Европе предстоят великие вызовы, и ЕС будет вынужден развиваться дальше. Европа должна будет также и в XXI веке, в эпоху глобализации, сохранять свою самостоятельность как на национальном, так и на региональном уровне, отличаться конкуренцией и многообразием, а не опекой из центра. Поэтому Европе нужны федеративные и субсидиарные структуры. За эти цели я борюсь в качестве премьер-министра Баварии и как председатель партии, которая в Баварском ландтаге, в бундестаге и в Европейском парламенте выступает как раз под знаком европеизации и глобализации.

Лилия ШЕВЦОВА

ОТ РОССИИ ЕЛЬЦИНА К РОССИИ ПУТИНА

(ЭВОЛЮЦИЯ ВЫБОРНОЙ МОНАРХИИ)

Период, прошедший после отставки первого российского президента Бориса Ельцина, оказался насыщен знаковыми политическими событиями и позволяет поднять несколько вопросов относительно эволюции сформированного на предшествующем этапе посткоммунистического развития России режима власти. Новый российский лидер Владимир Путин продемонстрировал сложную взаимосвязь между преемственностью и резким обрывом связи с недавним прошлым. Он не только изменил привычный баланс политических сил в нынешнем обществе и конфигурацию самой власти, но и рискнул пойти на демонтаж важнейших элементов ельцинской политической постройки, тем самым породив новые тенденции в развитии страны. В то же время он не отверг основной принцип ельцинского режима – принцип нерасчлененной, монолитной власти, сделав акцент на его усилении, тем самым возвращая нас к давней российской традиции моносубъектного правления.

Пока, однако, еще преждевременно делать окончательные выводы о том, какая модель власти утвердится в России в результате правления Владимира Путина: станет ли она устойчивым политическим образованием либо еще одним этапом на пути поиска адекватной для общества формы режима и правления; насколько она сохранит демократические черты, а насколько вернется к той или иной форме авторитаризма. Неясны пока и возможности эволюции взглядов нового лидера и его команды, а также направленность их шагов, в случае если они обнаружат, что их попытки построения в России очередной версии «приводных ремней» окажутся несостоятельными. Начнет ли нынешняя правящая команда выстраивать институциональную политику и власть, что не удалось в свое время Ельцину, попытается ли преодолеть кризис обращением к откровенной диктатуре либо возвратится к уже испытанным при прежнем президенте формам гибридной власти, уповая на стагнацию и самосохранение посредством раздачи самой власти, пока остается под вопросом. Несмотря на ряд вполне очевидных тенденций, порожденных Путиным, и проявившуюся направленность его действий, их результат все еще может быть неоднозначен. Попытаемся вычленить основные аспекты доставшейся новому президенту политической реальности и проанализировать его шаги по ее обновлению.

Шевцова Лилия Федоровна, доктор ист. наук, член научного совета Московского Центра Карнеги.

© 2000

При оценке ельцинского наследия будем исходить из того, насколько политика Кремлевского лидера ведет к укреплению либерально-демократических начал в российской жизни, какова цена его реформаторской деятельности, то есть каково в его деятельности соотношение целей и средств и какие шансы в посткоммунистической трансформации он упустил, сознательно или неосознанно. При первом взгляде на Бориса Ельцина он действительно выглядит, революционером-терминатором, как его изображает подавляющее большинство исследователей, который разрушил не только коммунизм, но и одновременно советское государство-империю. Но на деле его революционная роль не так уж и однозначна, и образ Ельцина-революционера, скорее всего, уже вскоре будет пересмотрен. Обратим внимание на то, что Ельцин оказался лидером России не только потому, что он смог стать выразителем настроений антикоммунистической части общества, но и потому, что в глазах другой – консервативной, номенклатурной части он по-прежнему оставался элементом советской бюрократической машины и потому олицетворял собой преемственность. Именно то, что Ельцин – на короткий, правда, период – смог стать символом одновременно преемственности и отрицания прошлого, помогло ему консолидировать российское общество, облегчило не только его победу в борьбе с горбачевским союзным центром, но также помогло избежать катастрофического обвала в момент разрушения коммунизма.

Для формирования самого лидерства Ельцина исключительно важно было то, что он был не диссидентом, не интеллигентом, как, скажем, академик Дмитрий Сахаров, а бунтовщиком, вышедшим из старой системы и все еще сохранявшим, пусть на уровне своего опыта и ощущений, связь с нею. Для одних сил в России Ельцин выглядел гарантией решительного разрыва с прошлым, для других – само номенклатурное прошлое Ельцина гарантировало, что радикальной чистки власти и революции, которая бы полностью смела старый правящий класс и прежние политические традиции, в стране не будет. Причем революционность ельцинской риторики, используемый им на первых порах стиль народного трибуна помогли Ельцину создать видимость полного разрыва с прошлым, в то время как сам этот разрыв не был столь глубоким, как представлялось вначале – да и не мог быть.

Разрушение советского государства облегчило приход к власти второго эшелона советской элиты, более прагматической, свободной от приверженности к коммунистическим идеалам и давно ждущей возможности приватизировать государственную, «ничью» собственность. Так что Ельцин, разрушая союзное государство, одновременно сохранял преемственность – неважно как – сознательно или неосознанно. Ельцин с самого начала был одновременно и разрушителем и консерватором, и только соединение этих двух ролей позволило ему, с одной стороны, предотвратить полный и неконтролируемый обвал старой системы, но, с другой – не дать обществу возможности последовательно двигаться по пути либерально-демократических преобразований. Двойственность первоначальной роли Ельцина не могла не породить дальнейшую неоднозначность его политического лидерства.

Результаты деятельности Ельцина могут быть относительно объективно осмыслены только при анализе как совокупности демократических стимулов, которые возникли в России в конце 80– начале 90-х годов, так и основных препятствий и ограничителей на пути демократической трансформации. Так, в решающий для новой России момент, в конце 1991 года, когда у власти утвердилась российская элита во главе с Ельциным, общество все еще переживало революционный подъем и было полно надежд на обновление. Оно было готово идти на немалые жертвы во имя нового будущего. Основные структуры партийно-номенклатурной системы, включая и силовые институты, были ослаблены либо находились в стадии саморазрушения. Идеи демократии были поддержаны самыми разными социальными слоями.

Но в то же время существовало гораздо больше факторов, которые осложняли движение России к либеральной демократии. Так, периоду демократизации в России не предше-

ствовал успешный период декомпрессии, либерализации, который, скажем, в Польше и Венгрии облегчил расставание с коммунистическим прошлым. Процесс посткоммунистической трансформации осложняла необходимость одновременно строить новое государство, проводить демократизацию и создавать рыночную экономику – средства решения этих задач нередко противоречили друг другу. Еще больше затрудняло реформы стремление самых разных сил, включая и демократов, сохранить за Россией статус ядерной сверхдержавы, который, между прочим, базировался на элементах старой системы (в первую очередь на мощном военно-промышленном комплексе) и советской ментальности. Играло свою роль и то, что в российском обществе не возникло чувство поражения в отношении предшествующего строя и прежнего государства, которое в свое время в других странах (например, в Германии и Японии после Второй мировой войны) облегчило их включение в западную систему координат. Отнюдь не благоприятствовало реформам в России и сохранение амортизационной подушки в виде мощного сырьевого комплекса, который вел к сохранению прежних механизмов экономического развития и позволял оттягивать момент радикальных экономических реформ.

Разумеется, на ход трансформации повлияла и личность самого Ельцина: груз его политического опыта, его ментальности и привычек, его образование, его амбиции и устремления. Нет сомнений в том, что, по крайней мере вначале, он искренне стремился к возрождению России в качестве цивилизованного члена западного сообщества и был готов поддержать далеко идущие шаги по реформированию плановой экономики. Однако в политике он никогда не давал оснований считать себя демократом. Совершенно напротив – его идеалом была персоналистская модель правления, в которой с самого начала просматривались отчетливые монархические черты, причем византийского характера. Ельцин никогда не понимал целесообразность и необходимость существования оппозиции, политического плюрализма, механизмов сдержек. Тот факт, что он не пошел на жесткую ликвидацию своих политических оппонентов, терпел порой уничтожающую критику со стороны СМИ, объясняется, скорее всего, тем, что он не рассматривал эти явления как опасность для своей власти. Но он не успокаивался, пока не находил способ нейтрализовать политически своих противников, если они становились реальной угрозой для его правления. Именно так он поступил с враждебным ему парламентом осенью 1993 года, не останавливаясь перед применением танков и перед человеческими жертвами.

Полученную власть Ельцин считал чем-то сакральным, данным ему чуть ли не Богом, скорее всего не допуская мысли о посягательстве на нее со стороны других политиков. Заметим, что видение Ельциным власти отличалось от воззрений других лидеров, выросших при советской системе, которые предпочитали избегать ответственности за процесс принятия решений, прячась за формы коллективного руковод-ства. Ельцин с самого начала порвал с советским, коллективистским восприятием власти и откровенно дал понять, что он рассматривает власть как исключительно неделимую и всецело принадлежащую лидеру, то есть ему лично, тем самым возвращая Россию к практике монолитной самодержавной власти.

Не менее существенным для судеб трансформации в России было и то, что команда молодых реформаторов, которую призвал Ельцин в 1991 году, с самого начала сделала упор не на создание демократических институтов и механизма сдержек и противовесов, а на персоналистское лидерство Ельцина, на так называемую «президентскую вертикаль». Отчасти антидемократизм первого поколения российских реформаторов был следствием их неуверенности в своей позиции, результатом опасений потерять власть в ходе свободной игры политических сил. Отчасти авторитарный подход к реформам был результатом стремления как можно быстрее провести наиболее болезненные экономические меры, не прибегая, как казалось, к замедляющим движение компромиссам и социальным пактам.

Как бы то ни было, возможность демократического подъема в России в конце 1991 года для выхода из традиционной как для царистской, так и советской парадигмы монолитной власти за счет принятия новой конституции и строительства политических институтов на основе принципа разделения властей была упущена. Основную ответственность за неиспользованные возможности углубления процесса демократизации несут как Ельцин, так и его команда, которая на первых порах имела немалое влияние на первого российского президента. Разумеется, остается вопрос: а мог ли провинциальный политик, никогда не размышлявший о категориях разделения властей и привыкший исключительно к патримониальному и директивному стилю управления, сознательно пойти на ограничение своей власти, на переход к совершенно новой для него модели власти? Сомнительно, тем более что он не ощущал никакого давления ни со стороны общества, ни со стороны демократических сил двигаться именно в этом направлении. Не исключено, что возможность, о которой мы говорим, была скорее теоретической. В любом случае, как показывает ход событий в России после ухода Ельцина, видимо, придется теперь долго ждать, пока появится новый шанс попытаться подвести черту под прошлым и расчленить российский монолит власти, то есть покончить с единовластием, и это станет возможным только в случае, если само общество заставит власть самореформироваться и отказаться от традиционного для России способа ее самовоспроизводства, фактически независимо от общества, низводя его к роли пассивного объекта.

Так что же возникло в результате ельцинского правления? В России возник гибридный, смешанный режим, в котором можно увидеть и демократические, и авторитарные, и олигархические элементы и который условно можно определить при помощи метафоры «выборная монархия» либо «выборное единовластие»[1]. Российская власть опирается на одобреную в ходе референдума 1993 года конституцию. Но стоит подчеркнуть, что эта конституция является не следствием общественного договора между властью и обществом и даже не следствием соглашения-пакта между различными политическими силами, а результатом победы одной силы, ликвидировавшей своих противников и предложившей обществу свои правила игры, а также использовавшей все ресурсы государства, для того чтобы обеспечить одобрение этих правил. Эта власть получает легитимацию в ходе регулярных и относительно свободных выборов, что нередко вводит в заблуждение исследователей, которые в этом факте видят подтверждение демократизма российского режима. Но действует эта власть, исходя из интересов узких олигархических группировок, и нередко обращается к авторитарным или полуавторитарным методам. Сам факт смешения в структуре режима противоположных по своей сущности элементов, с одной стороны, придает этому режиму определенную пластичность, создает ему возможность эволюционировать в разных направлениях – как в сторону более определенной демократии, так и в сторону откровенного авторитаризма. Но, с другой стороны, гибридный политический режим в России сам воспроизводит напряженность и нестабильность, не имея возможности разрешить внутренний конфликт между демократической легитимацией власти и полуавторитарным, полумонархическим характером ее функционирования. Не менее существенно и то, что этот режим, который строится на основе преемственности и ее отрицания, не может разрешить конфликт между прошлым и настоящим.

В посткоммунистической России на волне демократических ожиданий удивительным образом была воспроизведена модель власти, которая с теми или иными модификациями

[1] *Èãîðü Êëÿìêèí è Ëèëèÿ Øåâöîâà*. Âíåñèñòåìíûé Ðåæèì Áîðèñà Âòîðîãî. Íåêîòîðûå îñîáåííîñòè ïîëèòè÷åñêîãî ðàçâèòèÿ ïîñòñîâåòñêîé Ðîññèè. Ìîñêâà, Ìîñêîâñêèé Öåíòð Êàðíåãè, 1999.

существовала здесь на протяжении столетий[1]. Эта власть опирается на Лидера-Арбитра, стоящего над схваткой и регулирующего отношения между традиционными блоками российской политической реальности – региональным, силовым, идеократическим и бюрократическим (эти блоки одновременно выполняют роль теневых сдержек и противовесов, которые подменяют механизм институциональных противовесов)[2]. Данный тип власти концентрируется исключительно на проблеме своего воспроизводства, и потому вопрос преемственности, поиска наследника и гарантий последующей безопасности для ее представителей является решающим. Если формула полумонархического персоналистского лидерства и сам его стиль были заимствованы ельцинской элитой из царистского прошлого, то некоторые другие элементы указывают на преемственность по отношению к советскому периоду развития. Компартия, будучи режимным элементом советского прошлого в новой России, является основной организованной политической оппозицией и одновременно важнейшим элементом антикоммунистического режима, подтверждая его амальгамный и внутренне противоречивый характер.

Было бы, однако, ошибкой в ельцинизме и ельцинской конструкции режима видеть лишь механическое повторение прошлого. В силу того что прежние средства легитимации власти – силовые, партийно-идеологические – оказались исчерпанными, этот режим не может существовать, не прибегая к демократической легитимации. Последняя оказывается не только важнейшим средством выживания полумонархической власти, но и одновременно основным фактором, который постоянно раскачивает устои режима, придавая ему дополнительную неустойчивость и уязвимость. Необходимость прохождения через чистилище выборов, как бы ни был эффективен механизм манипуляции их итогами, порождает у правящего класса постоянную неуверенность и одновременно стремление снизить до минимума роль демократических процедур.

Причем режим такого рода по своей сути не может быть консолидированным, ибо в таком случае не остается места для регулирующей роли Лидера-Арбитра, который нуждается в постоянной напряженности и продлении революционного цикла. Тот факт, что Россия при Ельцине так и не смогла выйти из революционного периода и перейти к консолидации на новой основе, является следствием не столько характера личности Ельцина, который не мог функционировать в условиях спокойствия и стабильности, совершенно не был приспособлен к рутинной и последовательной работе, сколько отражением логики созданной им власти, которая требовала постоянных толчков и сама провоцировала конфликты, а затем занималась их разрешением. Не приспособленная для конструктивного созидательного процесса, не имеющая видения перспективы, занятая осуществлением групповых интересов власть была заинтересована в продлении революционного периода до бесконечности. А это предполагало сохранение компартии в качестве основной оппозиционной силы и использование антикоммунистической риторики для консолидации общества, а также постоянный поиск врагов и «козлов отпущения», на которых можно было бы сбросить ответственность за провалы и неудачи.

Еще одной отличительной чертой ельцинского режима является его неспособность, несмотря на все те огромные полномочия, которыми обладает президент, к эффективному осуществлению решений. Механизм силового обеспечения выполнения решений (который действовал на прежних этапах единовластия) уже не работает, а механизм правового обеспечения так и не был создан. В результате президент был вынужден постоянно обращаться

---

[1] Þ. Ôóðñîâ è À Ïèâîâàðîâ ïîðàäåëÿþò ýòó âëàñòü êàê “ìîíîñóáúåêò”. Ñì. Ðóññêàÿ âëàñòü: Èñòîðèÿ è ïðåâðàùåíèÿ. Ïîëèòèÿ, №1, 1998. С. 79.

[2] Î áëîêàõ, êîòîðûå ñîñòàâëÿþò ïîëå ðîññèéñêîé ïîëèòèêè. ñì. Ì.`Èëüí, Ïîëèòè÷åñêîå ñàìîîïðåäåëåíèå Ðîññèè. См. об этом: Pro et Contra, ëåòî 1999, ò. 4, №3. С. 74-75.

за помощью к группам влияния либо создавать новые за счет раздачи властных полномочий и собственности в обмен на поддержку и лояльность. Показательным примером явилось включение Ельциным в процесс принятия решений представителей теневых групп и массовая раздача государственной собственности (через залоговые аукционы) в качестве благодарности за поддержку на выборах 1996 года. Результатом этого процесса было новое переплетение власти и собственности, возникновение на этой основе мощных олигархических групп, которые в рамках выборной монархии фактически играли роль фаворитов при монархическом дворе. Но всякий раз, когда президент пытался получить поддержку со стороны различных групп интересов (региональных, экономических, силовых, бюрократических), происходила девальвация роли самого президента и ослабление его влияния, что в конечном счете привело к формированию режима, который можно обозначить как всесильную, но бессильную власть.

Отметим еще одну особенность созданного Ельциным либо при Ельцине режима – исключительную роль всевозможных неформальных либо полуформальных и аппаратных центров принятия решений и лоббирования решений. С одной стороны, их существование (например, исключительная роль президентской администрации в осуществлении власти в ельцинской России) позволили узкой группе обновленного правящего класса довольно успешно лоббировать свои интересы, «продавливая» необходимые для себя решения. С другой – переток власти в теневые либо аппаратные структуры означал усиление патримониального правления, которое неизбежно должно вести к трению с новым, более плюралистическим и открытым обществом.

Несмотря на наличие глубокого внутреннего конфликта между демократизмом и авторитарностью, ельцинский режим оказался удивительно устойчивым, способным к приспособлению относительно меняющейся реальности. Его самосохранению способствовало отсутствие политической оппозиции, готовой и способной к взятию власти (компартия продемонстрировала стремление к сохранению за собой роли ручной, риторической оппозиции), раздробленность политического класса и его неготовность противостоять правящей кремлевской группировке, возникновение развитой системы патернализма и сделок между различными социальными группами, пассивность общества и его уход в «серую зону», то есть его выживание через существование разнообразных не всегда легальных экономических механизмов. Свою роль сыграла и множественность постоянных конфликтов на всех уровнях политической и экономической жизни, которая в конце концов предотвращала появление опасной для власти биполярной конфронтации как внутри общества, так и внутри самой власти.

Не менее важную роль в самосохранении ельцинского режима играла созданная первым российским президентом атмосфера взаимного попустительства, этакого политического декаданса, при котором власть давала обществу возможность развиваться и выживать самостоятельно, фактически не ограничивая его движение, заботясь лишь о своих собственных интересах. В свою очередь и само общество согласилось на этот вариант «попустительского» развития, не требуя от власти исполнения ее обещаний. Либеральная и демократическая риторика Кремля давала ему возможность сохранять относительно цивилизованный облик, что было важно в отношениях с Западом, и одновременно предотвращала возникновение серьезной либеральной оппозиции. Кроме этого ельцинский режим сумел создать для себя довольно устойчивую социально-политическую базу, в которую входили группировки с внешне противоположными интересами: прагматики-сырьевики, либералы-технократы, силовики-государственники.

Правда, по мере политического угасания Ельцина, усиления его неадекватности, его неспособности решать управленческие вопросы все более очевидно проявлялись признаки деградации выборной монархии: президент все больше ограничивал свои контакты с внеш-

ним миром и в своей политике начал опираться на узкое окружение, которое стало играть роль двора при дряхлеющем монархе. В принципе, подобную эволюцию рано или поздно претерпевали все режимы с патримониальным уклоном, и ельцинский режим не стал исключением. В условиях, когда важнейшим условием включения в правящий круг была личная лояльность президенту, по мере того как у него усиливалась подозрительность по отношению ко всем потенциальным соперникам, по мере того как он ограничивал свои интересы лишь стремлением сохранить власть, неизбежным становилось усиление роли фаворитов, которые стали играть роль наместников и серых кардиналов. А вскоре наступила и очередь родственников Ельцина, которые в условиях все усиливающейся неадекватности Ельцина начали подменять президента. Возник феномен так называемой «Семьи», которая стала решающим фактором в российской политике начиная с 1996 года. С этого момента уже трудно говорить о полноценном правлении Ельцина, и можно лишь гадать, когда он был способен к принятию решений и какие решения принимались за него либо принимались им, но на основе предварительной манипуляции со стороны его окружения[1]. Ельцин из некогда могущественного, харизматического лидера постепенно превращался в бессильного, внушающего жалость старца, которым манипулировали весьма посредственные, серые личности, неизвестно каким образом оказавшиеся в Кремле.

Несмотря на свою гибкость, ельцинский режим, однако, оказался неготовым к разрешению серьезного политического и экономического кризиса, начало которому положил финансовый обвал в августе 1998 года. Стало ясно, что нерасчлененное самодержавие не может решить проблему ответственности за провалы и перейти к обновлению политического и экономического курса. Осенью 1998 года Россия оказалась перед угрозой обвала власти. Ельцин в целях выживания пошел на неожиданный эксперимент, который лишь доказывает отчаянность его положения: он согласился на формирование в России системы двойного лидерства, возложив ответственность за текущее развитие на премьера (им стал Евгений Примаков), который получил поддержку парламента. Впервые за всю историю прежде монолитная власть в России оказалась расчлененной. Благодаря этому эксперименту власть сумела пройти опасный для себя период и удержать контроль за ситуацией. Но в обществе не оказалось сил, которые бы заставили Ельцина и его окружение пойти на конституционное закрепление разделения власти. Эксперимент с новыми правилами игры кончился очень быстро, и вскоре вернувший себе уверенность Ельцин возвратился к своей формуле выборной монархии, тем более что только эта формула власти давала ему возможность гарантировать – преемственность. То, как был решен этот вопрос – через назначение преемника, которым стал Владимир Путин, организацию кампании его избрания с использованием всех рычагов государственного давления и через нейтрализацию оппонентов, – подтверждает сущность возникшего в России политического режима, который мало напоминает демократию.

Как можно определить роль Ельцина в формировании российской политической реальности – действовал ли он осознанно, имел ли он очевидную цель и видение того, что он хотел создать, либо он плыл по воле волн? Борьба против двоевластия в 1991–1993 годах, ликвидация противостоящего ему парламента, принятие конституции (самим им правленной), которая стала основой «суперпрезидентства», – все это свидетельствует о том, что у Ельцина существовало вполне определенное понимание единоличной власти, он последовательно шел к ее формированию, и его не смущала цена утверждения этой власти. В то же время, несмотря на периоды внешней активности и жесткости, Ельцин был в сущности нерешительным человеком. Приливы активности у него сочетались со все более длитель-

[1]Òàêò âëèÿíèÿ íà íåãî ÷ëåíîâ åãî ñåìüè â ëèöå äî÷åðè Òàòüÿíû Åëüöèí ïðèçíàåò ñàì â ñâîèõ ìåìóàðàõ "Ïðåçèäåíòñêèé ìàðàôîí". Ñì.: Áîðèñ Åëüöèí. Ïðåçèäåíòñêèé ìàðàôîí, Ìîñêâà, 2000.

ными периодами паралича воли, депрессией и растерянностью. Начиная с 1996 года, а скорее и раньше, у него уже была одна цель – сохранение власти и передача ее в надежные руки. Все его действия, вплоть до его неожиданного ухода в декабре 1999 года были подчинены этой единственной цели. Он пожертвовал своим образом революционера и реформатора во имя обеспечения безопасности для себя и своей семьи – довольно жалкий конец для лидера, приход которого к власти сопровождался столь массовыми надеждами.

Видение Ельцина и оценка его личности и его лидерства, возможно, будет меняться со временем – ведь изменилась же оценка лидерства Черчилля и Де Голля. Многое зависит от эволюции его наследства и прочности тех тенденций, которые он заложил. Но уже сейчас видно, что он не сумел утвердиться ни в одной из тех ролей, которые он осознанно либо нет, не важно, играл, – ни в роли великого терминатора (он сожалел о распаде СССР), ни в роли реформатора (ему для этого не хватило последовательности), ни в роли стабилизатора (он сам постоянно провоцировал встряски и так и не смог вывести страну из революционного цикла). Как вскоре оказалось, он даже не смог создать устойчивого политического порядка, ибо назначенный им наследник уже вскоре начал перекраивать его наследство. Вместе с тем, созданная Ельциным атмосфера взаимного попустительства и политического декаданса может оставить о себе по крайней мере приятные воспоминания в сравнении с тем, что может последовать вскоре.

Перестройка президента Владимира Путина

Неожиданная массовая поддержка, которую получил и продолжает сохранять наследник Ельцина Владимир Путин (даже после трагедии с подлодкой «Курск» в августе 2000 года его поддерживали 65% опрошенных), объясняется в первую очередь тем, что он сумел стать символом, с одной стороны, преемственности для правящей группы, которая все еще контролирует важнейшие рычаги власти, с другой – гарантом обновления, прощания с эпохой надоевшего всем и одряхлевшего Ельцина для значительной части россиян. Одновременно Путин стал олицетворением долгожданного Порядка для разочарованного и уставшего от ельцинских встрясок общества. Но заметим, что самые разные слои общества понимают Порядок по-своему. Для одних порядок- это возвращение к стабильности в советском духе, для других – это умеренные реформы. Для одних порядок – это национализация приватизированной собственности, для других – это «нулевой вариант», который означает отказ от любого пересмотра результатов ельцинской экономической реформы и мирное подведение черты под прошлым.

Причем сам Путин, понимая эклектичность и противоречивость своей социальной базы, постарался как можно дольше оставаться тайной, удерживаясь от конкретизации своего политического образа, чтобы предотвратить распад своей опоры до момента, когда он мог бы почувствовать себя уверенным. Но вскоре логика ельцинского режима взяла свое и начала диктовать свои правила. Для того чтобы прежняя правящая группа согласилась на добровольную передачу власти, ей были необходимы гарантии несменяемости сформированных Ельциным правил игры и, судя по всему, такие гарантии от Путина правящая группа получила. Но, для того чтобы наследник не оказался в унизительной для себя ситуации заложника прошлого, для того чтобы он «вышел из рукава ельцинской шинели», ему нужно было пойти на решительные меры по обновлению режима, а также по смене его прежней базы и ближайшего кремлевского окружения. В противном случае Путин не имел никаких шансов удержать в сфере своего влияния тех, кто надеялся на обновление, а это было большинство российского общества.

Так что рано или поздно Путин должен был начать демонтировать ельцинский режим выборной монархии. Но при этом перед ним было несколько вариантов ее реорганизации.

Он имел возможность воспользоваться своим небывалым рейтингом и полученной легитимностью и начать перестройку царистского единовластия, сделав упор на создание самостоятельного правительства, усилив парламент, создав возможность для укрепления независимой многопартийной системы, местного самоуправления, судебной системы. Но Путин пошел по иному пути – он сделал ставку на создание механизма «приводного ремня», формирование более четкой и последовательной системы подчинения сверху донизу, на ликвидацию ельцинской практики теневых сдержек, а также атмосферы взаимного попустительства. Не ликвидируя сам принцип выборного самодержавия, Путин сделал попытку придать этому режиму вертикальное обеспечение, стройность и ясную проходимость решений, которые не должны обсуждаться, а должны выполняться, причем по-военному, без напоминаний.

Словом, какие бы заявления ни делал Путин о своей приверженности либеральной демократии, его действия дают основания делать вывод, что он готов взять под контроль демократический компонент режима выборной монархии и одновременно уничтожить либо по крайней мере существенно ослабить его олигархическую составляющую. Целый ряд предпринятых им на первом этапе своего правления шагов укладывается в рамки именно такого – «вертикального», назначенческого понимания власти. Это и попытки ограничить строптивость независимых СМИ, ослабить их критику власти и одновременно усилить за ними государственный контроль. Это и начатая им реформа отношений центра и регионов, которая ведет к большему подчинению региональных лидеров центру, а также усилению унитарных элементов в функционировании Российской Федерации.

В принципе, рано или поздно нужно было решать проблему полуфеодальной раздробленности России, возникших в отдельных регионах не подчиняющихся Москве автономных авторитарных режимов. Но это можно было делать через усиление правовых рычагов, создание эффективной судебной системы, укрепление институтов законодательной власти и местного самоуправления. Путин же пошел по пути укрепления личной зависимости региональных лидеров от президента, то есть через усиление самодержавия и ослабление федералистского характера российского государственного устройства. Если Ельцин был вынужден опираться на олигархические группы, раздавая им рычаги контроля как плату за лояльность, то Путин явно пытается рецентрализировать власть и перенести ее опору на государственную бюрократию. Вполне определенный привкус новой власти придает и тот факт, что в своей попытке упорядочить ельцинскую гибридность она пытается опереться на прокуратуру и превратить ее в политический инструмент, что не может не напоминать о вполне определенном периоде советской истории.

Немаловажным компонентом нового режима является и усиление влияния на процесс принятия решений представителей силовых структур, и в первую очередь спецслужб, которые начали привносить в политический процесс вполне определенные стереотипы ментальности и политического поведения: подозрительность к инакомыслящим, попытки ограничить свободу оппозиции, подчинить все институты воле президента. Впрочем, именно такой характер действий от Путина и можно было ожидать, учитывая его предыдущий опыт работы в спецслужбах и других закрытых системах и отсутствие навыка компромиссов, договоренностей и участия в открытой политической борьбе.

Какова же результативность действий новой или скорее обновленной правящей команды по перестройке ельцинской выборной монархии? Если судить по внешним показателям, то можно констатировать несомненные успехи Путина в зачистке политического поля и приручении всех политических сил. Используя давление, натиск, устрашение, кремлевская команда за короткое время сумела реорганизовать Совет Федерации, сведя его роль к чисто формальной, приручить Думу, нейтрализовать прежних политических конкурентов и соперников, ликвидировать созданную Ельциным систему неформальных балансиров. Пу-

тин превратился в основной системообразующий фактор российской политики в том смысле, что все остальные субъекты политики теперь вынуждены зависеть от его действий и их функция сводится в основном к реагированию на действия Кремля. Сконцентрировав в своих руках все основные административные, бюрократические, силовые и финансовые ресурсы, президент в настоящее время превратился в основного регулятора, и ему даже не нужно играть ельцинскую роль арбитра, так как уже удалось ликвидировать горизонтальные центры влияния, еще недавно составлявшие ельцинскую «паутину».

В этой связи возникает два вопроса: в какой степени Путину удастся создать в России новый механизм «приводного ремня»? Уже первый этап путинской перестройки показал, что на пути осуществления его идеи «приводного ремня» возникли серьезные препятствия. Так, при попытке ликвидации атмосферы взаимного попустительства он затронул интересы могущественных слоев, которые удобно выживали в этой атмосфере, – в первую очередь региональных лидеров и олигархов. Его политика не понравилась и многим либералам-технократам, которые выступили против ограничения свободы СМИ и их огосударствления. Встретив сопротивление на нескольких фронтах, Путин был вынужден соглашаться на компромиссные варианты, что выхолащивало его идею власти на основе механического подчинения. Но самое главное, Путин сам подорвал возможность осуществления своей идеи, избрав селективный, выборочный подход при формировании нового порядка. Так, он попытался ограничить олигархическую канву режима, но за счет устранения или устрашения лишь оппозиционных и для него лично опасных политических групп, при этом сохраняя презумпцию невиновности и атмосферу благоприятствования для старого кремлевского двора, который помог ему прийти к власти и которому он, видимо, был все еще обязан. Но в данном случае любое исключение из правила ставит под сомнение возможность создать желаемую Путиным систему вертикального упорядочивания – механизм «приводного ремня» не выносит исключений. Помимо прочего, используемая путинской командой практика устрашения оказалась эффективной лишь на начальных порах. Политический опыт говорит о том, что такая тактика может быть успешной только в том случае, когда замах, в конце концов, все же доводится до логического конца.

Но самое главное – это то, что своим стремлением сконцентрировать в своих руках все полномочия Путин собственноручно загоняет себя в ловушку. Дело в том, что он, в силу отсутствия иных самостоятельных политических институтов и влиятельной оппозиции, несет всю ответственность за политическое и экономическое развитие, а следовательно, и за все провалы и ошибки. К чему ведет эта концентрация ответственности очевидно – к постепенной делегитимации власти и потере ею массовой поддержки. В свое время Ельцин, видимо, осознал возможные последствия чрезмерной централизации власти и пошел на формирование целой системы распределения ответственности. Постоянные чистки и кадровые перетасовки, существование дублирующих друг друга органов, намеренное продление революционного цикла с его антикоммунистической риторикой – все это должно было не просто выпускать пар из котла, но в первую очередь предотвращать делегитимацию президентской власти. Путин, пытаясь ликвидировать ельцинскую систему попустительства и теневых центров влияния, концентрируя все полномочия в своих руках, фактически превращает себя не только в главного ответственного, но и главного виновного. Кроме того, в условиях такой сложнейшей системы, которой стало российское общество, переход на ручной контроль и усиление персоналистского лидерства просто не дает возможности для эффективного управления. Более того, нейтрализация остальных политических институтов и устрашение политических сил и оппозиции в качестве своего последствия имеет усиление безответственности и деструктивных действий, которые становятся единственным способом самоутверждения отдельных политических субъектов.

Впрочем, возникает и вопрос: а можно ли ввести искомую систему «приводного ремня» в достаточно плюралистическом обществе, привыкшем жить в атмосфере взаимного попустительства? Практика показывает, что сделать это лишь при помощи бюрократического давления и политики устрашения без применения жестких мер силового воздействия очень трудно, а скорее и невозможно. Именно поэтому ни одно действие путинской команды и не было доведено до своего логического завершения. Так, назначенные им представители президента в семи новых округах не получили достаточных полномочий, чтобы реально контролировать региональных лидеров. Арест хозяина НТВ Владимира Гусинского, который должен был означать одновременно устрашение и олигархов, и независимой прессы, завершился тем, что Гусинского все же выпустили, предъявив смехотворные обвинения. Да и сама антиолигархическая революция, понимаемая как полное высвобождение Кремля от влияния прежних группировок, которые выросли за счет отсутствия грани между властью и собственностью, пока явно застопорилась. Стремление ограничить самостоятельность независимых экономических и политических субъектов привело к тому, что они стали вести себя более осторожно, но усилилась угроза саботажа с их стороны любых решений Кремля.

Помимо этого, драматические события августа 2000 года – взрыв на Пушкинской площади, трагедия с атомной подлодкой «Курск», пожар на Останкинской телебашне, продемонстрировав неспособность политического руководства адекватно справляться с ситуациями вызовов, подорвали веру в эффективность новой правящей команды и ее способность к жестким действиям в условиях кризиса. Сам этот факт может оказаться толчком, который подтолкнет недовольные группы к консолидации и открытому проявлению недовольства политикой центра, что, несомненно, сузит для президента поле маневра по формированию власти, основанной на субординации.

Кроме того, стало ясно, что принятая Кремлем на вооружение тактика укрепления власти президента, в первую очередь на основе манипулятивных технологий по созданию имиджа, возможно эффективная в момент выборов, быстро теряет свою результативность, ибо нормальный цикл правления требует от лидера иных форм деятельности и определенных результатов этой деятельности. Поддерживать рейтинг лидера лишь за счет постоянного использования «технологий» в этих условиях становится все сложнее.

В любом случае ясно, что идея порядка, основанная на «приводном ремне», вряд ли может быть осуществлена в обстановке отсутствия у государства необходимых рычагов подавления. Так что в нашем случае дело, скорее всего, завершится полуавторитарными либо полутоталитарными синдромами, не имеющими своего завершения. Конечно, повторение этих синдромов вряд ли облегчит укрепление демократических институтов в России. В то же время незавершенность самих этих синдромов будет дискредитировать власть, усиливать впечатление ее бессилия. Переход же к более однозначной и жесткой диктатуре в России вряд ли возможен в условиях существования мощных групповых интересов, стремящихся к децентрализации власти и сохранению основных свобод, слабости основных силовых механизмов государства (что продемонстрировано чеченской войной), а также отсутствия лояльной центру и монолитной бюрократии, которая при тоталитарных режимах является одним из основных механизмов правления.

Вероятно, на сей раз попытка строительства в России очередного варианта «приводных ремней», скорее всего, завершится неудачей. Но вопрос о том, в каком направлении пойдет российский правящий класс, когда результаты нынешней перестройки ельцинской выборной монархии станут очевидны, остается открытым. Пока не ясно, когда сам президент осознает обреченность своего замысла вернуть Россию к чистой модели нерасчлененной власти. Не исключено, однако, что российское общество движется в сторону очередной драматической ловушки, когда провал мягкого авторитаризма либо его экономическая и управленческая неэффективность могут толкнуть часть политического класса и часть обще-

ства к попыткам выйти из ситуации за счет перехода к тоталитарному правлению даже при отсутствии реальных средств его осуществления. В этом случае вполне может оказаться, что при отсутствии в России сильных лидеров демократического плана президент Путин, с его полуавторитарными синдромами, может стать препятствием на пути движения общества и власти в вышеуказанном направлении. Но сможет ли он вовремя понять значение своей промежуточной роли и осознать те новые вызовы, которые возникнут перед Россией, и готов ли он сделать то, что не сумел сделать Ельцин, – вывести Россию из традиции монолитной власти – остается неясным. Важно и то, какую цену общество заплатит за свои очередные надежды и иллюзии, в очередной раз связанные с личностью и ее возможностями установления порядка не на основе институтов, а на основе персонального лидерства.

Григорий МОРОЗОВ

САММИТ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ И ООН

В сентябре 2000 г. в Нью-Йорке проходила 55-ая сессия Генеральной Ассамблеи ООН. Хотя эта сессия была очередной, она войдет в историю международных отношений отдельной страницей, ибо после ее открытия состоялся Саммит тысячелетия, на котором впервые встретились 185 делегаций, в том числе 150 глав государств и правительств, то есть руководители подавляющего большинства стран мирового сообщества. Официально главными вопросами их обсуждения стали "достижение глобализации в мире", укрепление роли ООН в международных отношениях, подтверждение уставных прерогатив ее Совета Безопасности, консолидация основополагающих принципов международного права.

К работе Саммита тысячелетия было привлечено внимание всей мировой общественности. Естественно, что особенно пристально за ней следили в странах Европы, народы которых в минувшем столетии на себе испытали все тяготы, горе и ужасы двух мировых войн и, можно сказать, выстрадали право на мирную жизнь. Сама идея создать Организацию Объединенных Наций как инструмент поддержания мира и миропорядка родилась в умах лидеров государств антигитлеровской коалиции, а рождение ООН увенчало историческую победу над фашизмом и милитаризмом. Во многом всем этим и была продиктована особая заинтересованность европейцев в успехе Саммита тысячелетия, призванного дать новый импульс совершенствованию ООН и повышению ее эффективности в XXI веке.

Саммиту предшествовала серьезная подготовка. Основным материалом для обсуждения послужил разосланный за год до Саммита доклад Генерального секретаря ООН Кофи Аннана.[1]

Этот доклад содержит деполитизированный анализ глобальных проблем мирового сообщества, с которыми оно неизбежно столкнется в наступающем веке. В нем речь идет о подлинно критических проблемах существования рода человеческого в эпоху величайших научно-технических достижений, контрастом которым является углубление разрыва между бедными и богатыми странами, а также отсутствие ясных представлений о неизбежных вредных последствиях такого прогресса, прежде всего хищнической деятельности человека в отношении природы. Все это создало серьезнейшую угрозу человечеству, которая требует незамедлительных совместных действий

Морозов Григорий Иосифович, заслуженный деятель науки России, доктор юрид. наук, профессор, почетный президент Всемирной Федерации Ассоциаций содействия ООН.

© 2000

всего мирового сообщества, призванных развеять нависшую над миром тень новой Атлантиды.

---

[1] См.: Мы народы: роль Организации Объединенных Наций в XXI веке, ООН. Док. A/54/2000.

"Надо отвлечься, – пишет К. Аннан, – от событий сегодняшнего дня и окинуть более широким, более перспективным взглядом состояние дел в мире и сложные задачи в этой связи единственной в своем роде структуры, являющейся универсальной по своему членскому составу и всеобъемлющей по сфере интересов и охватывающей столь многие области человеческой деятельности".

Накануне Саммита в Нью-Йорке проходила конференция религиозных и духовных лидеров, в которой приняли участие больше тысячи представителей ведущих конфессий. Официальная часть форума завершилась принятием Декларации всеобщего мира. Документ фактически является программой взаимодействия между духовными общинами и Объединенными Нациями. Затем состоялись 53-я ежегодная конференция неправительственных организаций под девизом "Глобальная солидарность: путь к миру и международному сотрудничеству", а также конференция парламентариев.

В Ялте собрался Саммит президентов СНГ, первоначальная цель которого планировалась как неформальная, то есть не предполагающая подписания каких-то документов. Тем не менее, в итоге плодотворной дискуссии было принято заявление, в котором говорилось, что только на основе возрастающего влияния процессов глобализации на политическое и экономическое развитие возможно процветание мира и свободное развитие каждого человека. И только коллективные усилия позволят обеспечить достижение целей на основе принципов ООН.

Саммит в Нью-Йорке преследовал целью рассмотреть три проблемы. Первая – реформирование ООН для успешного решения ею задач нового тысячелетия. Дискуссии по этой проблеме были подготовлены заблаговременно более чем на двухстах страницах доклада Кофи Аннана "Обновление ООН: программа ООН". Саммит высказал лишь принципиально положительное решение по поводу необходимости реформ. Особое внимание при этом было уделено проблеме глобализации мирового сообщества, причем как в докладе К. Аннана, так и в ряде выступлений было отмечено, что глобализация при всех ее достоинствах имеет существенные минусы. Рынок пока еще не руководствуется правилами, основанными на "совместных социальных целях", а возможность пользоваться экономическими преимуществами глобализации имеют главным образом только индустриально развитые страны. Однако в ООН входят государства с различным состоянием экономики, с разными, а иногда и взаимоисключающими интересами. И в этом смысле ООН призвана всемерно способствовать выработке компромисса.

Президент России В.В. Путин в своих выступлениях на форуме, а затем на пресс-конференции оценил Саммит как "рубежное событие не только для ООН, но и для истории международных отношений". Вторая половина столетия, его международная обстановка, безусловно, прошли под эгидой ООН. Сам факт существования этой организации был гарантией от произвола, гегемонии и диктата. Главный итог очевиден. То, что полвека назад казалось недостижимым, сегодня стало нормой международных отношений. Уважение друг к другу, к инструментам ООН помогло странам и народам учиться искусству диалога и искать общие решения. Даже глобальное противостояние не смогло помешать совместной работе, в самых кризисных – даже тупиковых – ситуациях.

"Важным результатом Саммита, – подчеркнул президент России, – мы считаем подтверждение авторитета Организации Объединенных Наций. Подтверждена целесообразность сохранения за ООН главенствующей роли в координации деятельности региональных и субрегиональных организаций, в создании дееспособной системы коллективной безопасности и управления глобальными процессами".

В качестве приоритетного вопроса своего выступления В.В. Путин выбрал проблему соблюдения международного права. Новый век Объединенных Наций он определил как столетие реального разоружения. Сославшись на договор по ПРО 1972 года, президент РФ

внес два предложения. Первое – провести под эгидой ООН международную конференцию по предотвращению милитаризации космоса в связи с тем, что в 2001 году исполняется 40 лет с момента первого полета туда человека – Юрия Гагарина. Второе – исключить использование в мирной ядерной энергетике обогащенного урана и чистого плутония, что позволило бы более эффективно решать проблемы радиоактивных отходов. Путин предложил разработать с участием МАГАТЭ соответствующий международный проект.

Разумеется, в пятиминутных выступлениях участники форума не имели возможности сколько-нибудь подробно остановиться на всех проблемах Саммита. Тем более что всем ораторам была задана одна и та же тема: роль ООН в уходящем и будущем тысячелетиях.

Зато они активно использовали время для многочисленных полезных контактов и переговоров. Так, за три неполных дня В.В. Путин провел 16 встреч. Важным результатом его переговоров с Клинтоном стало подписание совместного заявления «Инициатива по сотрудничеству в области стратегической стабилизации», в котором указаны конкретные сроки проведения различных мероприятий, а кроме того, что очень важно, речь идет и о сотрудничестве в сфере нестратегических систем ПРО. Учитывая, что США все еще не ратифицировали разграничение стратегических и нестратегических систем ПРО, присутствие в совместном заявлении целого раздела, посвященного сотрудничеству в этой области, можно надеяться, подвигнет Вашингтон на ратификацию. Стороны зафиксировали свое отношение к договору СНВ-3 и договору по ПРО, проведя, как отмечено в заявлении, "интенсивное обсуждение вопроса" о дальнейшем сокращении стратегических наступательных вооружений в рамках будущего договора СНВ-3 и по вопросам ПРО с целью скорейшего начала переговоров.

Помимо Саммита и встреч произошло заседание Совета Безопасности и встреча постоянных членов Совета Безопасности на высшем уровне. Значительное место Совет уделил критическому положению ООН в финансовой сфере, связанному, прежде всего, с содержанием миротворческого контингента ООН. Известно, что, несмотря на сопротивление Конгресса, США вносят в бюджет ООН самую крупную сумму, равную 30% бюджета ООН, – а их задолженность равняется 1 млрд. 700 млн. долл. Второе место по размерам взносов занимает Япония, претендуя на роль постоянного члена Совета Безопасности. Что касается развивающихся стран, то они платят не более 10–20% от той реальной суммы, которую должны были отчислять. Проблема заключается в том, что уровень развития различных стран значительно изменился за последние тридцать лет. Так, по шкале, введенной в 1973 году (во время операции на Синае), США вносят 30% от общей суммы, а Китай – менее 1%. Россия выплачивает сумму, которую выплачивал еще Советский Союз. Саудовская Аравия и Сингапур вносят по 1%.

Китай признал, что существующая система не соответствует нынешней ситуации. Конечно, вполне логичен пересмотр шкалы взносов в соответствии с современным положением дел. К сожалению, ни Саммит, ни Совет Безопасности на уровне глав государств этой меры не предусмотрели.

Что касается реформирования самого Совета Безопасности, то британское правительство выступило за расширение состава постоянных членов Совета Безопасности ООН, за включение в него Германии, Японии, представителей Латинской Америки, Африки и Азии.

В состав постоянных членов Совета Безопасности помимо основных претендентов – Германии, Японии, Индии – хотят войти также Бразилия, Аргентина, Чили, Колумбия, так что в будущем судьба места от латиноамериканских стран, видимо, вызовет наибольшие споры. Африканские государства стремятся быть представлены ЮАР, наиболее развитой страной региона. Основные дискуссии будут вестись по теме права вето при принятии решений.

Совет обсудил и другие вопросы, из которых следует выделить зафиксированное, главным образом благодаря усилиям президента России, в итоговой резолюции, подписанной пятью постоянными членами Совета, положение о том, что только Совет Безопасности правомочен принимать решения о применении силы. Из этого многие сделали вывод, что США косвенно признали ошибочными свои действия в Югославии, а в будущем будут считать такие решения прерогативой Совета.

Здесь уместно отметить, что в итоговой Декларации Саммита тысячелетия указано, что за последнее десятилетие войны как между государствами, так и внутри государств унесли жизни более 5 млн. жителей. Страны – участницы Саммита в этой связи обязались "приложить все усилия, чтобы освободить наши народы от бедствий войн" и "добиться устранения угроз, создаваемых оружием массового уничтожения". Они взяли на себя обязательство "повышать эффективность ООН в деле поддержания мира и безопасности путем предоставления инструментов, необходимых ей для предотвращения конфликтов, мирного разрешения споров, проведения операций по поддержанию мира, постконфликтного миростроительства и реконструкции".

Устав ООН – всемирная хартия международного права

В своих выступлениях участники Саммита тысячелетия – главы государств и правительств – акцентировали особое внимание на значении международного права и Устава ООН как надежной опоры поддержание правопорядка в международных отношениях наступающего века. Устав ООН – не только правовая основа деятельности Организации. Это главный международный договор особого рода, который от имени всего мирового сообщества провозгласил международно-правовые нормы, призванные обеспечить правопорядок и сотрудничество всех стран мира в интересах прогресса человечества. Все положительное в опыте ООН – результат неуклонного следования Уставу. Его игнорирование, нарушение основных принципов, определяющих компетенцию главных органов Организации и порядок их деятельности, неизменно приводили к плачевным результатам.

В меморандуме, внесенном советской делегацией еще на 41-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН указывалось, что принятие Устава ООН открыло новую эпоху в правовом регулировании межгосударственных отношений. Этот исторический документ, принятый в обстановке мощного антивоенного и демократического подъема, являвшегося результатом победы над фашизмом, воплотил в себе основополагающие международно-правовые принципы, необходимые для поддержания мира и безопасности на планете, для дружественных, добрососедских отношений между государствами, для продвижения народов по пути национального освобождения и социального прогресса.

В числе важнейших черт Устава, способных сделать его незыблемой юридической базой отношений между всеми членами мирового сообщества, следует в первую очередь выделить такие его принципы, как суверенное равенство государств, недопустимость использования силы или угрозы силы в международных отношениях, мирное добрососедское и равноправное международное сотрудничество, уважение государственного суверенитета, недопустимость вмешательства в дела, составляющие внутреннюю компетенцию государств, право наций на самоопределение, права и свободы человека. К таким принципам относится также обязанность членов ООН по решению Совета Безопасности принимать меры, в том числе принудительные, для предотвращения угрозы миру и пресечения актов агрессии.

Устав предусматривает необходимость объединения усилий государств в поощрении прогрессивного развития международного права, то есть в процессе укрепления платформы международного правопорядка. Свидетельство плодотворности этого процесса – основан-

ные на Уставе и развивающие его положения важные документы, принятые как в рамках ООН, так и вне его рамок: Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам, Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами, Определение агрессии, Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе и многие другие документы, в том числе договорные.

ООН была создана в совершенно иной обстановке нежели уже подзабытая Лига Наций, и это определило сущность ее Устава. Во-первых, он отразил общественную атмосферу периода победы над фашизмом, что обусловило включение в него фундаментальных демократических принципов международного права. Эти незыблемые принципы Хартии, как зачастую называют Устав, сохранили силу до наших дней и, вопреки всякого рода трудностям в международных делах, и многочисленным фактам их нарушения, определяют дальнейшее прогрессивное развитие международного права в постоянно изменяющемся мире. Во-вторых, Устав во многом учел недостатки Лиги Наций, которые привели к ее краху.

Важнейшими положениями Устава являются: особая ответственность великих держав в главном органе ООН, обладающих в качестве постоянных членов Совета Безопасности правом вето при решении коренных вопросов поддержания мира и безопасности, запрет членам Организации применять силу или угрозу силы в международных отношениях, суверенное равенство всех членов ООН, их обязанность разрешать споры мирными средствами, принцип невмешательства во внутренние дела других государств и др.

Нарушение этих положений, попытки различным образом ликвидировать правило единогласия великих держав в Совете Безопасности – а такие попытки предпринимаются все время существования ООН – по сути дела означают не только попрание памяти миллионов людей, павших во имя прочного мира. Они посягают на одно из главных условий сохранения мира и безопасности народов, что в конечном итоге означает стремление ликвидировать ООН.

Итоги деятельности ООН в значительной мере результат развития международных отношений за более чем полвека ее существования. Ведь ООН, как и любая межгосударственная организация, отражает состояние мировой политики, взаимоотношения внешнеполитических и национальных интересов ее членов. Прежде всего, следует отметить, что, несмотря на все негативные явления международной жизни за минувшие года, нагромождение льдов "холодной войны", нередко сковывавших деятельность ООН, она не только сохранилась, но, став универсальной по своему составу, является сегодня органической частью системы международных отношений, что открывает перспективу для превращения ее в будущем в центральный механизм мирового сообщества.

Как уже говорилось, ООН отражает основные факторы, воздействующие на ситуацию в мире. Ее успехи и многие неудачи – результат политики государств-членов. Главным положительным итогом является определенный и весомый вклад ООН в то, что мир избежал ядерного апокалипсиса третьей мировой войны.

Она сделала некоторые, хотя и недостаточные, шаги по ограничению ряда негативных аспектов, связанных с ядерным оружием. Нельзя не отметить и положительных моментов в области прогрессивного развития и кодификации международного права. ООН и ее специализированные учреждения, именуемые в западной литературе "семья ООН",[1] предприняли

[1] Более 40 органов и организаций, в их числе 19 международных межправительственных организаций, 20 автономных межправительственных программ, форумов, бюро, исследовательских институтов. Все они ежегодно представляют доклады Генеральной Ассамблее и Экономическому и Социальному Совету (ЭКОСОС). Бюджет ООН и большинства спецучреждений по последним данным на 1994 г. – около 3 млрд. долл. в год. (См.: "Basic Facts About the U.N.". N.-У.Р.22.).

определенные усилия в гуманитарной области, в деле привлечения внимания государств и народов к охране окружающей среды, борьбе с опасными инфекциями, а также в определенной мере к экономическим и социальным вопросам.

ООН неизменно тяготили финансовые проблемы, образовавшиеся как в результате нерегулярности уплаты членских взносов в бюджет, так и в связи с нерациональностью расходов средств Секретариатом (его численность превышает 50 тыс. человек!).

Можно привести в этой связи мнение американской газеты "Лос-Анджелес таймс" в отношении операции ООН по поддержанию мира в Сомали. Эта операция, писала газета, "представляет собой классический пример того, как связанные с ООН подрядчики извлекают доходы из гуманитарных миссий. Она практически показала, как международная миротворческая операция постепенно трансформировалась в прибыльное дело".

ООН: основные принципы международного права

События ушедшего века могут служить иллюстрацией к пониманию основных принципов и форм международного права, какими они были вплоть до Второй мировой войны. Региональные конфликты, союзы, конференции, пакты, хитросплетения дипломатии, облекавшиеся в международно-правовые, зачастую декоративные, формы, составляли содержание отношений государств, международно-правовых норм и принципов. Достаточно отметить, что война, репрессалии и чисто субъективное толкование международно-правовых аспектов межгосударственных отношений в тот период считались вполне правомерными.

Робкие попытки ввести в международно-правовой оборот подходы к проблемам разоружения, самоопределения наций (именовавшихся "нецивилизованными" народами) и т.п. чем охотно, но безрезультатно занималась Лига Наций, не оказали серьезного влияния на международное право.

Событием, открывшим путь развитию современного международного права, явились итоги Второй мировой войны, знаменовавшие ценой огромных людских и материальных потерь новый этап в жизни мирового сообщества. Именно кардинальные изменения в мире, порожденные результатами войны и послевоенным развитием, явились рубежом, за которым началось становление современного международного права.

Анализируя роль Устава в деятельности ООН за прошедшие годы, можно с полным основанием констатировать, что это единственный в истории правовой международный акт, который обязывает все государства мира. Ему следуют все изданные после учреждения ООН международные организации – межправительственные и неправительственные. На его принципы ссылаются все важнейшие международно-правовые документы, хотя его толкование нередко бывает различным. В Уставе заложены основы развития системы коллективной безопасности, провозглашены демократические идеалы цивилизованного мира. Принципы, сформулированные более шестидесяти лет тому назад, и поныне не утратили своей значимости и актуальности. Они содержат все возможности, необходимые для дальнейшего прогрессивного развития международного права, основ и норм международного поведения. Именно на этих принципах происходит развитие новых отраслей в ходе научно-технического прогресса. Великие научные открытия XX века, такие как: теория относительности и квантовой механики, расщепление атомного ядра, освоение космоса, синтез искусственного белка и др., нашли свое отражение и в эволюции международного права, в котором выделились такие новые направления, как договорное, морское, воздушное, гуманитарное, экологическое, космическое, уголовное (прежде всего, антиагрессивное, антитеррористическое), атомное, экологическое право, право разоружения, право международных организаций и др. В этом причина особого внимание В.В. Путина к праву, которое явилось лейтмотивом его выступления на Саммите.

Главной мишенью сторонников ревизии Устава ООН является право вето постоянных членов Совета Безопасности. Поскольку наибольшие атаки на него начались в Соединенных Штатах уже вскоре после принятия Устава, а затем обрели более широкие масштабы, следует еще раз напомнить, что автором "ялтинской формулы", выдвинутой в период подготовки Устава, явился американский президент Ф.Д. Рузвельт. "Не надо забывать, – писал государственный секретарь США Э. Стеттиниус, – что включение вопроса о праве вето для великих держав в Устав ООН было необходимо для того, чтобы добиться утверждения этого Устава народом США и Сенатом".[1]

Основополагающим документом огромного исторического значения стала принятая Генеральной Ассамблеей ООН в 1960 году Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Она внесла большой вклад в торжество национально-освободительных движений, в ликвидацию колониализма и открыла путь к образованию большого числа молодых развивающихся государств.

Разумеется, подобные оценки применимы лишь к небольшому числу наиболее важных актов Генеральной Ассамблеи. Что же касается подавляющего большинства ее резолюций, то очевиден их чисто рекомендательный характер.

Анализируя Устав ООН, необходимо учитывать и тот факт, что политическая картина мира после создания ООН кардинально изменилась. Если в момент учреждения из 51 ее государства–основателя только 4 были государствами Африки и 8 – Азии, то затем в ООН вступили практически все африканские и азиатские государства. Произошли коренные перемены также и в расстановке сил: на мировую арену вышли государства, растущая экономическая и технологическая мощь которых представляет ныне особое значение для решения важнейших проблем и судеб сохранения мира. Вследствие крушения системы колониализма появилось большое число развивающихся государств, возникли региональные организации, некоторые из которых оказывают все более ощутимое влияние на мировые дела.[2] После распада СССР закончилось существование мировой системы социализма. Все это имело определяющее воздействие как на ситуацию внутри ООН, так и на ее роль в современном мире.

Нельзя также не учитывать и того важного факта, что Устав был разработан и принят в доядерный век. С созданием же оружия массового уничтожения претерпело кардинальные изменения само содержание понятия международного мира и безопасности. Оно императивно стало определяться угрозой уничтожения всего живого на Земле в случае ракетно-ядерной войны – угрозой, обусловившей приоритет общечеловеческих интересов выживания мирового сообщества. Сложилась новая концепция безопасности, охватившая не только военные, но и политические, экономические, экологические, а также некоторые другие важные аспекты международных отношений.

Все это приводит к выводу о необходимости отказаться от априорного отрицания целесообразности рассмотрения вопроса о внесении поправок или принятии дополнений к Уставу ООН (разумеется, при условии сохранения некоторых основных принципов международного права).

Подобную точку зрения уже давно высказывают многие крупнейшие зарубежные специалисты, в том числе посвятившие долгие годы как научным исследованиям ООН, так и практической деятельности в ней. Один из наиболее известных экспертов, М. Бертран, считает, что годы, прошедшие после создания ООН, "делают сегодня не только желательной,

---

[1] US Department of State Charter of the United Nations. Report to the President on the Results of the San-Francisco Conference/ Publication 2349 (June 1945), P. 68.

[2] Такие, как организации африканских, арабских, американских государств и др. Им посвящена гл. VIII Устава ООН. НАТО является не региональной, а военно-политической организацией, и ее представители занимают соответствующее место в Генеральной Ассамблее.

но и полностью осуществимой возможность серьезно подумать о реформе ООН и ее системы…". "Из этого тезиса, – отмечал он, – не следует, что Организация потерпела крах. Напротив, идея реформы не только совместима с признанием исторической роли, которую сыграла ООН, но и исходит из соображений о ее важности и полезности в настоящее время. Это позволяет использовать возможность создания системы, которая будет еще полезна в современном политическом контексте. Этот тезис также не означает, что можно недооценивать весьма серьезные трудности, которые стоят на этом пути".[1]

Хотя создатели Устава ООН и предусмотрели в этом документе проведение Генеральной Конференции членов Организации специально для того, чтобы сделать обзор предлагавшихся поправок в ходе или перед 10-й сессией Генеральной Ассамблеи (п.3, ст. 109), такой конференции проведено не было. Изменения в Уставе свелись, как известно, к расширению Совета Безопасности путем добавления четырех непостоянных мест и увеличения числа членов ЭКОСОС. Против пересмотра, прежде всего, отмены принципа вето в Совете Безопасности, исключая приведенные поправки, решительно возражали СССР и ряд других стран. Вместе с тем предложения по вопросам пересмотра Устава ООН возникали вновь и вновь. Их число все более увеличивалось.

Позиции ведущих западных держав со временем претерпели трансформацию, и ныне они едины во мнении, что в любом случае следует сохранить принцип единогласия членов Совета Безопасности. Зато ряд развивающихся стран, наряду с общим требованием пересмотра Устава, особо подчеркивает необходимость отмены или пересмотра права вето. Другие члены ООН не соглашаются на это.

Чтобы ООН соответствовала требованиям современной жизни и смогла сохраниться в будущем, необходимо отразить в ее Уставе новые реалии, не посягая при этом, однако, на принцип единогласия постоянных членов Совета Безопасности. Таким образом, речь идет не о ревизии Устава, а о его адаптации к нынешним условиям и требованиям мирового сообщества. В первую очередь для этого целесообразно расширить состав постоянных членов Совета Безопасности за счет государств, по основным параметрам равных ныне великим державам и способных в силу занимаемого ими положения в современной обстановке нести особую ответственность за судьбы мира.

Наиболее вероятно в этой связи, на наш взгляд, включение в состав Совета в этом качестве Германии и Японии, (соответствующие пожелания неоднократно высказывались от имени многих государств–членов ООН., их поддерживает и Россия) Индии, Бразилии, Нигерии, некоторых других представителей Африки и Латинской Америки. Включение же в число постоянных членов Совета Безопасности ведущих развивающихся стран соответствовало бы как политической необходимости (в Совете эта группа государств представлена лишь непостоянными членами), так и принципу справедливого географического распределения. При этом выглядит логичным наделение их теми полномочиями и обязательствами, которые несут давно действующие постоянные члены Совета Безопасности ООН. Тогда в расширенном составе этот орган будет играть ту же самую роль.

В пользу актуальности и целесообразности такого решения в принципе высказались многие ораторы Саммита, хотя по составу новых постоянных членов и наделению их правом вето мнения были различны.

Следующее предложение о внесении необходимой поправки к Уставу ООН связано с главой XII, именуемой "Совет по Опеке", которая в результате мирового развития за истекшие полвека практически утратила свое значение: на планете больше нет подопечных территорий. Таким образом, вполне оправдана поправка, заменяющая этот орган другим, учреждение которого отразило бы потребность времени. Им может стать – в развитие реше-

[1] International Institutions at Work, L., 1990, p.193.

ний конференций ООН по окружающей среде и развитию в Стокгольме и Рио-де-Жанейро – Совет по экологии или по развитию и экологии.

Третья из предлагаемых поправок имеет отношение к ст. 107 Устава ООН, содержащей полностью устаревшее для нашего времени положение о "вражеских государствах". Напомним, что статья гласит: "…настоящий Устав ни в коей мере не лишает юридической силы действия, предпринятые или санкционированные в результате Второй мировой войны несущими ответственность за такие действия правительствами, в отношении любого государства, которое в течение второй мировой войны было врагом любого из государств, подписавших настоящий Устав, а также не препятствует таким действиям".[1]

На Конференции в Сан-Франциско, учредившей ООН, было установлено, что ст.107 является "мероприятием по безопасности в переходный период" и "по заключении мирного договора вражеским государствам будет предоставлено членство в Организации и пожалованы все вытекающие из этого права и привилегии". Можно, следовательно, сделать вывод, что данная статья с самого начала носила временный характер.

За годы, прошедшие после принятия Устава ООН, полностью изменился характер государств, которые имелись в виду ст.107. Все эти страны стали подлинно демократическими, некоторые из них в экономическом отношении сравнялись с наиболее мощными державами, и закономерно обсуждается вопрос о предоставлении им мест постоянных членов в Совете Безопасности.

Помимо ст.107 в Уставе имеется еще одна статья (гл. XXI ст.77, параграф 1В), в которой упоминается термин "вражеские государства". Речь здесь шла об одной из тех категорий территорий, на которые могла быть распространена международная система опеки. Под нее в то время подпадали колонии и протектораты Италии в Африке, давно ставшие независимыми, а также Микронезия, захваченная в ходе Второй мировой войны Японией и реформированная США с предоставлением ей "независимости".

Решение вопроса относительно термина “Вражеское государство" давно назрело и в то же время никоим образом не имеет отношения к ревизии Устава ООН. Сохранение этого анахронизма вызывает, по меньшей мере, удивление.

Миротворчество

Главной целью ООН ее Устав провозгласил поддержание мира, предотвращение войн и урегулирование конфликтов. Первостепенное внимание на Саммите было уделено роли ООН в событиях последнего десятилетия.

Свое миротворчество ООН может осуществлять путем мирного разрешения споров, а также действиями в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии. Главы VI и VII Устава, в которых указаны эти действия, не предусмотрели их конкретизации, выработанной практикой. И это не удивительно, ибо создатели Устава не имели прецедентов – конкретные формы были созданы позже. Это: превентивная дипломатия (в том числе направление миссий, наблюдателей, обозревателей), операции ООН по поддержанию мира или силовому принуждению к миру, содействие в послеконфликтном восстановлении. В настоящее время эти формы миротворчества прочно вошли в практику. Адаптация Устава ООН к современным реалиям даст возможность не только их "узаконить" в Уставе, но и регламентировать их взаимосвязь.

В качестве еще одного предварительного замечания целесообразно указать, что в соответствии с инициативой канадца Блю Пирсона в состав сил ООН для проведения миротворческих операций не входят контингенты из стран – постоянных членов Совета Безопасности. Практика показала негативный характер этого ограничения: присутствие наиболее

[1] Речь шла о Германии, Японии, Италии, Финляндии, Румынии, Болгарии и Венгрии.

мощных держав в практическом миротворчестве, по нашему мнению, только повысит их оперативность и эффективность.

Россия является активным участником миротворческих усилий ООН. Она так или иначе участвует в 10 из 15 проводимых сейчас под эгидой ООН операциях по поддержанию мира, оказывает материально-техническое содействие многим из них[1]. Россия поддерживает совершенствование миротворческих возможностей Организации как важной предпосылки сохранения ее лидирующей роли в этой области. Во многом благодаря России удалось подключить ООН к оказанию практической помощи в урегулировании конфликтов на пространстве СНГ, в частности в Грузии и Таджикистане, обеспечить международную поддержку своим миротворческим усилиям.

Саммиту был представлен доклад комиссии, председателем которой был Лахдар Брахими, изучавшей проблемы, связанные с осуществлением ООН операций по поддержанию мира. В направленном странам-членам ООН письме К. Аннан пришел к выводу, что Саммит должен обратить "самое пристальное внимание на этот доклад".

И это закономерно, ибо за последние десять лет целый ряд осуществленных ООН операций оказался неудачным. В основном, по мнению Комиссии, это связано с тем, что в период после окончания “холодной войны” изменился сам характер конфликтов.

По нашему мнению, эта причина отнюдь не единственная. Ситуация показала несостоятельность ООН в урегулировании межгосударственных конфликтов и последовательный рост активности НАТО, сначала постепенно вытеснявшей из этой области ООН, а затем в период крупнейшего после Второй мировой войны регионального конфликта в Европе, происшедшего в Югославии, развязавшей против нее агрессивную войну в нарушение фундаментальных принципов международного права и Устава ООН. При этом США, другие поддержанные Европейским Союзом страны (включая Австрию, Швецию и Финляндию) ссылались как на задачи пресечения гуманитарной катастрофы в Косово, так и на цели создания Единой Европы, в которой будут незыблемы права человека, а государственные границы станут в определенной мере условны.

Что касается ООН, то складывавшаяся конфликтная ситуация безрезультатно обсуждалась Советом Безопасности, оказавшимся в более чем двусмысленном положении после неудач операций ООН по поддержанию и принуждению к миру в Сомали, Ираке, Руанде, Сьерра-Леоне и особенно в итоге длившейся четыре с половиной года операции в Югославии. На стадии агрессии ВВС НАТО против этой страны позиция генсека Бутроса Гали способствовала тому, что ООН оказалась практически вне решения проблемы и ее роль была сведена к участию (не руководящему) в вопросах, связанных с беженцами, правами человека, перемещенными лицами и гуманитарной помощью. Что же касается кровопролития во время операции в Персидском заливе, то ООН оказалась вне игры. Все решали американские генералы. Это обозначило глубокий кризис ООН в сфере ее главного предназначения, закат в области миротворчества.

События в Косово и вооруженная агрессия против Югославии в целом, убедительно продемонстрировали стремление США, опираясь на блок НАТО, стать мировым жандармом, хозяином однополярного мира.

Уместно обратить внимание на парадоксальный факт: даже в годы “холодной войны”, когда деятельность ООН была в значительной мере скована противоречиями двухполюсного мира, она предприняла некоторые полезные миротворческие операции и провела опреде-

[1] Всего за время существования ООН проведено 47 различных операций по поддержанию мира. В них участвовало более 1 млн. чел. военного, полицейского и гражданского персонала из 68 стран. Почти 1000 чел. погибли в ходе операций. Расходы на операции составили 2,8 млрд. долл. Все государства обязаны оплачивать свою долю на миротворческую деятельность.

ленную работу в ряде других областей[1]. И в той напряженной международной обстановке ООН оставалась интегральной частью международных отношений. Несмотря на все сложности, периодические резкие обострения в отношениях членов ООН, и тогда не возникал вопрос о целесообразности дальнейшего существования ООН в мировом сообществе.

Тем более драматично, что в постконфронтационный период, когда появилась надежда на превращение ООН в действенный механизм миролюбивых усилий государств, она оказалась в глубоком кризисе, прежде всего, в сфере ее главного предназначения – миротворчества, и даже возник вопрос о перспективах ее дальнейшего существования. Более того, появилась опасность возрождения новой "холодной войны".

Основная причина этого заключается в том, что на Западе, в первую очередь в США, ошибочно расценили распад СССР как утрату Россией статуса великой державы и как возникновение возможностей осуществления давней мечты многих заокеанских политологов об установлении на земле Pax Americana (американского мира – *лат.*). Одной из целей, которые поставили перед собой «архитекторы» этой идеи, является придание НАТО главенствующего положения в деле создания угодного Вашингтону миропорядка любыми путями, вплоть до применения вооруженной силы блока. Именно как попытку такого рода можно было оценить ситуацию накануне XXI века.

Стратеги Pax Americana отводят ООН либо второстепенное место, либо считают ее вообще ненужной, действуют, грубо нарушая фундаментальные принципы международного права и Устав ООН, и в то же время, разглагольствуют с трибуны ООН о приверженности ее идеалам.

Реализация решений Совета Безопасности об операциях по поддержанию мира осуществляется посредством двух способов формирования сил ООН. Один − когда Совет одобряет операцию и, определяя все надлежащие для нее действия, принимает мандат о сроках и формах ее осуществления. Значение мандата весьма велико. Его нечеткость открыла путь к бомбардировкам ВВС НАТО по своему усмотрению городов и объектов Югославии, а также Багдада. "Координирующая" роль Б.Б.-Гали в первом случае была явной проформой, причем не всегда соблюдаемой. Цели операции не были достигнуты. В итоге "голубые береты" потерпели неудачу и были заменены силами НАТО.

Операция ООН против Ирака проводилась, как и некоторые другие, на коалиционной основе, причем руководство сколоченной ими коалицией выполняли США, опираясь на членов НАТО. Вооруженная стадия операции осуществлялась, по существу, без ООН. США, произвольно толкуя также нечеткий характер мандата Совета Безопасности, вот уже ряд лет, после устранения поводов для этой операции, продолжают бомбежки Ирака и отказываются прекратить санкции, от которых серьезно страдает мирное население. Исходя из этого опыта, коалиционный путь проведения операций ООН следует с полным основанием считать неприемлемым, все главные вопросы должны решаться только на основе мандата Совета Безопасности ООН.

Вопиющим нарушением Устава ООН и основополагающих принципов международного права явились многочисленные бомбардировки ВВС НАТО Югославии, начатые в связи с событиями в Косово, в обход ООН, без необходимого решения Совета Безопасности.

Эти действия, однако, не получили должной оценки со стороны ООН, престижу которой был нанесен серьезнейший ущерб. Понятно, что никакие «программы помощи Косово» никак не влияют на оценку натовского произвола. Право, в том числе международное, не содержит норм, позволяющих благодеяниям, совершенным после преступления, считаться некоей компенсацией. Такое возможно лишь в период отбытия наказания, вынесенного судом при исполнении срока приговора осужденным. Тот факт, что ни Саммит тысячелетия, ни заседания Совета Безопасности не дали должной оценки удару НАТО по правопорядку в

[1] См. Мы, народы Объединенных Наций.... М., 1995.

мире, на наш взгляд, является серьезной неудачей указанных мероприятий. В истории ООН и международных отношений в целом акт противоправного произвола НАТО, роль в нем США и их союзников останется примером первой вооруженной агрессии в Европе после Второй мировой войны.

* * *

Подводя итоги Саммита тысячелетия и заседания Совета Безопасности на высшем уровне, следует, прежде всего, указать на оценку ООН, содержащуюся в "Декларации тысячелетия", принятую 8 сентября 2000 г.[1] В ней изложена развернутая аргументация и, что особенно важно, отношение к ООН 185 стран-членов, то есть подавляющего большинства государств мира. Подобной возможности члены ООН не имели с 1945 года, со времени принятия Устава ООН в Сан-Франциско 51 государством.

Можно констатировать, что, несмотря на пережитое, да и сейчас переживаемое крайне трудное положение ООН, ее поддержка и вера в ее принципы Саммитом тысячелетия были подтверждены. Декларация Саммита укрепила "веру в Организацию… и ее Устав как нерушимые основы более мирного, процветающего и справедливого мира…". "Мы, – подчеркнули участники Саммита, – вновь заявляем о нашей приверженности целям и принципам ООН, которые доказали свою неподвластность времени и универсальный характер".

Итоговый документ утверждает центральное место Генеральной Ассамблеи как главного совещательного, директивного и представительного органа, ограничившись в отношении Совета Безопасности обещанием "активизировать… усилия по проведению всеобъемлющей реформы Совета Безопасности во всех ее аспектах". Таким образом Саммит даже не упомянул о давно назревшем вопросе увеличения числа членов Совета и необходимости неукоснительного соблюдения правила единогласия его постоянных членов.

Декларация, по существу, проигнорировала и важнейшую проблему – финансирование ООН, и ни словом не обмолвилась о механизме руководства и контроля за их осуществлением ею же провозглашенных задач.

Упомянем лишь некоторые рекомендации, декларированные в этом итоговом акте. Ведь среди них миротворчество, гуманитарная деятельность, обеспечение (каким образом?) сокращения "вдвое к 2015 г. населения Земли, имеющего доход менее одного доллара в день", прекращение к 2015 г. "распространения СПИДа, малярии и других болезней", обеспечение к 2020 году существенного улучшения жизни как минимум 100 млн. обитателей трущоб и целый ряд других положений. Только контроль за осуществлением этих и множества подобных рекомендаций требует увеличения механизма ООН и делает эфемерным обещание К. Аннана, высказанное в докладе "Обновление ООН", сократить персонал Организации. Нельзя забывать и о нынешнем финансовом положении ООН. Ведь в докладе Генсека ООН "Мы народы: роль Объединенных Наций в XXI веке" сказано: "Бюджет нашей основной деятельности – покрывающий работу Секретариата в Нью-Йорке, Женеве, Найроби, Вене и пяти региональных комиссий – составляет лишь 1,25 млрд. долл. в год. Это приблизительно 4% от ежегодного бюджета города Нью-Йорка". Аналогичным образом обстоит дело в регулярном бюджете и еще серьезнее в бюджете миротворческой деятельности.

В свете таких не декларативных, а подлинных фактов пожелания и рекомендации Саммита требуют весьма существенных и взвешенных указаний на конкретные ресурсы и механизмы самих благих пожеланий.

С сожалением, приходится констатировать, что реальная рекомендация президента России, результатом реализации которой было бы не только сокращение средств, но, главное, движение в направлении нераспространения ядерного оружия, не нашла отражения в "Дек-

[1] Полный текст документа см.: "Компас" ИТАР–ТАСС, 14.09.2000, № 38. С. 3–16.

ларации тысячелетия ООН". Все это не может не повлиять на оценку заседаний и решений, состоявшихся в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке в начале сентября 2000 года.

И тем не менее значение состоявшегося форума исключительно велико. Организация Объединенных Наций как бы обрела второе дыхание, новые импульсы в работе на рубеже XXI века, когда ей, несомненно, предстоит выполнять важную и ответственную миссию по поддержанию мира, стабильности и миропорядка в международных отношениях.

Алексей ГРОМЫКО

К 100-ЛЕТИЮ БРИТАНСКИХ ЛЕЙБОРИСТОВ

Ровно век назад в Лондоне, в Мемориал-холле по улице Фаррингтон будущий премьер-министр страны Рамсей Макдональд обратился к 129 делегатам, собравшимся на конференцию, со словами: "Впервые за историю лейбористского движения представители всех его течений собрались вместе. Создадут ли они партию или будут сотрудничать с другими парламентскими силами, пусть их интересы будут представлены достойными людьми"[1].

История ЛПВ представляет собой наглядный пример возникновения и развития политической партии, востребованной глубокими социальными сдвигами, опирающейся на широкие социальные слои. Появившись на рубеже XIX–XX веков, ЛПВ явилась партией новейшего времени, выражающей интересы рабочего класса, опирающейся на организационную и финансовую поддержку профсоюзного движения, нацеленную не только на завоевание политической власти, но и на социальную трансформацию общества.

Избирательные законы 1867 и 1884 годов подготовили почву для формирования электората лейбористов, а закон 1918 года., наделивший мужчин старше 21 года и женщин старше 30 лет правом голоса, окончательно утвердил ЛПВ в качестве одной из ведущих политических сил страны. Бóльшую часть своей истории ведя не только политическую, но и идеологическую борьбу с политическими соперниками, ЛПВ заслужила авторитет реформистской, демократической партии, которая в XX веке стала пристанищем для многих британских левых политических течений.

Обстоятельства создания партии обусловили богатую гамму представленных в ней политических сил. ЛПВ опиралась на социалистические и рабочие традиции, получившие развитие во второй половине XIX века. Массовой опорой лейбористов стали профсоюзы, принявшие на конгрессе 1899 г. решение о создании независимой политической организации для защиты своих интересов в парламенте, и кооперативные общества, а интеллектуальной – Фабианское общество во главе с Сидней и Беатрис Вебб, марксистская Социал-демократическая федерация, преобразованная в 1920 г. в Коммунистическую партию Великобритании, и Независимая лейбористская партия, лидеры которой были умеренными социалистами. Тред-юнионизм, фабианизм, марксизм, христианский социализм, левый либерализм вписались в новое политическое движение, ставшее британским вариантом европейской социал-демократии. Их исторические корни уходят в эпоху английской революции, движения диггеров, левеллеров, чартистов.

Громыко Алексей Анатольевич, кандидат политических наук, руководитель Центра британских исследований Института Европы РАН

[1] Report of the Conference on Labour Representation, Memorial Hall, 27 February 1900, Chairman's report.

www.gromyko.ru

© 2000

Вехи истории

В 1900 г. новая организация делала свои первые шаги. Ее материальные возможности были ограниченны. Первоначально Комитет рабочего представительства (КРП), созданный по решению конференции и переименованный в 1906 г. в Лейбористскую партию, разместился на квартире Макдональда, а на выдвижение 15 кандидатов в парламент в ходе первой избирательной кампании в 1900 г. было потрачено 33 фунта. Несмотря на скромное начало, в парламент проходят два представителя КРП, включая легендарного в лейбористском политическом фольклоре Кейра Харди, руководителя Независимой рабочей партии. КРП рассматривался большинством делегатов как средство, пусть и чрезвычайно важное, для организации в парламенте группы давления в интересах рабочих. Политическая гегемония либералов и тори казалась непоколебимой. Тогда мало кто мог представить, что через 24 года лейбористы сформируют правительство, а через 45 лет приступят к крупномасштабной социальной трансформации страны.

До 1916 г. ЛПВ была младшим партнером либералов в парламенте, хотя к этому времени уже могла похвастаться более чем 2-миллионным членством. Юридические прецеденты, возникшие в результате "дела Тафской долины" и "дела Осборна", ущемлявшие права профсоюзов, толкали в ряды лейбористов все новые и новые массы рабочих, а тред-юнионы из движения рабочей аристократии превращались в массовое рабочее движение. Тогда же "новые либералы" во главе с Г. Асквитом и Д. Ллойд-Джорджем, нередко с опорой на лейбористов, а подчас под их давлением в рамках "прогрессивного альянса" провели заметные социальные реформы. Появились зачатки пенсионной системы, стали выплачиваться пособия по безработице, регламентироваться условия труда, был отменен ряд антипрофсоюзных законов, заложены первые камни в основание "государства благосостояния", с размахом выстроенное лейбористами после 1945 г.

Первая мировая война, раскол Либеральной партии, революционные события в России вывели лейбористов на сцену большой политики как самостоятельную силу. Ряд левых организаций в составе ЛПВ, такие как Независимая лейбористская партия, Британская социалистическая партия, занимали антивоенные позиции, активно участвовали в маршах мира, демонстрациях в поддержку Февральской, а затем Октябрьской революций в России. По оценке одного из ветеранов лейбористского движения Барбары Кастл, "Советская революция оказала влияние главным образом на наши моральные взгляды – производство для народа, а не ради выгоды. Не забывайте, как мы страдали от массовой безработицы и устремляли свои взгляды на Советский Союз в поисках ответа"[1].

Однако антимилитаризм, доминирующий в руководстве ЛПВ и среди рядовых членов до 1914 г., с началом войны уступил место ура-патриотическим и националистическим настроениям. Между лейбористами и другими партиями на время войны было заключено политическое перемирие. Ряд видных деятелей ЛПВ вошли в состав коалиционных правительств в 1915-ом и 1916 гг. Несмотря на это, период Первой мировой войны объективно способствовал усилению позиций лейбористов. Увеличивался спрос на рабочую силу, поднимался уровень заработной платы, быстро пополнялись ряды профсоюзов. Резкое усиление государственного вмешательства в социально-экономическую сферу в военные годы способствовало росту популярности социалистических идей.

Рубежным в истории лейборизма стал 1918 г., когда впервые были приняты устав и программа ЛПВ "Лейбористы и новый социальный порядок". В знаменитой статье 4 Устава

[1] Barbara Castle. The New Statesman Interview. 28 February 2000.

ставилась задача "обеспечить работникам физического и умственного труда полный продукт их труда и его наиболее справедливое распределение на основе общественной собственности на средства производства". Также вводилось коллективное членство в ЛПВ, что привело к резкому расширению рядов партии за счет профсоюзов. В программе говорилось о том, что в случае прихода к власти лейбористы национализируют электростанции, угольную промышленность, железные дороги, порты. Предложенная "социальная реконструкция" рассматривалась как способ избежать революционных потрясений. Принятие этих документов привело к окончательному размежеванию с либералами.

В 1924 г. первое лейбористское правительство меньшинства во главе с Рамсеем Макдональдом просуществовало всего десять месяцев и после скандала с "письмом Зиновьева" (Е.Г. Зиновьев занимал в то время пост председателя Исполкома Коминтерна), в котором якобы английская компартия призывалась к "насильственному ниспровержению" существующего в стране строя, потерпело поражение на выборах.

Одним из достижений лейбористов в этот период было установление дипломатических отношений с СССР. Свидетельством сильных симпатий к советской России среди широких масс стало принятие годом ранее резолюции в пользу такого решения на конгрессе британских тред-юнионов. К Макдональду была направлена делегация, которая от имени более миллиона рабочих высказалась за дипломатическое признание России. С Россией был подписан ряд договоров. В частности, стороны договорились о предоставлении друг другу режима наибольшего благоприятствования в торговле. Однако пришедший на смену лейбористам консервативный кабинет С. Болдуина отказался от ратификации договоров, а после обострения англо-советских отношений в 1927 г. и вовсе разорвал с Москвой дипломатические отношения.

К концу 20-х годов позиции ЛПВ укрепились. На выборах 1929 г. лейбористы впервые получили рабочее большинство в парламенте и сформировали свое второе правительство. В том же году они восстановили дипломатические отношения с Россией, заключили с ней торговое соглашение. К этому времени социалистический характер партии обрел более ясные очертания. В 1928 г. принимается новая партийная программа "Лейбористы и нация", в которой излагались меры по мирной трансформации капитализма в социализм, включая усиление роли государства, введение минимальной оплаты труда и 48-часовой рабочей недели. Вскоре планы лейбористов были нарушены охватившей капиталистический мир Великой депрессией. Под грузом экономических проблем и внутренних разногласий ЛПВ проигрывает всеобщие выборы в 1931г.

Многие в партии были недовольны тем, что лейбористы, дважды завоевав власть, не сумели провести ощутимые социальные реформы. Эти настроения усилились на фоне беспомощности лейбористского правительства в годы мирового экономического кризиса. Под давлением левого крыла ЛПВ на партийной конференции в 1933 г. принимается резолюция, обязывающая будущее лейбористское правительство без промедления осуществить меры социалистического характера. Этому предшествовал визит в СССР членов Фабианского общества, которые утвердились в мысли об эффективности государственного планирования на фоне успехов первой пятилетки в советской России. В новой программе "За социализм и мир", одобренной на партийной конференция в 1934 г., заявлено о необходимости перехода к политике национализации и внедрения плановой экономики, содержалось требование ликвидировать палату лордов.

Рост популярности социалистических идей в ЛПВ в 20–30-х годах не сопровождался сближением с Коммунистической партией Великобритании, созданной в 1920 г. В 1924 г. исполком ЛПВ пришел к выводу, что "Лейбористская партия добивается установления социализма методами парламентской демократии, а Коммунистическая партия стремится к диктатуре пролетариата методами вооруженной революции". Однако значительное коли-

чество рядовых членов партии и профсоюзов поддерживало идею сотрудничества с коммунистами. На партийных конференциях не раз принимались декларации с таким требованием.

Разногласия обострились на фоне антифашистского движения после прихода к власти Гитлера и в годы гражданской войны в Испании. ЛПВ не пошла на сотрудничество с коммунистами ни в рамках Объединенного фронта с участием социалистических партий, ни в рамках Народного фронта, открытого для всех антифашистских сил. В 1936–1939 гг. ЛПВ выступала за предоставление Испании гуманитарной помощи, но формально не добивалась снятия эмбарго на поставку оружия республиканцам, хотя лидер партии Клемент Эттли поддерживал британских волонтеров, воевавших против франкистов, а в 1937 г. посетил интернациональные бригады. На партийных конференциях в 1936–1937 гг. были приняты резолюции, осуждавшие политику невмешательства правительства Невиля Чемберлена.

В то же время по решению руководства ЛПВ была расформирована Социалистическая лига, созданная левыми лейбористами – сторонниками участия в Народном фронте, а ряд видных лейбористов исключен из партии. Нежелание руководства ЛПВ иметь дело с коммунистами на практике приводило к тому, что у партии долгое время отсутствовала единая программа борьбы с угрозой фашизма как в стране, так и на международной арене. Только к 1939 г. в ЛПВ сложился широкий консенсус, по поводу того что фашизму необходимо дать отпор вооруженным путем.

3 сентября 1939 г. лейбористы поддержали правительство консерваторов, объявившее войну Германии после ее вторжения в Польшу, и на время между партиями был заключен "политический мир". Однако недовольство политикой "умиротворения" Невиля Чемберлена в предвоенные годы, сомнительность его позиций в период "странной войны" удерживали ЛПВ от создания коалиционного правительства до мая 1940 г., когда премьер-министром стал Уинстон Черчилль. В состав военного кабинета вошли 5 лейбористов, включая Клемента Эттли, который фактически был заместителем главы правительства.

События Второй мировой войны в еще большей степени, чем в 1914–1918 гг., способствовали полевению общества, выдвинули на первый план необходимость активного государственного вмешательства в функционирование экономики и социальной инфраструктуры. Организация внутренней жизни страны во время войны, так называемый военный социализм, становилась моделью и для послевоенного развития. "Социалистическая Британия" превращалась из утопии в реальность. По словам Майкла Фута, лидера лейбористов в 1979–1983 гг.: "В годы Второй мировой войны в наиболее яркой форме использовались принципы демократического социализма"[1]. Атмосфера кризиса укрепляла решимость широких масс не допустить после окончания войны возврата социальных зол, с которыми ассоциировался межвоенный период. В близких к правительству кругах разрабатывались планы по послевоенному устройству общества. Наиболее известным из них стал "доклад Бевериджа", в котором предусматривалось значительное усиление социальных функций государства. Если лейбористы однозначно высказались в поддержку его рекомендаций, то консерваторы были настроены скептически.

Совпадение намерений лейбористов и настроений широких масс населения привело к тому, что в июле 1945 г., через два месяца после победы над фашистской Германией, ЛПВ во главе с Клементом Эттли одержала сокрушительную победу на всеобщих выборах. Наступил звездный час лейбористов. В следующие несколько лет они развили бурную активность по реализации положений своего предвыборного манифеста "Лицом к будущему". Были национализированы Банк Англии, угольная, газовая и сталелитейная промышлен-

[1] Guardian, 6 December, 1982.

ность, черная металлургия, железные дороги, гражданские транспорт и авиация, электроэнергетика. К 1951 г. 20% задействованных мощностей в экономике перешли в собственность государства. Нельзя забывать и о том, что карточная система распределения основных продуктов питания была отменена только к середине 50-х годов.

В те же годы было создано "государство благосостояния" – разветвленная сеть социального обслуживания населения "от колыбели до могилы", основанная на принципе универсальности. Ее венцом стала национальная служба здравоохранения. Резко возросшие социальные расходы государство финансировало за счет национальной системы страхования и прогрессивного налогообложения. Другим достижением ЛПВ было складывание межпартийного консенсуса на основе кейнсианских принципов управления экономикой, доминирующих в политике лейбористских и консервативных правительств до 1979 г.

Иной была направленность внешней политики лейбористов в послевоенный период. Если в 30-е годы рефреном их заявлений по международным вопросам были темы разоружения и мирного сотрудничества, то после 1945 г. от них не осталось и следа. По словам британской исследовательницы Кейт Лэйберн: "Из миролюбивой внешняя политика правительства Эттли трансформировалась в агрессивную, особенно в отношении Советского Союза"[1]. В то же время надо сказать, что среди массы рядовых членов ЛПВ идеи разоружения продолжали оставаться популярными. На партийных конференциях в 1960-ом и 1983 гг. принимались решения об одностороннем ядерном разоружении. В 80-е годы лейбористы также выступали против размещения на территории Великобритании американских крылатых ракет и "Першингов".

Министр иностранных дел Великобритании Эрнст Бевин сыграл активную роль по вовлечению США в формирование Североатлантического альянса. За этим скрывалось не только желание Лондона закрепить "особые отношения" с США и добиться повышения своего статуса на международной арене на фоне распада британской империи, но и большая финансовая зависимость от Вашингтона. В отношениях с британскими колониями и доминионами наиболее значимым шагом правительства лейбористов стало предоставление в 1947 г. независимости Индии, что, однако, сопровождалось созданием мусульманского государства Пакистан и кровавыми столкновениями между индусами и мусульманами.

Впоследствии лейбористы по ключевым вопросам международных отношений следовали в фарватере американской политики. Так было во время войны в Корее в 1950–1951 гг., хотя левое крыло партии осудило вторжение американских войск в Северную Корею и выступило против участия в войне британских сухопутных сил. Во второй половине 60-х годов правительство Вильсона поддерживало военные действия США во Вьетнаме. Лейбористы солидаризировались с действиями правительства Мэйджора, выступившего в качестве младшего партнера США во время войны в Персидском заливе в 1990–1991 гг. После прихода к власти в 1997 г. Энтони Блэра Великобритания активно участвовала вместе с США в несанкционированных ООН налетах на Ирак, а в 1999 г. взяла на себя главную роль по сплочению войск НАТО, вторгшихся в Югославию. В том же году на юбилейной сессии Североатлантического союза Блэр развил бурную деятельность по популяризации концепции "гуманитарной интервенции", ставящей под вопрос прерогативы Совета Безопасности ООН.

Несмотря на эти факты, лейбористы во внешней политике проявляли самостоятельность и прагматизм там, где речь шла о национальных интересах страны. Так, правительство Эттли развернуло программу по созданию собственного атомного оружия, что вызва-

[1] Keith Laybourn, A Century of Labour, A History of the Labour Party 1900–2000. Sutton Publishing, 2000, p. 72.

ло недовольство США (первое испытание атомной бомбы было проведено в 1952 г. уже при консерваторах). Англия первой из развитых капиталистических стран признала в 1950 г. Китайскую Народную Республику. В 1968 г. на фоне кризиса платежного баланса страны и девальвации фунта стерлингов правительство Вильсона приняло решение о выводе британских вооруженных сил "к востоку от Суэца", освобождаясь от остаточных имперских притязаний. Это было значительным шагом вперед по сравнению с позицией лидера лейбористов Гэйтскелла, который в 1956 г. поддержал консервативное правительство Энтони Идена во время англо-
-французско-израильской авантюры против Египта.

После поражения на выборах 1951 г. лейбористы во главе с Гарольдом Вильсоном возвратились к власти в 1964 г. и повторно одержали верх над консерваторами в 1966 г., добившись крупного парламентского большинства. Однако после шести лет пребывания у государственного штурвала и заявлений, что ЛПВ становится «естественной партией власти», в 1970 г. ЛПВ терпит поражение. В числе неудач была девальвация 1967 г., провал урегулирования отношений с профсоюзами на основе документа "Вместо разногласий", детища министра занятости Барбары Кастл, а также безуспешная попытка вступить в ЕС.

В 1974 г. ЛПВ дважды возвращала себе правящий мандат. Годом ранее партия сделала шаг к примирению с профсоюзами, приняв новую программу, в которой призывала к "фундаментальному и необратимому изменению баланса власти и богатства в пользу рабочих". Однако в последующем ни Вильсон, ни Джеймс Каллагэн не смогли предотвратить развития негативных тенденций. Ухудшение экономической ситуации, разрыв "социального контракта" с тред-юнионами, рост инфляции и безработицы, массовые забастовки "зимы недовольства" 1978\79 гг. открыли М.Тэтчер дорогу к власти. 3 мая 1979 г. лейбористы на 18 лет ушли в оппозицию. Эти события сопровождались углублением раскола между левыми и правыми в ЛПВ. Во весь рост встал болезненный для партии вопрос.

Широкая коалиция или расколотая партия?

Лейбористскую партию часто называют "большим приходом", имея в виду коалиционный характер ее устройства. Разнообразие взглядов внутри ЛПВ объясняется как обстоятельствами ее создания, так и мажоритарной избирательной системой, не допускающей малые партии к власти.

В истории ЛПВ разногласия между левыми и правыми приводили не только к внутрипартийным распрям, но и к более серьезным последствиям. В 1916 г. лейбористы выиграли в результате раскола либералов, но в 1931 г. их постигла та же участь. Лидер партии и премьер-министр Рамсей Макдональд и несколько видных фигур из руководства ЛПВ приняли участие в национальном правительстве вместе с консерваторами и либералами. Они намеревались урезать пособия по безработице в условиях экономического кризиса, что было встречено профсоюзами в штыки.

В руководящих органах ЛПВ и лейбористской фракции в парламенте в большинстве находились те деятели британского лейборизма, прозванные "социал-демократами", которые стремились к косвенному контролю рыночных отношений, реформированию капиталистического строя, сглаживанию его негативных черт, но не к коренной трансформации, а тем более ликвидации. Для них на первом месте стояли не идеологические, а прагматические соображения по завоеванию и удержанию власти, а следовательно, обеспечению широкой опоры в электорате.

Меньшинство в руководстве ЛПВ, опиравшееся на массы лейбористских активистов, значительная часть профсоюзных лидеров, прозванных "левыми", а при Тони Блэре "старыми левыми", стремились к реализации положения статьи 4 Устава партии 1918 г. о вве-

дении в стране общественной собственности на средства производства. Эта редакция Устава партии на многие годы стала водоразделом между левыми и правыми в ЛПВ, несмотря на то что и те и другие характеризовали свои воззрения как социалистические.

Левые рассматривали ЛПВ как партию рабочего класса. Правые, разделяя идеи фабианизма и этического социализма, считали, что ЛПВ должна выражать общенациональные интересы. Отсюда проистекала различная трактовка понятий социализм, социальная справедливость, равенство. Для одних они означали национализацию большей части британской экономики, прогрессивное налогообложение и крупномасштабное перераспределение доходов. Намерения других ограничивались огосударствлением некоторых отраслей социальной и экономической инфраструктуры и равенством возможностей.

Несмотря на триумфальный приход ЛПВ к власти в 1945 г., в 1951 г. ее руководство вновь лихорадит. Конфликт разразился из-за решения премьер-министра Клемента Эттли оказать материальную помощь США в корейской войне. Изыскать необходимые суммы министр финансов Хью Гейтскелл решил за счет бюджета министерства здравоохранения Эньюрина Бивена. Действия Гейтскелла были поддержаны большинством кабинета, и Бивен подает в отставку. Пятидесятые годы прошли под знаком борьбы между "бивенитами", сторонниками Бивена и его социалистических принципов и последователями Гейтскелла, ревизионистами, которые опирались на идеи работы Энтони Кросленда "Будущее социализма" (1956 г.).

В 60–70-х годах деятельность компромиссных фигур Гарольда Вильсона и Джеймса Каллагэна способствовала смягчению разногласий. Но избежать раскола не удалось. В 1981 г., спустя полвека после "предательства" Макдональда, наступила очередь "банды четырех", лидеров социал-демократического крыла лейбористов во главе с Роем Дженкинсом. В знак протеста против резкого усиления позиций левых в 1979–1981 гг., они выходят из ЛПВ, уводя за собой 29 депутатов-лейбористов. Создается Социал-демократическая партия, которая в альянсе с либералами на выборах в 1983 г. едва не оттеснила лейбористов на третье место. Тогда крайне левая для Лейбористской партии предвыборная программа была названа "самой длинной запиской самоубийцы в истории".

Для ЛПВ наступили черные дни. Годы лидерства Нила Киннока, опиравшегося на поддержку "мягких левых", выходцы из среды которых позже составили ядро правительства Тони Блэра, прошли под знаком борьбы с леваками – "милитантами", которая к концу 80-х годов разрешилась в пользу умеренных. Во время забастовки горняков в 1984–1985 гг. Киннок дистанцировался от радикальной фигуры Артура Скаргилла. На выборах 1987 г. лейбористы возвратили себе звание оппозиции Её Величества, после чего Киннок принялся за пересмотр программы ЛПВ.

С 1987 г. в партии началась так называемая кампания "по пересмотру политики", в результате которой был подготовлен ряд новых партийных документов, среди которых центральное место заняли "Демократические социалистические цели и ценности", "Встретить вызов, осуществить перемены" и "Смотря в будущее". К 1992 г. лейбористы отказались от лозунгов ренационализации, одностороннего ядерного разоружения, всеобщей занятости, отмены антипрофсоюзных законов 80-х гг. и выхода Великобритании из ЕС. Расширение расходов на "государство благосостояния" было поставлено в зависимость от экономического роста.

Одним из самых драматичных эпизодов в истории ЛПВ в 90-х годах стала отмена статьи 4 Устава, в которой с 1918 г. ставилась цель обобществления средств производства. Тони Блэр, одержав победу на выборах лидера партии в 1994 г., предпринял решительные действия. Неожиданно для многих он поставил вопрос о новой редакции статьи на ежегодной конференции ЛПВ в 1994 г. и развил бурную активность по разъяснению своего пред-

ложения среди активистов. Реакция левых была однозначна. Лидер забастовки шахтеров в 1984–1985 гг. Артур Скаргилл заявил, что Блэр объявил партии войну.

Однако в апреле 1995 г. на специально созванной конференции ЛПВ изменение статьи получает поддержку около двух третей голосов. Из ее текста изымается упоминание о национализации средств производства. Вместо этого говорится о необходимости объединения энергии рынка с принципами партнерства и сотрудничества для создания динамичной экономики. Партия устала от бесконечных поражений. Партии нужна была победа.

К концу 90-х годов позиции левых в ЛПВ сильно ослабли. В результате стараний "новых лейбористов" их роль в исполкоме партии, местных партийных организациях, на ежегодных конференциях была сведена на нет. Влияние теряли не только "старые левые", но и "старые правые", поддерживавшие традиции ревизионизма Кросленда. Многолетний лидер левого крыла партии Тони Бенн объявил о своем уходе из большой политики после парламентских выборов в 2001 г. Партия все больше отстранялась от профсоюзного движения. Возмутителем победоносного шествия "новых лейбористов" попытался стать Артур Скаргилл, в знак протеста против пересмотра Устава партии вышедший из ее состава и организовавший Социалистическую рабочую партию (СРП). Ее периферийность выяснилась на выборах 1997 г., когда СРП собрала 50 тысяч голосов. Единичные факты "восстания заднескамеечников", вызванные рядом чрезмерно прорыночных законопроектов правительства, не влияли в целом на благополучную картину успехов "новых лейбористов". Казалось, левые традиции лейборизма почили навсегда.

Последним тяжеловесом на левом фланге партии оставался Кен Ливингстон, "красный Кен", как называли его сторонники и противники. Славу среди левых он приобрел в начале 80-х годов, когда во главе Большого лондонского совета, вступил в неравную схватку с тэтчеристами, ликвидировавшими этот орган в ходе подавления левых в местных органах самоуправления. Вновь в центр внимания он попал после проведения в мае 1998 г. референдума, на котором жители столицы высказались за утверждение должности мэра. Здесь-то и выяснилось, что не только среди массы рядовых членов партии, но и избирателей "красный Кен" по-прежнему пользуется высокой популярностью. С большим отрывом от других претендентов Ливингстон выиграл выборы в мае 2000 г.

Определенному восстановлению позиций левых в ЛПВ к концу 90-х годов способствовали события в России. В одном из интервью в сентябре 1998 г. Тони Бенн отметил "коллапс свободнорыночного эксперимента в России" как один из факторов, возвращающих левым уверенность в своей правоте. «Мы почувствовали огромный прилив уверенности, – сказал он, – потому что в течение многих лет нас называли "пещерными людьми"... Теперь мы являемся свидетелями того, как ельцинский проект угодил в сточную канаву. Неизбежно, что маятник качнется в противоположную от Тэтчер и Ельцина сторону»[1].

В течение всего XX века ЛПВ представляла собой широкую коалицию левых и левоцентристских сил. В одни периоды истории это приносило выгоды, в другие – расшатывало ее устои. В последней четверти столетия плюрализм мнений в ЛПВ вышел за пределы внутрипартийной дискуссии. Неудачи, сопровождавшие периоды правления лейбористских кабинетов в 60–70-х годах, подтолкнули как левых, так и правых в партии на действия, ввергнувшие ее в кризис.

Поражения на выборах 1979 г. и 1983 г. могли быть отнесены на счет независящих от лейбористов причин, в первую очередь агрессивность неолиберальной идеологии, популизм тэтчеристов, радикализацию ряда профсоюзов и фактор фолклендской войны. Позже по социалистической мысли больно ударил развал Советского Союза. Но неудачи в 1987 г.

[1] "UK politics: talking politics Benn predicts government economic U-turn", news.bbc.co.uk/uk_politics/tuc_conference, 15 September, 2000.

и 1992 г. свидетельствовали о большем. Раскол партии в 1981 г., потеря контроля над деятельностью профсоюзов, открытая вражда между левыми и правыми фракциями в ЛПВ крайне негативно сказались на образе партии в глазах избирателей. Эти обстоятельства подтолкнули новое руководство лейбористов во главе с Тони Блэром на глубокое реформирование партии. Едва ли столь сильный сдвиг вправо стал бы возможным, сохрани лейбористы единство своих рядов в 80-х годах.

История ЛПВ в XX веке началась как история "большого прихода", но едва не закончилась как история безвозвратно расколотой партии. Наиболее непримиримые, как слева, так и справа, покидали ее ряды. Вторая половина 90-х годов прошла под знаком консолидации рядов лейбористов. Станут ли уроки последних двух десятилетий достаточными, чтобы уберечь партию от новых расколов, не потеряет ли она гибкость и демократизм в результате идейной и организационной санации? Не сменится ли идеологический "раздрай" на идеологическую смирительную рубашку? Ответы на эти вопросы зависят от того, насколько успешной окажется программа модернизации "новых лейбористов".

Значение 1997 года

Победа на парламентских выборах в 1997 г. вывела партию из затяжного кризиса. Возникнув как массовая партия рабочего класса, авангард тред-юнионистского движения, ЛПВ стала заложницей последующих изменений в социальной структуре своего электората.

Преимущества принципов формирования ее социальной базы максимально раскрылись в начале 50-х годов. На всеобщих выборах в 1951 г., проигранных из-за парадоксов британской избирательной системы, партия получила рекордное количество голосов, около 14 млн., а в следующем году было зарегистрировано максимальное количество индивидуальных членов ЛПВ – свыше миллиона. После этого до 80-х годов прослеживалась регрессивная тенденция в изменении обоих показателей, достигших своего минимума соответственно в 1983 г. – 8,5 млн. голосов и в 1991 г. – 261 тыс. членов. Хотя коллективное членство профсоюзов в ЛПВ увеличивалось до конца 70-х годов, прирост общей численности членов профсоюзного движения оказался вдвое выше. На чьей стороне оказались эти голоса? Почему ЛПВ потеряла в 50–80-х годах более 5 млн. голосов избирателей?

Одна из основных причин упадка популярности ЛПВ состояла в изменении социальной структуры британского общества во второй половине XX века. Особое значение приобрели трансформации, произошедшие с неквалифицированными и полуквалифицированными слоями рабочего класса, которые всегда формировали ядро лейбористского электората.

Сокращение численности работников физического труда явилось непреложным фактом постепенного перехода страны от индустриального к постиндустриальному типу развития. Промышленность уступала место сфере услуг и высокотехнологичным производствам. До Второй мировой войны судостроение, угольная отрасль, хлопчатобумажное производство, металлургия составляли костяк британской экономики. После 1945 г. их удельный вес постоянно снижался. В то время как численность трудоспособного населения страны увеличивалась, численность работников физического труда ("синих воротничков") сокращалась. Если в 1979 г. в промышленности было занято 32% рабочих, то в 1997 г. только 18%, в то время как в сфере услуг занятость поднялась с 58 до 75%.

Хотя ЛПВ никогда не была партией исключительно рабочего класса, примерно около двух третей ее электората до 60-х годов составляли работники физического труда, тогда как в электорате консерваторов их не насчитывалось более одной трети. В то же время, до 1997 г. в копилку лейбористов попадало не более трети голосов работников умственного труда ("белых воротничков"). В результате сокращение численности неквалифицированных и низкоквалифицированных рабочих больнее всего ударило по лейбористам. Лейбо-

ристы теряли в абсолютном выражении поддержку среди своих традиционных сторонников, часть которых голосовала либо за тори, либо за третьи партии (на выборах в 1951 г. за ЛПВ и тори отдают свои голоса около 97% избирателей, а в 1992 г. – 76%). В основе этого процесса лежали фрагментация и переориентация "естественных сторонников" как лейбористов – рабочий класс, так и консерваторов – средний класс.

Лейбористы столкнулись с главной проблемой там, где ее меньше всего ждали. С 50-х годов уровень жизни основной массы рабочих повышался. В этом заключалась основная цель ЛПВ, но последствия такого процесса оказались неоднозначными для партии. "Государство благосостояния", созданное лейбористами в 1945–1951 гг., рост социального благополучия меняли классовые ценности и представления, социальные перегородки становились более подвижными, принципы меритократии (продвижение по карьерной лестнице в зависимости от способностей) более общепринятыми. Менялся стиль жизни, материальные потребности, а вместе с этим социальный статус и политические привязанности. Классовые, коллективные предпочтения все больше размягчались индивидуалистическими, собственническими настроениями. Так, если в 1951 г. 30% жилищного фонда находилось в личной собственности, то к 1992 г. – 67%. В 1979–1992 гг. консерваторы активно использовали популизм, лозунги "народного капитализма", "распыления" частной собственности для привлечения на свою сторону широких социальных слоев.

Лейбористам грозила судьба Либеральной партии, которая в 20–30-х годах превратилась во второстепенную силу в британской политике. Многие их реформаторские установки были реализованы, а наиболее популярные среди широких масс идеи взяты на вооружение другими политическими силами.

Автоматическое голосование на выборах за "свою" партию становилось достоянием прошлого, классовая лояльность отходила на второй план, уступая место более дифференцированным социальным преференциям и прагматическим соображениям. При тэтчеристах значительно возросла доля частного сектора в экономике. Соответственно профсоюзы, представляющие интересы занятых в нем рабочих, относились к консерваторам с симпатией.

Главным достижением нового руководства ЛПВ в 1997 г. стало использование фактора "текучести", фрагментации британского электората, привлечение на свою сторону не только традиционных сторонников лейбористов, но и социальных групп, обычно голосовавших за другие партии. Лейбористы на этот раз использовали то же оружие, с помощью которого консерваторы так долго не подпускали их к власти.

На всеобщих выборах 1997 г. консерваторы получили 165 мест в парламенте (336 в 1992 г.), а лейбористы – 419 мест (271 в 1992 г.), завоевав рекордное большинство в 179 мандата. Тори не терпели такого поражения с 1906 г. За ЛПВ проголосовало 43,2% пришедших на избирательные участки – лучший результат с 1966 г. Консерваторы набрали 31% – наихудший показатель с 1832 г. Лейбористы отобрали у них 10% голосов – самый массовый переход голосов от одной партии к другой в послевоенной истории страны. Общее число проголосовавших за ЛПВ превысило 13,5 млн. человек, уступив лишь показателю 1951 г. – наилучшему для партии за всю ее историю.

Для полноты картины следует сказать о том, что процент голосов, поданный за лейбористов, был наилучшим только с 1970 г. До этого они получили больше даже в трех проигранных выборах в 50-е годы. Была скромна по британским стандартам и явка избирателей – 71,5% – наихудший показатель с 1935 г. В абсолютном выражении за ЛПВ проголосовало лишь 31% избирателей. Внесла свои искажения и британская избирательная система, наградив лейбористов 65% мест в парламенте в обмен на 43,2% полученных голосов. Не последнюю роль сыграли и факторы усталости электората от долгого правления консерваторов, глубокий раскол в их рядах между "евроскептиками" и "евроэнтузиастами", сканда-

лы вокруг депутатов от Консервативной партии, обвинявшихся то в коррупции, то в аморальном поведении.

И сторонники, и противники ЛПВ признают, что лейбористы добились серьезных успехов по завоеванию симпатий широких социальных слоев. За них консолидированно проголосовали низко- и неквалифицированные рабочие, значительная часть которых проиграла от реформ тэтчеристов. К ним вернулись голоса квалифицированных рабочих, отошедших в 80-е годы к консерваторам. Другим достижением была поддержка со стороны низших, средних служащих и мелкой буржуазии, более двух третей которых обычно голосовало за тори. В пользу лейбористов произошел скачок симпатий даже среди верхнего слоя служащих, управленцев и средней буржуазии. Для консерваторов они всегда являлись таким же ядром электората, как для лейбористов "синие воротнички".

Лейбористы впервые собрали под свои знамена такой многоликий электорат, что с самого начала определило крайне осторожный подход руководства ЛПВ к принятию решений, поставило его перед необходимостью постоянно маневрировать, чтобы не оттолкнуть своих традиционных избирателей, но и не спугнуть новоявленных. Ситуация для партийного руководства осложнялась тем, что пополнение рядов ЛПВ во второй половине 90-х годов происходило главным образом за счет рабочих. Наметились линии трения не только между различными группами лейбористского электората, но и между руководством ЛПВ и рядовыми членами партии.

Изменение социальной конфигурации общества во второй половине XX века, наряду с организационными и идеологическими факторами, сильно повлияло на электоральные судьбы лейбористов, заставило их приспосабливаться к новым условиям, модернизировать партийную структуру и программу.

Идейный прорыв или призраки "третьего пути"?

Новые всеобщие выборы в Великобритании могут состояться уже весной 2001 г. Развитие событий говорит о том, что лейбористы вновь одержат победу. Прошедшее с 1997 г. время показало их способность маневрировать между интересами различных общественных слоев. Они готовы отчитаться перед избирателями самого разного социального статуса.

Лейбористы делали характерные прорыночные шаги. Они придерживались принятых еще консерваторами планов по временному замораживанию бюджетных расходов, сохранили большинство рыночных элементов в национальной системе здравоохранения, в интересах крупного капитала снизили корпоративный налог и сделали независимым Банк Англии.

В то же время лейбористы отменили ваучеры в сфере образования, собрали дополнительные налоги с суперприбылей приватизированных консерваторами "естественных монополий". Полученные 6 млрд. долл. были направлены на финансирование программы "Новый контракт", призванной снизить безработицу, особенно среди молодежи. Благодаря этой инициативе более 200 тысяч человек в возрасте от 18 до 24 лет смогли трудоустроиться. В целом число безработных, получающих пособие, снизилось к осени 2000 г. до 1 млн. человек, что стало лучшим показателем с 1975 г.

В 1999 г. лейбористы ввели минимальный уровень заработной платы в размере 3 ф.ст. в час для работников в возрасте от 18 до 21 года и 3,6 ф.ст. для тех, кто старше, что улучшило материальное положение около двух млн. человек – 10% рабочей силы (профсоюзы настаивали на цифре в 4 ф.ст., а работодатели – 3,5 ф.ст. при средней почасовой оплате 4,6 ф.ст.). В 2000 г. размер минимальной заработной платы повышен для этих двух возрастных групп соответственно до 3,2 и 3,7 ф.ст.

Правительство обязало компании с числом наемных рабочих более 21 человека признавать профсоюзы, если за это проголосовало 40% от общего числа занятых на данном производстве. В случае если 50% рабочих в компании состоит в профсоюзе, такое признание становится автоматическим. Каждый рабочий получил право иметь представителя от профсоюзов на слушаниях по трудовым спорам. С двух до одного года снизился обязательный трудовой стаж на данном производстве для тех, на кого распространялось законодательство, защищающее рабочих от незаконного увольнения. Увеличились штрафные санкции для работодателей.

Безработным государство предложило контракт по переобучению и повышению квалификации в обмен на обязательство поступить на работу. Пенсионерам возвращено право на бесплатные глазные тесты, льготные условия открытия накопительных счетов и минимальный гарантированный доход для беднейших (78,45 ф.ст. в неделю для одиноких и 121,95 ф.ст. для семейной пары). В интересах семей с 11,45 до 15 ф.ст. увеличены еженедельные детские пособия на первого ребенка и с 9 до 10 ф.ст. – на второго. Для наиболее нуждающихся из них предоставлены льготные кредиты. Правительство выделило 6 млрд. ф.ст. для борьбы с детской бедностью. Количество начальных классов для детей от 5 до 7 лет, в которых учится больше 30 человек, снизилось в два раза.

Британия присоединилась к социальному законодательству ЕС, закрепленному в Маастрихтском договоре. В результате матери после рождения ребенка получили право на оплачиваемый отпуск, а отцы на отпуск за свой счет. Рабочие получили право на оплачиваемый трехнедельный, а с 1999 г. четырехнедельный отпуск. Уравнены в правах занятые на пол- и полную ставку. Усилено регулирование длительности рабочей недели. Компаниям, с численностью рабочей силы более 1000 человек и имеющим производство более чем в одном государстве ЕС, была вменена в обязанность организация консультационных "рабочих советов". В британское законодательство инкорпорирован европейский билль о правах человека.

Поборники демократического устройства государства могут быть удовлетворены тем, что наследные пэры потеряли право заседать в палате лордов (91 из 750 наследных пэров временно сохранили свои места до полного реформирования верхней палаты). Национальные меньшинства в стране – шотландцы и валлийцы – после проведения референдумов в сентябре 1997 г. обрели свои автономные органы регионального самоуправления – соответственно парламент и ассамблею, а жители Лондона – своего мэра. Не менее важно то, что на выборах законодательных органов в Шотландии и Уэльсе впервые был использован вариант пропорциональной системы голосования, который, по замыслу лейбористов, будет применен на следующих парламентских выборах после грядущих.

Католики и протестанты Северной Ирландии ступили на хрупкий лед примирения после подписания Соглашения Страстной пятницы, которое в мае 1998 г. было поддержано более чем 70% жителей провинции на референдуме. Впервые с 1974 г. они получили возможность выбрать свой парламент и правительство.

Политика лейбористов не выглядит эклектичной, механическим набором мер по умасливанию и богатых и бедных. Ряд реформ, особенно конституционных, подвергается обоснованной критике в половинчатости, но у лейбористов есть время. ЛПВ не вернулась к рецептам кейнсианства, но и не стала проводником "тэтчеризма с человеческим лицом". "Новые лейбористы" признали полноценность рыночных отношений, но при этом сделали упор на расширение косвенного влияния государства в экономике. Все представленные до сих пор бюджеты министра финансов Гордона Брауна носили умеренный перераспределительный характер.

"Новым лейбористам" удавалось достаточно гармонично сочетать такие необычные для традиционной социал-демократии подходы, как бездефицитная, низкоинфляционная

макроэкономическая политика и увеличение расходов в социальной сфере, сохранение значительной гибкости рынка труда и расширение прав наемных работников, учет как индивидуалистических, так и коллективистских настроений в обществе, использование полезных элементов англосаксонской и континентально-европейской моделей экономики. Об экономической политике лейбористов говорят как о посткейнсианской, ее идейным ориентиром называют "экономику совладения", а в последнее время – "экономику, основанную на знаниях".

Признание достижений "новых лейбористов" не заслоняет того факта, что предложенные ими пути развития общества ставят много вопросов. ЛПВ пришла к власти в период благополучного состояния британской экономики. Текущий экономический цикл удивляет специалистов длительностью стадии подъема. Но мало кто берется предсказать, к чему приведет балансирование лейбористов между бездефицитным бюджетом, либеральной налоговой политикой и растущими социальными выплатами, долгосрочными тратами на социальные программы в области здравоохранения, образования, занятости, реформирования пенсионной системы, если дела в экономике ухудшатся. Так ли правы лейбористы, отдавая предпочтение англосаксонским ингредиентам перед социально-рыночными в деле модернизации социал-демократии? Что случится с дорогостоящими социальными программами, объявленными Гордоном Брауном весной и летом 2000 г., когда рано или поздно произойдет спад в экономике, увеличатся траты на социальное страхование, уменьшатся налоговые поступления?

При Тони Блэре ЛПВ перестала быть социалистической в традиционном значении этого слова, отказавшись от ликвидации рыночного уклада экономических отношений, стала не столько правее, сколько леволиберальнее, тем более что традиции социального либерализма всегда были свойственны ей. Тони Блэр не раз выражал сожаление о недолговечности союза лейбористов и либералов в начале XX века, что привело к доминированию на политической арене консерваторов.

Первые два десятилетия истории лейборизма прошли под знаком союза с партией "новых либералов" во главе с Асквитом и Ллойд-Джорджем. Социальные и экономические реформы, осуществленные в 1945–1951 гг., основывались на идеях либералов Джона Мейнарда Кейнса и Уильяма Бевериджа. Во второй половине 70-х годов лейбористы и либералы сотрудничали на правительственном уровне. В 90-е годы они вновь координировали свои действия, после того как руководство либеральных демократов отказалось от принципа "равноудалённости" от консерваторов и лейбористов.

В начале XXI века этот назревающий союз может иметь далеко идущие последствия. По мнению Блэра, новый прогрессивный альянс должен надолго отстранить консерваторов от власти. Для этого лейбористы и либералы совместными усилиями вырабатывают предложения по введению в стране пропорциональной системы голосования вместо мажоритарной, что позволило бы либералам увеличить свое представительство в парламенте и сделало бы их союз с лейбористами почти непобедимым. Учитывая неоднозначное отношение к идее союза в обеих партиях его будущее зависит от политической воли их руководителей.

В то же время скоропалительно считать, что современная Лейбористская партия превращается в постсоциал-демократическую. Уход от идей евросоциализма и кейнсианства не является для того основанием. Снижение их влияния компенсировано активизацией других левых традиций, присущих британской социал-демократии, таких как этический и христианский социализм.

Не исчезли и причины, которым ЛПВ обязана своим возникновением. Вопросы бедности, социального неравенства стоят в современном британском обществе не менее остро,

чем сто лет назад, не говоря уже об опасности возрождения неолиберальной модели на транснациональном уровне. Дэвид Маркуэнд, один из идеологов британской социал-демократии, пишет: "Капитализм, в котором мы живем, нелицеприятно напоминает о капитализме 150-летней давности. Мы вернулись к ситуации, которую пытались изменить основатели Лейбористской партии".[1] В одном из интервью, приуроченных к юбилею ЛПВ, Блэр, отчитавшись за достижения правительства, признал: "Отцы-основатели Лейбористской партии поразились бы, как сильно изменился мир, но ужаснулись бы, как много надо сделать"[2].

Отношение к глобальным экономическим процессам – наиболее уязвимое место "новых лейбористов". Проведя много лет в борьбе с тэтчеристами под лозунгом "необузданный рынок разрушает общество", они пассивны в вопросах реформирования рынка транснационального. В подходе к проблемам глобализации Блэр солидаризировался с позицией США, что не находит понимания у большинства его европейских коллег. Даже канцлер Германии Герхард Шредер, близкий к Блэру по взглядам на мировые рынки и его соавтор по нашумевшему памфлету "Третий путь / Новый центр", дал задний ход. Чрезмерный энтузиазм этого документа в отношении рыночной дерегуляции оттолкнул от него других видных деятелей европейской социал-демократии, а премьер-министр Франции Лионель Жоспен публично высказался против. Ко времени конгресса Социнтерна в Париже в ноябре 1999 г. Шредер отстранился от идей памфлета. Не только он, но и Блэр, поставил свою подпись под декларацией, критикующей действующую модель глобализации и рыночную вольницу.

Показательно, что вышедшие в свое время из ЛПВ правые социал-демократы, протестовавшие против полевения партии, критически отзываются о чрезмерном энтузиазме Блэра по поводу рыночных сил. «В "новых лейбористах" меня беспокоит то, – пишет перед юбилеем лейбористов бывший член "банды четырех", а ныне член палаты лордов Ширли Уильямс, – что за годы их правления концепция перераспределения богатства стала менее ясной, чем прежде. Раньше она не допускала как полного равенства, так и слишком большого разрыва в доходах. В настоящее время Британия – страна большого неравенства; положение в ней не столь плохо, как в США, но значительно хуже, чем в остальной Европе»[3].

---

[1] David Marquand. History Today. Fabian Review, March 2000.
[2] BBC News Online, 22 February, 2000.
[3] Shirley Williams. Bedrock concepts eroded. BBC News Online, 22 February, 2000.

* * *

В XX веке Лейбористская партия Великобритании находилась у власти в общей сложности 25 лет, а Консервативная – 41 год, не считая коалиционные правительства, в которых последняя доминировала. Несмотря на это, обе ведущие политические силы страны оставили в ее новейшей истории соизмеримый след. Во второй половине столетия лейбористам принадлежит честь создания "государства благосостояния", на котором до сих пор зиждется социальная стабильность британского общества, а на счету консерваторов феномен тэтчеризма, трансформировавший страну на базе рыночных реформ. Но главное завоевание обеих партий – надежное функционирование политического маятника, "качание" которого то вправо, то влево является фундаментом политической системы Великобритании, обеспечивает ей запас прочности, позволяющий стране продвигаться вперед.

Свой 100-летний юбилей Лейбористская партия Великобритании отметила на подъеме. Никогда после 1945 г. избиратели не выдавали ей карт-бланш на проведение реформ. Многое лейбористам сделать удалось, многое в их действиях вызывает сомнение, еще больше сделать предстоит. Современная ЛПВ претендует на звание прогрессивной левоцентристской партии, электорат которой включает представителей всех слоев общества. Блэр надеется на доминирование либерально-социалистического консенсуса в XXI веке. Амбиции Эттли и Вильсона были не менее масштабны, но теперь за плечами лейбористов богатый опыт прошлого. "Третий путь"? В политике все возможно.

Елена ВОДОПЬЯНОВА

ЕВРОПЕЙСКИЙ ФЕМИНИЗМ: ИДЕИ И ДВИЖЕНИЕ

Мировая феминистская мысль, теория и практика женского движения к концу XX века стали вполне самостоятельным и оригинальным способом восприятия и объяснения мира. Однако по сравнению с иными направлениями современной культуры, пожалуй, только этому теоретическому направлению присуща одна специфическая характеристика: к феминизму нигде не относятся равнодушно, его оценки широко варьируются в диапазоне от самого резкого неприятия до восторженного поклонения у представителей различных социальных групп. И уже одного этого обстоятельства, видимо, вполне достаточно, чтобы рассматривать феминистские идеи и практику феминистского движения в качестве самостоятельного предмета для исследований.

В 1910 г. А.И. Куприн в "Гранатовом браслете" предсказал: «Помяни мое слово, что лет через тридцать женщины займут в мире неслыханную власть. Они будут одеваться, как индийские идолы. Они будут попирать нас, мужчин, как презренных, низкопоклонных рабов. Их сумасбродные прихоти и капризы станут для нас мучительными законами. И все оттого, что мы целыми поколениями не умели преклоняться и благоговеть перед любовью. Это будет месть». Теория и особенно практика современного радикального феминизма определенным образом оправдала этот художественный прогноз.

В самом широком смысле феминизм – это активное желание женщин изменить свое положение в обществе. Феминистская картина мира в основном включает в себя следующие моменты:

– "неприятие существования в семье и обществе строго закрепленных мужских и женских ролей;

– осуждение разделения сфер общественной жизни на мужские и женские;

– принятие такого идеала женщины, главными характеристиками которого являются энергичность, активность, уверенность в себе, стремление к свободе и независимости, деятельность в различных сферах общественной жизни;

– взгляд, согласно которому высокую ценность для женщины имеют профессиональные достижения, карьера, стремление к самореализации;

– предпочтение таких семейных отношений, которые не обязывают женщину всю себя отдавать заботе о других;

Водопьянова Елена Викторовна, доктор филос. наук, вед. научн. сотр. Института Европы РАН.

© 2000

– взгляд на воспитание детей, согласно которому общество должно максимально стремиться к равному участию отцов и матерей в жизни ребенка, а также создавать условия для хорошей организации занятости детей вне дома;

– осуждение отношения к женщине как к объекту сексуального угнетения;

– неприятие двойных стандартов общественной морали в оценке поведения мужчин и женщин в различных сферах жизни;

– убеждение в необходимости глубокого осознания женщинами своего подчиненного положения, желание перемен в общественной роли женщин и понимание важности практических действий в этом направлении".[1]

На протяжении нескольких десятилетий дискуссии как по поводу феминизма в целом, так и внутри самого этого направления продолжаются с неослабевающей силой, свидетельством чего является поток публикаций теоретического и научно-популярного характера. В данной статье будут рассмотрены две основные формы феминизма: феминизм как практика женского движения в европейских странах и феминизм как система теоретических моделей, объясняющих механизм женского неравноправия в обществе и предлагающих выход из сложившейся ситуации.

Женское движение и феминистская теоретическая мысль фактически с момента своего возникновения и до сих пор развиваются достаточно автономно, реализуя различные – практические либо объяснительные – цели.

1. Феминистское движение в Европе

Точкой отсчета времени возникновения идей, излагаемых в феминистских работах и реализуемых в практике женского движения, принято считать "Декларацию прав женщины и гражданки" француженки Олимпии де Гуж, датируемую 1792 годом. Но эта первая попытка реализации феминистских идей на практике окончилась весьма печально: возникшие женские организации достаточно быстро запретил Конвент, а их вдохновительница Олимпия де Гуж была казнена. Интересно, что в том же 1792 году в Англии вышла книга Мэри Уолстоукрафт "О подчинении женщины", а в Германии этой же датой обозначен выход работы Теодора фон Гиппеля "Об улучшении гражданского положения женщин". Таким образом, уже к концу XVIII века "манифесты" грядущего феминизма были обрисованы в его будущих идейных европейских центрах: Франции, Англии и Германии. Этот "первый феминизм" возник не столько как теория, сколько как движение против социально-экономической дискриминации женщин; и в начале XX века, добившись своих основных целей: получения женщинами в Европе и США избирательных прав, а также роста их профессиональной занятости, – он фактически сошел с исторической арены, что, однако, не означает исчезновения женского движения как такового.

Подъем феминистского движения в Европе и США во второй половине XX столетия напрямую связан с достижениями научно-технического процесса: у женщин в результате внедрения в повседневную жизнь многочисленных технических изобретений появилось больше свободного времени, чтобы поразмышлять о своих проблемах, а затем воплотить результаты этих размышлений в практику женского движения. Таким образом, практическая ветвь феминизма причинно обусловлена научно-техническими достижениями, причем

[1] Нечаева Н. Патриархальная и феминистская картины мира: на пути к типологизации // Феминистская теория и практика: Восток–Запад. – СПб., 1996. – С. 153–154.

именно в быту, промышленно развитых стран. В совокупности с ментальными установками европейцев на индивидуальную свободу и возник некий "сплав", получивший название феминистского движения.

Современное женское движение основано на обсуждении повседневных женских проблем, оно дает возможность женщинам "лоббировать" свои интересы и раскрыть собственный потенциал вне враждебного патриархального мира мужчин. Здесь, однако, необходимо подчеркнуть, что эти женские объединения отнюдь не всегда нацелены на некие кардинальные общественные преобразования, хотя и декларируется, что стратегические интересы женского движения имеют сугубо феминистский характер. Лишь в США женское движение и движение феминистское как его стратегическая установка оказались фактически тождественными в контексте наиболее категоричных и радикальных требований американок. Уже к концу пятидесятых годов феминистки в США стали утверждать, что американки задыхаются в своем "комфортабельном концентрационном лагере", которым они назвали семью. Ныне американскому феминизму присуща "воинствующая" нетерпимость ко всему, что, по мнению его сторонников, принижает женщину как личность. В стране наиболее явно реализовался на практике лозунг феминизма шестидесятых: "Если женщина имеет право на половину рая, то она имеет право и на половину власти на Земле!"

Традиционно местом рождения феминизма считается Франция, однако формирование основ феминистской теории и здесь вряд ли было бы возможно без самого женского движения.

Первоначально женское движение отвергало институционализацию научных исследований и резко критиковало университеты как оплоты официальной науки, монополизированной мужчинами. Научный рост и профессиональное совершенствование женщин в традиционных рамках квалифицировались как "предательство интересов феминизма".[1] Это означает, что в данном направлении французское женское движение в семидесятых годах развивалось во многом тем же путем, что и в других странах Европы и США. Французские феминистки боролись против насилия над женщинами, объединялись в группы и стремились трансформировать общественное мнение по поводу женщин и их прав.

Логика феминистского движения в Германии оказалась более реалистичной и прагматичной. В ФРГ к началу восьмидесятых годов было открыто множество образовательных и оздоровительных центров, центров СМИ, гостиниц и пансионатов для женщин, дававших приют и гарантировавших безопасность женщинам и детям, подвергнувшимся угрозам или насилию.

Став одним из наиболее политически значимых социальных явлений в ФРГ в семидесятые–восьмидесятые годы, феминистское движение сумело вовлечь в свои ряды молодых образованных женщин. Его представительницы выступают против всех форм патриархального подавления женщин, против неравного экономического и политического положения, неравенства в браке и семье.

Практический феминизм в Германии в значительной степени проецируется на непосредственное решение экологических проблем, в том числе и методами политической борьбы, провозглашая солидарность женщин друг с другом и с природой.

Защита жизни (в смысле экологического сосуществования всех людей) обозначается здесь в качестве более высокого, нежели наличествующий сегодня, уровня человеческих

[1] Феминизм: перспективы социального знания. – М.: ИНИОН, 1992.

знаний. Политической целью при этом становится преодоление технико-технологической культуры патриархата, в том числе присущего развитым странам "преувеличенного потребления", а также эксплуатации "третьего мира" и природы. Для обоснования модели мужской власти над природой феминистки, в частности, вспоминают, что первой атомной бомбе дали имя "little boy" и делают вывод: мужчины не заботятся о поддержании гармонии жизни, они хотят лишь побеждать природу, врага, женщину... В качестве примера связи патриархата и высоких технологий риторика феминистского движения сегодня активно использует Чернобыль, а феминистская практика активно поощряет борьбу немецких женщин против атомных производств.

Пропагандируя солидарность с другими людьми и с природой, феминизм в Германии таким образом решает одновременно две взаимодополняющие задачи: помощь женщинам при объединении в организации и формирование у них теоретического мировоззрения.

Что же касается британского женского движения, то оно – в отличие от континентальных соседей – вовсе не стремится реализовывать себя в радикализме и ратует за развитие женского начала в культуре преимущественно реформистским путем, который органично вытекает из воздвигнутой британским менталитетом "стены частной жизни" и идеи личной свободы. Так, например, организация Женская сеть Великобритании занимается помощью женщинам-эмигранткам. При активном участии этой структуры в стране начала проводиться политика так называемых "действий поддержки", чтобы добиться введения определенной квоты для женщин при найме на работу и продвижении по служебной лестнице. Как в Великобритании, так и в ФРГ широко распространились так называемые "группы повышения самосознания", в которые женщины объединяются с целью осмысления собственного статуса в семье и обществе.

Так реализует себя феминизм в практике женского движения, но его теоретическая составляющая – явление принципиально иное.

2. Эволюция феминистской теории в Европе

Несмотря на довольно значительное сходство в подходах к феминистской проблематике в трудах европейских ученых, нельзя не обратить внимания на весьма существенные различия в разработке разнообразных идей. Это достаточно контрастно демонстрирует научная практика феминизма во Франции, Великобритании и Германии. Отметим также, что в целом в протестантской (северной) части Европы феминизм получил значительно большее развитие, нежели в ее южной (католической) части.

Становление теоретического феминизма датируется пятидесятыми годами XX столетия, когда сознание интеллектуалов (точнее, интеллектуалок), оправившись от потрясений Второй мировой войны, обратило свой взор на реалии повседневности. Так начинает формироваться идеология борьбы феминизма уже не за юридическое, а за фактическое равенство женщин с мужчинами в современном обществе. Эта новая модель отношений между полами довольно быстро приобрела многочисленных сторонников и ничуть не меньше оппонентов, то есть оказалась весьма востребованной уже в шестидесятые годы на волне формирования теории альтернативной культуры и нового витка леворадикальных движений протеста.

Феминизм как либерально-реформаторского, так и радикального толка начиная с шестидесятых годов XX века достаточно легко вписался в общую логику социального протеста

в плане тотальной критики "патриархальной" культуры всех исторических эпох, сформировавшей подавление женщины как на уровне семьи, так и в обществе в целом, заставляя ее примириться с мужскими приоритетами во власти и собственности, познании и искусстве, морали и даже религии.

Остановимся теперь на национальных особенностях феминизма в некоторых европейских странах. Французская интеллектуальная жизнь повлияла на феминистскую мысль в стране столь значительно, что есть все основания для характеристики данного **феминизма** как **интеллектуального**. Теоретическим фундаментом для французского феминизма как в начале семидесятых годов, так и сегодня выступают философия и психоанализ. Глубоко укорененных традиций психоанализа во Франции не было, но в этот период в стране было достаточно много женщин-психоаналитиков, причем и теоретиков, и клиницистов. Психоанализ при этом уже исходно имел феминистскую "окраску", поскольку его французские представительницы утверждали, что мужчина не может разрешить загадку женщины.

Совершенно иначе обстояло дело с философским фундаментом феминизма. Как известно, пионерская работа по теоретическим вопросам феминизма "Второй пол", ставшая книгой-бестселлером, вышла из-под пера француженки Симоны де Бовуар в 1949 году. Автор фиксирует ту основную идею феминизма, которая позже стала центральной для этого направления: доминирующие социальные, экономические и идеологические структуры патриархата не допускают женщин к материальным и интеллектуальным ресурсам социума. Патриархат заставляет их вечно играть только вторые, неглавные роли. А женский образ представлен исключительно крайностями: женщина – это либо мать, либо гетера, святая или грешница (Дева Мария или Мария Магдалина).

Фигура Симоны де Бовуар показательна еще и в аспекте иллюстрации тесной взаимосвязи французского феминизма и философии: де Бовуар была признанным наряду с Сартром представителем экзистенциализма.

Базисными философскими концепциями для теоретиков французского феминизма стали теоретические построения Жака Деррида и Жака Лакана. Так, Деррида ставит вопрос об исчерпанности ресурсов разума в их классическом использовании философской традицией Запада и разрабатывает тему "первого–второго". Первое может быть "первым" только потому, что за ним следует второе, именно "второе" своим запаздыванием создает возможность "первого". Именно в этом ключе методология французских философов и находит свое воплощение у теоретиков национального феминизма в аспекте рассмотрения женского начала в культуре как второго или другого. Мужское начало при таком подходе безусловно является "первым", но оно было бы невозможно без второго, женского начала. Мужчина реализует свою "сильную" социальную роль исключительно за счет навязывания обществом "слабой" роли женщине.

Именно по причине преобладания абстрактных размышлений французская феминистская мысль уже в семидесятые годы заслужила в мире характеристику теоретизированной, весьма далекой от того, что часто называют "опытом обычной женщины".

Для американского и английского феминизма тексты французских феминисток оказались далекими и непонятными, прежде всего, потому, что они, подобно текстам большинства работ французских представителей гуманитарного знания, погружены в европейскую философскую традицию и психоаналитическую теорию, как правило, не известную англо-американским феминисткам середины семидесятых. И хотя позже ситуация изменилась,

сложившиеся ранее исследовательские ориентиры кардинальным изменениям не подверглись, избежав тем самым прямого влияния на них французского феминизма.

Традицию английского теоретического феминизма в самом общем плане можно характеризовать как **эмпирико-социологическую**, прежде всего, потому, что феминистская мысль в Великобритании реализует себя преимущественно в социологии и таких ее отраслях, как социология труда, образования, семьи и здоровья, а также истории.

Современные британские исследовательницы провозглашают себя сторонниками "феминистского эмпиризма" и акцентируют внимание на проблемах, связанных с практикой противоречивого взаимодействия полов, проводя различные исторические аналогии, в том числе и связанные с практикой классовой борьбы в Европе: "Подобно тому как жизненный опыт пролетариев позволил иными глазами посмотреть на буржуазное общество, опора на жизненный опыт женщин позволяет в истинном свете увидеть общество, где на протяжении веков верховенствуют мужчины".[1] Социология здесь рассматривается как тип "прикладной практической философии повседневности".

Эмпиризм британского феминизма изначально подразумевает неоднозначность опыта как такового. Многочисленные различия в женском опыте (в частности, классовые, расовые, этнические, возрастные, индивидуальные) как раз и исследуются в границах национального феминизма, в том числе и его различных направлений. Два из них, пожалуй, наиболее ярко отражают специфику теоретических феминистских исследований в Англии: это феминистская историческая социология колониализма и так называемый "киберфеминизм", возникновение которого датируется 1985 годом.

"Патриархальное" для британских феминисток всегда означало не только капиталистическое, промышленное, но еще и колониальное. Феминистская историческая социология, в том числе социология колониализма, была важна для создания "пространства" для феминистских исследований и участия женщин в формировании официального знания. Прежде история писалась мужчинами, поэтому женская история – по мнению феминисток, более трагичная – оставалась в тени.

Что же касается киберфеминизма, то он ведет свое начало в Англии от эссе американского автора, доктора биологических наук, профессора Калифорнийского университета Д. Харавей "Манифест киборга" (попутно отметим, что феминизм не является исключением из сформировавшейся во многих науках единой англо-американской традиции).

Феминизм в Великобритании сформировался в системе различных социальных практик, в том числе практики опытно-технической, технологической и инструментальной. Это обстоятельство в значительной степени предопределило органичность появления и укоренения здесь культурной метафоры киборга (как гибрида машины и организма). При этом утверждается, что киборг был сконструирован патриархальной культурой. В нем машинное – от маскулинного, а тело – от феминного и оно подчинено техническому. Так миф о киборге иллюстрирует женское подчинение.

Подобно французскому и английскому феминизму, феминизм Германии также не избежал доминирующего влияния национальной духовной культуры, причем, прежде всего, ее естественнонаучной составляющей.

---

[1] Holmwood J. Feminism and epistemology: What kind of successor science? // Sociology. – L., 1995. – Vol. 29, N 3. – P. 418.

К XX веку европейская наука была достаточно многомерной и представляла собой единство теоретических и лабораторных исследований. Опытная наука брала свое начало в эпохе Нового времени, теоретические приоритеты, напротив, детище века двадцатого. И если флагманом опытного познания в Европе традиционно являлась британская наука, то зенит теоретической научной славы по праву принадлежал Германии. Базовые основания мировой науки XX века – квантовая механика М. Планка и теория относительности А. Эйнштейна – родились именно в Германии.

Взращенный в таком культурном климате немецкий теоретический феминизм сформировался преимущественно в качестве **феминизма экологического (экофеминизма)**. Он базируется на рассмотрении таких противоположностей современного общества, как естественное-искусственное (техническое, властное, политическое), а также природное-культурное. Обсуждая основное для любого феминистского исследования противопоставление матриархата и патриархата, последний рассматривается как господствующая общественная сила, направленная на овладение природой, капиталом, властью, чужими народами и территориями, как воинствующая цивилизация, от "ига" которой прежде всего страдают женщины. Причем исследование феминного начала исходно происходит здесь не в традиционном ("второй пол") измерении, а погружено прежде всего в мир культуры ("вторая культура" как подавляемая патриархатом и одновременно перспективная форма социального устройства, в которой отсутствуют условия для господства, в том числе и господства над природой). Отношение к природе в такой культуре не должно быть отношением эксплуатации.

Патриархат, следуя логике немецкого феминизма, организует войну против природы и против женщины. Функцию господства патриархат реализует через посредство техники и технологии, в конечном счете патриархат движется к воплощению технологического идеала прогресса. Патриархальная роль мужчины – это роль Одиссея, воина, исследователя. Техника вытесняет женщину из власти и процесса принятия решений, базируясь на том, что мужчина имеет превосходство опыта (в плане деятельности вне дома). Так, с точки зрения германских феминистских теоретиков, воплощает себя древняя мечта мужчин создавать жизнь без женщин, которые должны исполнять только подчиненную роль.

Немецкая феминистская традиция вскрывает рационально-культурные "коды" патриархата, утверждая, что "всеми философами Запада и Востока всегда искалась надежность "по ту сторону" естественного мира жизни: в господстве идей или в нирване. Мужчина, – как утверждает теоретик феминизма Х. Гутнер – Абендрот, – идентифицирует себя с далями, с трансцендентным. Мир духа сулит новые надежды, в том числе бессмертие духа, которого матриархат никогда не обещал".[1] Такая трактовка патриархата для Германии, с ее традициями рациональной "апологии духа", выглядит весьма органично. Женский эмоциональный опыт, таинственная власть женщины над жизнью не соответствуют идеалу мужской рациональности и заставляют мужское сознание восставать против непредвиденности природы, которую олицетворяет женское начало.

Патриархат с позиций немецкой феминистской идеологии – это вытесненные страхи и разочарования. Такой подход наглядно иллюстрирует, что общая познавательная схема феминистских теоретиков, укорененная в философии и психоанализе, остается для немецких авторов столь же незыблемой, как и для их европейских коллег в других странах. Необхо-

[1] Herren-Los: Herrschaft, Erkenntnis, Lebensform. – Frankfurt a. M. etc.: Lang, 1996.–S. 73.

димость глобализации современных феминистских разработок ныне здесь объясняется еще и тем, что сегодня патриархат концентрируется прежде всего в государстве и в том числе в стратегиях интернационализации технологий, науки и капиталов.

Изложив содержание основных межстрановых различий в направлениях европейской феминистской мысли, нельзя не отметить, что все они пытаются теоретически моделировать процесс большей востребованности женского начала в культуре.

Теоретики феминизма повсеместно искали некое понятие пола, противостоящее полу биологическому, и к концу семидесятых годов нашли его во втором значении английского слова gender, которое употребляется и как род (в грамматике), и как пол. Так гендер стал в феминизме основным понятием, обозначающим социальный пол. С точки зрения гендерной теории феминизма причина общественного неравенства полов лежит не в биологических различиях между ними, а в предписываемых социальных ролях. О результатах такого распределения ролей прекрасно сказала в книге "Диалектика пола" ведущий теоретик американского радикального феминизма семидесятых годов Суламифь Файерстоун: "Если природа сделала женщину отличной от мужчины, то общество сделало ее отличной от человека".

Ныне гендерная интерпретация феминизма повсеместно завоевала "права гражданства" не только в научном знании, но и в идеологии современного высшего образования на Западе, примером чего служит крупномасштабное проникновение уже в восьмидесятые годы курсов women's studies в учебные университетские программы.

Однако в целом теоретическая влиятельность феминизма в восьмидесятые годы несколько снизилась, а последнее десятилетие XX века лишь упрочило данную тенденцию. Этот феномен легко поддается объяснению. Феминистский взгляд на проблемы социума в координатах социального неравенства полов многое объяснил достаточно достоверно, но оказался не в силах – по крайней мере в ушедшем XX веке – полностью изменить те объективные предпосылки, которые сформировали мужскую доминанту в культуре. И именно поэтому "пик" теоретических феминистских построений оказался преодоленным в момент оглашения им своего "обвинительного приговора" обществу: "В образовании и занятости женщины никогда не будут иметь равные с мужчинами шансы до тех пор, пока не изменится распределение обязанностей в семье, не изменится сама семья".[1]

К заслугам феминизма как научного направления, безусловно, следует отнести то обстоятельство, что буквально за несколько десятилетий он не только сформировался в качестве самостоятельной сферы исследований и области теоретических знаний, но еще и стал демонстрировать в процессе своей эволюции все те тенденции, которые характеризуют современную науку. К таким тенденциям, характеризующим современный феминизм, следует отнести: междисциплинарность, интернациональный характер развития, экологизацию и прагматизацию научного поиска. Последний параметр проявляет себя в феминизме конца века, прежде всего, в аспекте некоторого сближения теоретического ("академического") феминизма с практикой женского движения. Хотя, разумеется, тождества между ними никогда не возникнет, поскольку не существует тождества между наукой и повседневной жизнью, абстрактной теорией и здравым смыслом.

---

[1] Haley-Oliphant A.E. International perspectives on the status and role of women in science //Women in science: A.rep. from the field. – Philadelphia; L., 1985. – P. 187.

3. Феминистские итоги века

Неоспоримым достижением феминизма в индустриально развитых странах следует считать его быстрое – фактически в течение трех десятилетий – превращение из обычной области теоретического знания в специфическое мировоззрение. Разумеется, столь мощным познавательным "взлетом" феминизм прежде всего обязан стоящей у его истоков философии. Ныне, однако, очевидно, что стартовые философские предпосылки были многократно преобразованы феминизмом. Об этом, в частности, говорит тот факт, что именно феминистское (хотя и в варианте "бытовой" повседневности), а отнюдь не философское миропонимание было воспринято в последней четверти XX века западным массовым обществом.

Так, например, есть все основания говорить о феминизме на государственном уровне в Скандинавии. Там совсем не редкость увидеть на лекции мужчину с грудным ребенком, а университетские профессора утверждают, что молодые отцы, в ущерб учебе, слишком много времени проводят со своими детьми. В аспекте реализации феминистских идей на практике не менее впечатляющи американские примеры профессионального и семейного партнерства в "гендерных" координатах. Здесь кардинально меняются представления о традиционных мужских и женских ролях и жизненных стратегиях, а женщине предоставляется все больше условий для сознательного выбора индивидуальных приоритетов. Общество постепенно "сживается" с мыслью о том, что мужчины и женщины равны и свободны: социальные (гендерные) роли разделяют людей не с целью господства, а для равноправного партнерства. Одним из самых поразительных примеров влияния феминизма на социальную и духовную сферу жизни общества является решение, например, англиканской церкви о допущении противоположного пола к активной роли в духовной сфере: на территории Великобритании уже довольно много женщин – священнослужителей.

Само появление феминистской теории было порождено практикой, а не внутренней логикой развития научного знания. Ныне феминистская теория становится в определенной степени востребованной реальной жизнью. Разумеется, научная теория проникает в повседневный опыт уже в "препарированном" социумом виде, и здесь феминистская теория не может стать исключением, несмотря на все призывы представителей феминистской мысли к пониманию исследований как части практической борьбы и к деятельности по формированию массового женского сознания в форме феминистского мировоззрения.

Теоретико-феминистский проект освобождения от патриархальной доминанты так и остался бы только проектом, если бы он противостоял объективной логике развития общества в третьем тысячелетии. Однако ныне общая логика прогресса цивилизации развивается в унисон с феминистским мировоззрением: социум создает все больше условий для освобождения женщины от рутины домашних обязанностей и создания для нее реальных предпосылок свободного выбора жизненного стиля. Массовое сознание в этой ситуации, развиваясь по законам собственной внутренней логики, напротив, принимает происходящие изменения с запаздыванием. Собственно, как раз против этого и протестует как феминистское движение (практика), так и феминистская теория (феминистская мысль).

И практической, и теоретической ветвям феминизма оказались присущи некоторые крайности, особенно ярко проявившие себя в реалиях феминистского движения в США и академическом радикализме французских теоретиков. Все это, однако, на наш взгляд, не более чем "издержки роста", которые уже не могут заслонить главного: феминизм заставил общество прислушаться к себе, и, видимо, в будущем его реформистская (но уже не ради-

кальная) ветвь войдет органичной частью в стратегию и тактику мирового постиндустриального сообщества в XXI столетии, воспевая не борьбу, а реальное равенство и сотрудничество мужчины и женщины.

Судебная практика в США также показала реальное влияние феминизма на создание граждан и законодателей. Возросло количество исков по причине "сексуальных домогательств" на гражданской службе, в армии и дома. В их числе есть и обращения от мужчин–подчиненных.

Что же касается России, то гендерные отношения здесь по-прежнему патриархальны, столь же неизменны и художественные образы отношений полов, воспеваемые отечественной художественной традицией. Здесь женская роль – это идеал жертвенности во имя мужа и семьи (Татьяна Ларина и Наташа Ростова), а мужской образ современника воплощает герой фильма "Москва слезам не верит" с его безапелляционным: "Запомни, все решения в доме буду принимать я на том простом основании, что я – мужчина". Напротив в промышленно развитых странах запада независимая и стремящаяся к карьерному росту женщина давно уже не вызывает в обществе реакции неодобрения. Изменится ли что-то в ближайшей перспективе? С уверенностью можно прогнозировать лишь одно: большую информированность российского общества в феминистских проблемах. Именно с этой целью и написана эта статья.

Марина УСИЕВИЧ

ВЕНГРИЯ: ДЕСЯТИЛЕТИЕ РЕФОРМ

В мае 1990 года в Венгрии состоялись первые свободные выборы в парламент, в результате которых власть в стране перешла от бывшей правящей Венгерской социалистической партии (ВСП) к правоконсервативному блоку во главе с находившейся в оппозиции партией Венгерский демократический форум (ВДФ). Лидер ВДФ Й. Анталл и возглавил коалиционное правительство, куда кроме ВДФ вошли Независимая партия мелких хозяев (НПМХ) и народная партия христианских демократов (НПХД).

Выборы 1990 года в Венгрии и их результаты привели не только к смене правительства, но и к смене в стране самóй политической системы. Начался процесс системной трансформации в политической и экономической областях, а также в сфере внешних связей.

* * *

Характерно, что процесс смены системы в Венгрии существенно отличался от подобных процессов, происходивших в других странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), и в первую очередь благодаря благоприятной почве, подготовленной в ходе реформ в рамках прежней венгерской системы.

Социалистический режим в Венгрии еще до начала системной трансформации отличался от режимов других стран ЦВЕ тем, что он был наиболее демократическим, склонным на первом этапе к экономическим, а в конце 80-х годов и к политическим реформам. Не случайно опросы венгерского населения, проведенные в 1999 году, показали, что две трети его с ностальгией вспоминают эпоху Я. Кадара, считая, что тогда им жилось лучше и они могли с большей эффективностью использовать свои возможности.

Выделившаяся в 1989 году из Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП) Венгерская социалистическая партия (ВСП), объединившая в своих рядах социал-демократические, реформаторские силы, приняла Программное заявление,

в котором в качестве цели провозгласила построение демократического социализма с социально ориентированным рыночным хозяйством, многопартийной системой, равноправием различных форм собственности. Тем самым ВСП по существу создала условия для перехода к новой социал-демократической модели развития. Благодаря

Усиевич Марина Александровна, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра восточноевропейских исследований ИМЭПИ РАН.

© 2000

более чем двадцатилетнему периоду экономических реформ, начавшихся в 1968 году и заложивших определенные основы рыночного хозяйства в рамках прежней системы, у этой модели в Венгрии был шанс для претворения ее в жизнь. Однако бурный ход событий в регионе ЦВЕ в целом, а также в Советском Союзе, к сожалению, исключил эту возможность – маятник истории во всем регионе так резко качнулся вправо, что развитие Венгрии проскочило социал-демократический этап. В результате первые свободные выборы в стране весной 1990 года прошли под знаком агрессивной антикоммунистической пропаганды как со стороны партий правоконсервативного, националистического направления, так и со стороны либерального крыла. Бывшая правящая партия была вынуждена оставить власть, признав свое поражение на выборах. При этом следует подчеркнуть, что смена системы прошла мирным парламентским путем, без эксцессов, выплеска волнений на улицу.

После прихода к власти правонациональных, консервативных сил в стране стала насаждаться идеология ценностей хортистской Венгрии, господствовавшая до 1945 года. Из идеологических соображений был осуществлен развал кооперативной организации сельскохозяйственного производства, вследствие чего процветавшее венгерское сельское хозяйство, находившееся на одном из первых мест в мире по производству продукции на душу населения, впало в кризис. Очернялся весь прошлый период развития страны. В экономике произошел значительный спад производства. С 1993 года снова стали возрастать несбалансированность внутреннего и внешнего экономического развития, дефицит бюджета, внешнеторгового и платежного балансов, внешняя задолженность страны. Падал жизненный уровень населения. Все это вызывало недовольство и разочарование масс результатами свободных выборов.

Вместе с тем справедливости ради надо отметить, что в то время происходило интенсивное продолжение создания правовых основ рыночного хозяйства, начавшееся еще до смены системы в конце 80-х годов, активно шла приватизация госимущества, утверждались многопартийность и демократическая политическая система власти.

Однако общий баланс деятельности сложился тогда не в пользу находившегося у власти в 1990–1994 годах правительства. В результате недовольства общества

на следующих выборах, весной 1994 года, с огромным перевесом голосов победила Венгерская социалистическая партия во главе со своим лидером Д. Хорном, который и сформировал новое правительство но основе коалиции ВСП и либеральной партии Союза свободных демократов (ССД). Это правительство, по существу, вывело страну из кризиса. Добившись к 1997 году стабилизации и перейдя к политике экономического роста, оно завершило этап массированной приватизации при активном участии иностранного капитала. Уже в 1996–1998 годах произошло улучшение внешней и внутренней сбалансированности, сократились внешняя задолженность и вообще государственный долг. В 1997 и 1998 годах начался заметный рост жизненного уровня. Однако в борьбе за стабилизацию правительство Хорна в 1995 году вынуждено было принять в числе прочих и ряд непопулярных мер по сдерживанию доходов населения, чего ему не забыли. Таким образом, ВСП в качестве правящей партии укрепила положение страны и вывела ее из кризиса, хотя при этом как политическая партия она утратила свой имидж защитницы социальных приоритетов и интересов народа. ВСП поплатилась за это на выборах 1998 года, когда правые оппозиционные партии выступили против нее с левых популистских позиций.

Против ВСП и ее союзника по коалиции ССД объединилась вся оппозиция. Сама же ВСП была настолько уверена в своей победе, что даже не считала нужным вести активную предвыборную кампанию и неожиданно для всех и самой себя потерпела поражение. Точнее говоря, не ВСП проиграла выборы – она получила больше голосов, чем любая другая партия, а их выиграла объединенная оппозиция во главе с партией ФИДЕС – Союз молодых демократов, взявшей в 1995 году новое название – Венгерская гражданская партия (ВГП). ФИДЕС вступил в коалицию с НПМХ и ВДФ и создал на этой основе новое, третье после смены системы правительство.

Надо сказать, что с весны 1999 года рейтинг ВСП и ее ведущих политиков снова начал расти. У всех трех сменявших друг друга на протяжении последних десяти лет правительств, несмотря на их различную политическую окраску и взаимную критику, есть определенная преемственность в проведении практической политики по важнейшим направлениям трансформации – созданию правового государства, переходу к рыночной экономике, основанной на частной собственности, переориентации внешнеполитических и внешнеэкономических связей на Запад под лозунгом «Назад в Европу!». На всех этих направлениях за минувшее десятилетие произошло значительное развитие.

Во внутриполитической области в ходе этой трансформации сложилась новая система политической власти – парламентская республика во главе с президентом. Глава государства – президент избирается парламентом на 5 лет с правом переизбрания еще на один срок. В существующей политической системе должность президента страны по сути носит номинальный характер: он правит, но не управляет. Правда, у него есть такое важное право, как право однократного наложения вето в случае его несогласия с предлагаемым законом.

Важнейшей чертой венгерского парламентаризма является то, что доминирующая роль в системе исполнительной власти принадлежит премьер-министру. Премьер-министром становится лидер победившей партии, которого избирает парламент по представлению президента одновременно принятием программы правительства. Министров, по представлению их премьер-министром, назначает прези-

дент. Накануне выборов 1990 года в конституцию был внесен ряд поправок, в том числе и о принципе конструктивного вотума недоверия. Во-первых, вотум недоверия может быть направлен только в отношении премьер-министра, а не кого-то из министров. Во-вторых, одновременно с постановкой вопроса о вотуме недоверия, должна быть указана новая кандидатура на пост премьер-министра. Таким образом, была обеспечена определенная стабильность правительства, но практически стал крайне затруднителен отзыв премьера в период между выборами.

Высшей орган государственной власти – Государственное собрание избирается каждые 4 года и представляет собой однопалатный парламент, в который входят 386 депутатов. В Венгрии действует смешанная избирательная система: 176 депутатов выбираются в индивидуальных избирательных округах, 152 депутата – по территориальным спискам, включая Будапешт, а 58 депутатов получают мандат в соответствии с долей голосов, отданных по венгерским партийным спискам. От результатов выборов зависят и выборы президента и выборы правительства.

Важный вывод, который следует из опыта трех выборов в Венгрии: в стране отработан и оправдал себя политический механизм смены власти и даже смены системы парламентским, мирным путем, без крови и насилия. В этом большая заслуга режима, существовавшего в Венгрии до 1990 года, и тех социалистов-реформаторов, которые начали процесс реформ еще до смены политической системы. Новая политическая система, основанная на сбалансированности ветвей власти, довольно устойчива, а оппозиция ведет себя в основном конструктивно и цивилизованно.

Второй важный вывод, который следует из опыта посткоммунистической Венгрии, касается положения и политики социалистической партии в условиях перехода к рыночному хозяйству. Когда на выборах в ряде стран Восточной Европы, в том числе и в Венгрии, победили социалисты, в мировой прессе стали говорить о «левом повороте» в ходе системной трансформации. Однако анализ деятельности венгерского правительства Д. Хорна (с лета 1994 года до лета 1998 года), в котором преобладали социалисты, говорит о том, что и программу этого правительства, и практику ее осуществления трудно назвать социал-демократическими в традиционном представлении. В этом смысле под «левым поворотом» можно понимать только изменение настроений масс. Разочаровавшись в политике предыдущего правительства, они проголосовали за партию, называвшую себя социалистической. На деле же в деятельности правительства не изменилась направленность преобразований, продолжались, даже еще более решительно, приватизация, создание рыночной экономики, основанной на частной собственности, образование нового класса предпринимателей, радикальная переориентация внешних связей на Запад и интеграция в евроатлантические структуры – НАТО и ЕС. В эти годы не просматривалось ни усиления регулирующей роли государства, ни государственной промышленной политики. Происходило сужение сферы социальной защиты населения, увеличение участия иностранного капитала, предпринимались практические шаги по вступлению в НАТО и ЕС. (Формально вступление в НАТО произошло уже весной 2000 года при правительстве В. Орбана.)

Таким образом, можно сказать, что продолжалась политика прежнего правительства, направленная на завершение процесса смены бывшей социалистической системы в области экономики. Политика правительства Д. Хорна лишь привнесла в политику своих предшественников некоторые дополнительные элементы, причем

скорее либерального, чем социал-демократического характера. Однако в проведении экономической политики, стабилизации и выводе страны из кризиса правительство Д. Хорна добилось больших результатов.

* * *

Обычно в экономической литературе венгерский опыт последнего десятилетия трактуется как пример градуалистской, постепенной трансформации в области экономики в отличие от некоторых других стран региона, где подобный процесс протекал с использованием радикальных мер, получивших название шоковых. Однако надо иметь в виду, что постепенность трансформации в Венгрии в 90-е годы стала возможна лишь потому, что начиная с 1968 года эта страна прошла длительный путь довольно радикального для своего времени реформирования, в результате которого административно-командная система управления экономикой была заменена системой экономического регулирования, то есть управления посредством экономических рычагов, или, как их называли в Венгрии, экономических регуляторов: цен, прибыли, заработной платы, отчислений в госбюджет и т. д. Реформа 1968 года вынужденно носила ограниченный характер и, прежде всего, из-за враждебного отношения к ней со стороны соседних государств, особенно Советского Союза. Кроме того, в Венгрии тогда не все понимали, а если и понимали, то вслух не говорили о том, что последовательная экономическая реформа не может быть осуществлена без определенных политических преобразований. Тем не менее венгерская реформа имела историческое значение, так как продемонстрировала всему миру и, прежде всего, соседним странам, что экономикой можно успешно управлять и экономическими методами. Эта реформа создала благоприятную почву для последующего постепенного перехода к рыночной трансформации.

Особенно ускорились меры по созданию инфраструктуры рыночного хозяйства в 80-е годы. Так, уже в начале 80-х годов в Венгрии появляется целая гамма форм мелкого предпринимательства, было положено начало образованию рынка ценных бумаг (1983), осуществлена реформа банковской системы и организована сеть коммерческих банков (1987). А в 1988 году в стране проводится налоговая реформа по западному образцу, направленная на упрощение системы налогообложения, перемещения части налогового бремени из сферы производства в сферу обращения путем взимания налога с добавленной стоимости и введения единого принципа регулирования всех доходов населения. Венгрия первой из стран Центральной и Восточной Европы приняла в 1989 году закон о хозяйственных обществах, который в 1990 году был дополнен законом о преобразовании предприятий в различные хозяйственные ассоциации и законом об иностранных инвестициях. Эти законы положили начало преобразованию отношений собственности и привлечению иностранного капитала.

Хотя смена политической системы в Венгрии произошла весной 1990 года, основные цели рыночной трансформации были сформулированы раньше, в рамках прежней системы. В частности, в 1989 году последнее социалистическое правительство во главе с М. Неметом, которое в то время получило в Венгрии и на Западе название правительства экспертов, предложило парламенту свою программу выхода из кризиса. В ней были отражены не только официальные взгляды ВСП, но

и подходы оппозиционных партий, а по сути четко определены следующие основные задачи для перехода к новой системе:

1. Активная либерализация механизмов регулирования импорта, цен и заработной платы, резкое сужение государственного вмешательства в хозяйственную сферу.
2. Поощрение частного предпринимательства, широкая приватизация государственной собственности.
3. Развитие и укрепление институтов рынка (биржи, коммерческих банков, ценных бумаг, антимонопольных мер и т. п.).
4. Решительное сокращение государственных расходов, восстановление сбалансированности госбюджета, в первую очередь за счет практически полной ликвидации дотаций нерентабельным предприятиям и к розничным ценам.
5. Радикальная перестройка внешнеэкономических связей страны в интересах постепенного подключения к интеграционным процессам в Западной Европе. Привлечение в экономику иностранного капитала.

Как мы видим, в программе правительства М. Немета, равно как и в упоминавшемся выше Программном заявлении ВСП, фактически был изложен план дальнейших экономических преобразований. И хотя это правительство вынуждено было в результате парламентских выборов 1990 года уйти в отставку, в основном его главные цели воплощались в жизнь на протяжении 90-х годов.

В первые годы создания новой системы (1990−1992) происходила интенсивная законотворческая деятельность по формированию институциональной и правовой базы рыночного хозяйства.

В 1990 году был принят закон об установлении цен, который ограничил до необходимого минимума сферу государственного воздействия на цены. В 1991 году вступили в действие закон о недобросовестном поведении на рынке, направленный против монополизма продавца-производителя (Закон о конкуренции), а также законы об эмиссионном банке и о финансовых институтах.

В январе 1990 года был принят закон об открытом выпуске и обращении ценных бумаг, а также о фондовой бирже. Следует отметить, что в настоящее время Будапештская фондовая биржа по показателю своей капитализации находится на уровне ряда развитых стран.

В 1991 году был также принят закон о банкротстве, вступивший в силу с 1 января 1992 года. В отличие от ряда восточноевропейских стран, пытавшихся сдержать рост неплатежей путем санации, выделения льготных кредитов и пр., в Венгрии приняли весьма жесткий закон о процедуре банкротства, ликвидации хозяйственных организаций и окончательном расчете. Вместе с уже упоминавшимся законом о финансовых институтах и законом об отчетности они означали для предприятий систему жесткого принуждения к рыночным условиям или прекращения их существования. Оказав на первых порах шоковое воздействие на предпринимательскую сферу и усилив влияние трансформационного спада, в дальнейшем действие закона о банкротстве привело в целом к улучшению финансового положения предприятий и решению проблемы неплатежей.

В эти же годы был принят ряд законов о приватизации: в 1990 году Закон о Государственном имущественном агентстве (ГИА) и об управлении относящимся к нему имуществом, Закон о малой «предварительной приватизации». В 1992 году вводится ряд дополнительных законов о приватизации, укрепивших ее централизо-

ванный характер, Закон о принудительной акционеризации. (Единый закон о приватизации, разработка и принятие которого планировались на 1991 год, был принят только в 1995-ом.)

Таким образом, в 1990−1992 годах были созданы правовое поле и институциональная система, в рамках и на основе которых происходило становление рыночного хозяйства. Это явилось очень важным этапом, определившим правила игры в ходе развития трансформационного процесса. Многие венгерские экономисты в начале 90-х годов подчеркивали, что, несмотря на большую продвинутость Венгрии к рынку (по сравнению с другими странами региона), ее переход к рыночному хозяйству не может быть осуществлен путем «большого скачка», потому что это процесс, для которого должны быть подготовлены все необходимые экономические и институциональные предпосылки. Интересно, что тогда этот вывод настойчиво подчеркивался и представителями западного мира, напуганными разрушительными последствиями чрезмерно радикальных мер, осуществленных в ряде стран Центральной и Восточной Европы и России, грозящими, как им тогда казалось, социальными катаклизмами. В частности, Ж. Аттали, являвшийся в то время президентом ЕБРР, в марте 1992 года заявил: «Надо заставить понять восточноевропейские страны, что реформы не могут быть осуществлены с одного дня на другой. Сначала надо создать необходимую институциональную систему, что и делалось в Венгрии с 1968 года».

В те же годы была проведена либерализация импорта (к 1990году около 90%), цен (было либерализовано 92%) и заработной платы (в 1992году было отменено государственное регулирование заработной платы). Интересно, что либерализация цен не вызвала в Венгрии столь разрушительной инфляции, как в других странах региона. Пик инфляции пришелся на 1991 год, когда темпы роста розничных цен составили 35%, затем они последовательно снижались (за исключением всплеска в 1995 году) и составили в 1998 году 14,3%, а в 1999 году – 10%. Причем значительный рост инфляции в 1990–1991годах был вызван в большей степени отменой государственных дотаций к розничным ценам, предусматренной еще программой 1989 года. Управляемостью инфляции Венгрия по большому счету также обязана предварительному периоду реформ.

За рассматриваемый период по существу была завершена приватизация. Она началась еще до смены системы, а пик ее пришелся на 1995–1997годы. Характерно, что в Венгрии осуществлялась преимущественно платная приватизация в отличие от ваучерной (в России) или купонной (в Чехии). Процесс этот протекал довольно быстро и к середине 1994 года степень приватизации составила около 50%, причем доля национальной частной собственности достигла 25–30%, иностранной – 15–20%. В том же году приватизационный процесс замедлился, поскольку в руках у государства оставались в основном предприятия недоступных для отечественных предпринимателей ключевых отраслей венгерской экономики (энергетика, металлургия, тяжелая химия, монополия в области транспорта) и крупные банки. Дальнейшее проведение приватизации требовало принятия серьезных политических шагов. Пришедшее к власти летом 1994 года социал-либеральное правительство во главе с социалистами взяло курс на ускоренную приватизацию при активном участии иностранного капитала, но с сохранением льгот для отечественного менеджмента и работников. Ставилась цель, чтобы иностранные инвесторы, как правило, транснациональные компании, вкладывали дополнительные средства в при-

ватизируемые предприятия и банки. Законом о приватизации, принятым в мае 1995 года, определялись задачи, условия и механизм приватизации. Начался процесс приватизации энергетического комплекса, телекоммуникационного концерна и крупнейших коммерческих банков. Доходы от этой приватизации стали важнейшим источником пополнения государственных доходов, направляемых на решение важнейших народнохозяйственных задач. Так, только за один рекордный в истории венгерской приватизации год государство получило около 4,5 млрд. долл., которые пошли на сокращение внешнего долга, удавкой висевшего на экономике страны.

В 1997 году массовая приватизация в основном была завершена. Из двух тысяч достаточно значительных предприятий, находившихся на балансе государства, в его собственности на конец 1998 года осталось лишь 218. В результате государство получило от продажи около 11 млрд. долл. Полностью были приватизированы такие отрасли, как фармацевтическая, химическая, табачная, предприятия по транспортировке нефти и газа, розничная торговля, пищевая промышленность. Доля частного сектора в производстве ВВП приблизилась к 80%. При этом в Венгрии (даже по европейским масштабам) очень велика доля иностранного капитала: около 60% – в обрабатывающей промышленности, примерно до 1/3 – в энергетическом секторе и более 60% капитала в банковском секторе.

Многие оппоненты такого курса венгерской приватизации высказывали опасения, что продажа стратегически важного имущества в руки иностранного капитала, в том числе и зарубежных производственных компаний, может поставить под угрозу национальную экономическую безопасность. Однако венгерское руководство считает, что правовое регулирование, зафиксированное в законе, дает возможность защиты государственных интересов. К тому же в условиях этой страны, где до 80% энергоресурсов обеспечивается за счет импорта, и без приватизации существует высокая степень зависимости от внешнего рынка. Кроме того, как считают в Венгрии, такое участие западного капитала в промышленности и в банках создает благоприятные условия для ее тесной интеграции с западноевропейскими структурами накануне вступления в Европейский Союз (ЕС).

Изменения, происшедшие в структуре собственности в 1993–1995 годах, обусловили необходимость дальнейшего развития законотворческой деятельности применительно к новым условиям. В 1996–1997годах был принят ряд новых законов в банковской сфере, в области рынка ценных бумаг, финансов, учитывающих изменения в экономике и подготовку к вступлению Венгрии в ЕС, гармонизирующих ее правовые нормы с нормами европейских стран.

С 1 января 1996 года вступил в силу новый закон о валюте, разработка и принятие которого было одним из условий приема Венгрии в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Этот закон создал возможность для признания национальной денежной единицы – форинта конвертируемой валютой и стал важным шагом к достижению его полной конвертируемости. Стоит отметить, что при высокой степени либерализации валютного хозяйствования, в Венгрии вплоть до 1995 года предприятия полностью сдавали в банк свою валютную выручку, беспрепятственно получая оттуда валюту под соответствующие документы для оплаты импорта; до 1998 года было запрещено открывать счета за рубежом, вкладывать на них средства. Благодаря этим мерам, жесткому таможенному контролю и благоприятному инвестиционному климату внутри страны, экономической и политической стабильности, в Венгрии не было проблемы утечки капитала за рубеж. Напротив,

приток прямых иностранных инвестиций в страну за 1990–1999 годы составил около 23 млрд. долл., значительно превысив его объем на душу населения в других странах региона.

Итак, за десять лет а Венгрии произошли необратимые изменения в структуре ее экономики, вставшей на путь рыночного развития. Поэтому в начале статьи и было сказано, что трактовка венгерского опыта трансформации как градуалистского весьма условна: за указанный период в стране по существу произошла коренная перестройка социально-экономической и политической системы. Премьер-министр нынешнего правительства В. Орбан заявил, что в 1999 году в Венгрии завершился этап трансформации. Ставший с 1 января 2000 года министром экономики Венгрии Д. Матолчи также считает, что в 1999 году в стране успешно завершился переход к рыночной экономике. Значение этих преобразований высоко оценивается и иностранными специалистами. Так, Т.У. Донахью, президент торговой палаты США, во время визита в сентябре 1999 года в Венгрию отметил: «Многие за границей оценивают как чудо, что в Венгрии всего лишь за десять лет удалось преобразовать управляемую социалистическую экономику в рыночное хозяйство».

При всем значении необратимых и позитивных перемен в социально-экономическом развитии этой страны, признавая также, что в области рыночных реформ Венгрия оказалась впереди других государств региона ЦВЕ, думается все же, что венгерский процесс трансформации завершен пока не полностью. Стране предстоит еще решение ряда серьезных задач по превращению ее хозяйства в экономику развитой, современной страны с рыночным хозяйством.

* * *

Процессы трансформации политической и социально-экономической системы в Венгрии тесно переплелись с перестройкой ее внешних связей. Как уже упоминалось, о необходимости такой перестройки говорилось еще в Программе М. Немета в 1989 году. Оппозиционные партии в своих программах провозглашали тогда лозунг «Назад в Европу!».

В области внешней политики в 1990–1999 годах неизменно присутствовали три основных приоритета: интеграция в евроатлантические структуры, отношения с сопредельными странами, защита прав проживающих в этих странах венгров. Первостепенное же значение среди этих трех приоритетов принадлежало интеграции, чему и были подчинены основные усилия во внешней политике. С октября 1990 года Венгрия первой из стран ЦВЕ становится полноправным членом Совета Европы, с 1996 года – Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).

В 1994 году венгерский парламент уполномочил правительство подать в Европейский Союз заявление о приеме Венгрии в полноправные члены этой организации; в том же году она становится ассоциированным членом Союза. В декабре 1997 года Европейский Совет начал переговоры о присоединении шести стран, в том числе Венгрии, к ЕС. Правда, дата их окончательного вступления в ЕС постоянно откладывается его руководством в силу внутренних трудностей, переживаемых Евросоюзом.

Интересно, что еще до смены системы, весной 1990 года, лидер социалистов Д. Хорн заявил о возможности вступления Венгрии в НАТО, в то время как глава правоконсервативного блока Й. Анталл счел тогда такое заявление несерьезным и авантюристическим. Однако уже в 1991 году венгерское правительство во главе с тем же Анталлом пересмотрело свой подход к этой проблеме, и с тех пор вопрос о вступлении в НАТО поддерживался всеми тремя правительствами. Венгрия – единственная страна ЦВЕ, где по вопросу вступления в НАТО был проведен референдум – большинство населения высказалось «за». Уже с 1995–1996 годов наблюдалось тесное взаимодействие Венгрии с НАТО, а 12 марта 1999 года она и формально вступила в альянс. Сразу же после этого Венгрия была вовлечена в косовский конфликт и ей пришлось исполнять и такие союзнические обязанности, которых она, возможно, предпочла бы избежать: предоставление в распоряжение НАТО военных аэродромов, используемых для нанесения бомбовых ударов по Югославии, в том числе и по областям с венгерским населением, отправка в Косово венгерского военного контингента. Так, едва успев вступить в НАТО, Венгрия незамедлительно проявила преданность новым союзническим обязательствам, что, несомненно, нанесло ущерб ее отношениям с Россией.

Если вступление в НАТО свидетельствует о военно-политической переориентации, то постепенный процесс подготовки к вступлению в ЕС означает создание и укрепление материальной основы такой переориентации, радикальное изменение системы внешнеэкономических связей страны.

В 1990-е годы, когда было заключено соглашение об ассоциации с ЕС, наиболее динамично расширялся товарооборот со странами-членами ЕС, вследствие чего неизменно росла доля этих стран во внешнеторговом товарообороте Венгрии. Одновременно падал удельный вес стран СНГ, включая Россию. Если в 1989 году – перед сменой системы – доля социалистических стран составляла в экспорте Венгрии 44% (в 70–80-е годы она была более 50%), развитых капиталистических стран – 49%(против 40%), в том числе стран ЕС – 27%, то в 1999 году картина кардинально изменилась: доля развитых стран увеличилась уже до 84%, в том числе стран ЕС – до 76%, доля же бывших соцстран (без бывшего СССР) сократилась до 7,2%, а стран СНГ – до 2,4%.

После смены прежней политической системы в Венгрии, развала СЭВ и распада Советского Союза наступило обвальное сокращение торговли Венгрии с бывшими странами СЭВ и СССР. Только с 1989 по 1991 год объем торговли с СССР упал в 2,5 раза, в результате чего его доля в товарообороте Венгрии сократилась до 12%. Учитывая, что на советский рынок была раньше ориентирована значительная часть венгерского производства и что на протяжении десятилетий мощности венгерского машиностроения и легкой промышленности развивались в первую очередь в расчете на потребности СССР, такое сокращение явилось одной из существенных причин трансформационного спада венгерской экономики. Однако Венгрии, в отличие от ряда других стран ЦВЕ, в течение сравнительно короткого времени и относительно безболезненно удалось перестроить свои внешнеэкономические связи на Запад. Этому способствовал значительный приток в страну иностранного капитала, с помощью которого был создан целый ряд современных предприятий, прежде всего в машиностроении, химии, производстве вычислительной техники. В большинстве своем это мультинациональные компании – Дженерал Моторс, Дже-

нерал Электрик, Сименс, Опель, Филипс и другие. Они приобрели акции венгерских предприятий или построили новые. В настоящее время число совместных предприятий с участием иностранного капитала и чисто иностранных приближается в Венгрии к 30 тысячам. Фирмы с участием иностранного капитала давали в 1999 году 74% венгерского экспорта, на них приходилось 71,2% всего импорта.

Все это способствовало образованию тесных кооперационных связей и создало предпосылки для полной интеграции с западными странами, что весьма существенно увеличило товарооборот с ними. В то же время продолжалось снижение оборота с бывшими соцстранами и Россией. Хотя в 1996–1997 годах оборот с Россией начал было возрастать, августовский кризис 1998 года снова отбросил его показатели назад.

В результате в 1999 году при росте доли экспорта Венгрии в развитые капиталистические страны в общем экспорте страны до 84%, в том числе в страны ЕС до 76%, доля России упала до 1,4% (в импорте она была выше, составив 5,8%). Благодаря широким кооперационным связям со странами ЕС в области машиностроения, Венгрии, в отличие от других стран ЦВЕ, удалось поднять долю экспорта машин с 15% в 80-е годы и 11,9% в 1991 году до 57% в 1999-ом. Это, прежде всего, поставки в рамках кооперации вычислительных машин и частей к ним, моторов внутреннего сгорания и комплектующих деталей для автомобилей. При этом доля машин в венгерском экспорте в Россию постоянно сокращалась, составив в 1999 году 16,6%. Доля же российского экспорта этой продукции в Венгрию и раньше была невелика, а теперь составляет всего 4,4%. Как известно, наш экспорт в эту страну имел и имеет ярко выраженный энерго-сырьевой характер: энергоносители и сырье, в первую очередь – газ и нефть, занимающие в нем 70–80%. Правда, в силу такой структуры он и сократился меньше, чем венгерский экспорт в Россию.

Так, в 1999 году, по сравнению с 1990 годом, экспорт Венгрии в Россию упал в 8,7 раз, а российский в Венгрию – всего на 35%. Венгерский экспорт в силу нестабильности экономической ситуации в России был сопряжен в последние годы с большим риском: предприятия-импортеры оказывались не в состоянии оплатить купленные товары, в связи с чем экспортеры несли большие потери. Еще в 1996 году известный венгерский экономист Л. Чаба назвал российский рынок «русской рулеткой». После же кризиса августа 1998 года венгерские экспортеры сравнивали его с минным полем. Тем не менее у ряда секторов венгерской экономики, традиционно ориентированных на российского потребителя, что прежде всего относится к производству автобусов, лекарств и продовольствия, сохраняется заинтересованность в нашем рынке, несмотря на риск, связанный с этим.

Наша страна в принципе также заинтересована в приобретении этих привычных для российского потребителя товаров, однако у организаций-потребителей в ряде случаев нет на это средств. Сокращение российского импорта этих товаров заставило ряд крупнейших венгерских предприятий уменьшить объем их производства и провести крупные увольнения работников. К таким предприятиям, в частности, относятся АО «Лимпэкс», АО «Баболна», АО «Икарус» и широко известное у нас фармацевтическое предприятие АО «Рихтер».

Все сказанное свидетельствует о том, что Венгрия практически завершила переориентацию своих внешнеэкономических отношений на Запад даже в большей степени, чем она первоначально предполагала.

В то же время венгерское руководство постоянно подчеркивает, особенно в выступлениях, адресованных Москве, что, развивая отношения с Западом, Венгрия весьма заинтересована в поддержании своих стабильных экономических связей с Россией. С российской же стороны, к сожалению, не уделяется должного внимания развитию отношений с нашими бывшими союзниками по СЭВ, в том числе и с Венгрией. Между тем это имеет серьезное не только экономическое, но и политическое значение.

В условиях, когда бывшие страны СЭВ, и в числе первых Венгрия, завершили процесс переориентации своей внешней политики на Запад, Россия объективно заинтересована в поддержании с прежними союзниками корректных, стабильных экономических и политических отношений, поскольку они образуют как бы второй круг государств после бывших советских республик, имеющих для нее первостепенное значение. Среди этих стран особое место занимает Венгрия, с которой у нас ни до, ни после весны 1999 года не возникало особых проблем во взаимоотношениях. С учетом этих обстоятельств и надо было бы строить российскую политику отношений с бывшими странами СЭВ, в том числе с Венгрией.

Среди прочих причин отсутствие внятной политики в этом направлении, помноженное на ошибки бывшего советского руководства, уже привело к тому, что из союзников эти страны превратились в партнеров и, не дай бог, в случае напряженности с Западом, могут превратиться в противников. Чтобы не допустить такого развития событий, следует поддерживать с ними стабильный политический и экономический диалог.

Переориентация внешней политики Венгрии оказала серьезное влияние на характер происходящей в этой стране трансформации и сама явилась частью этой трансформации.

* * *

Подводя итоги всему вышесказанному, следует подчеркнуть, что к концу 90-х в Венгрии в основном были осуществлены преобразования, намеченные в программах 1989–1991 годов.

Если в начале 90-х годов происходил трансформационный спад в экономике, обусловленный как переходом к рыночной экономике, так и потерей традиционных рынков, то во второй половине десятилетия начинается период экономической стабильности.

Спад экономики в 1990–1992 годах к 1994 году закончился, а с середины 1996 года начался относительно устойчивый рост общественного производства: в 1997 году темпы роста ВВП составили уже 4,6%, в 1998 году – 4,9%, в 1999 году – 4,5%, на 2000 г. ожидается рост на 5,5%. В условиях падения конъюнктуры в Западной Европе это в 1,8 раза превышает темпы роста в ЕС. В 1996–1997 годах начала снижаться внешняя задолженность. Венгрия расплатилась с МВФ и перестала брать у него новые кредиты. Норма инфляции упала в 1999 году – впервые за 12 лет – до уровня 10%.

Правда, в 1998 году ситуация в области сбалансированности экономики стала снова ухудшаться, начала увеличиваться задолженность. Однако благодаря значи-

тельному росту ВВП ее сравнение с объемом ВВП составило в 1999 году 60,4% против 68,7% в 1994 году. С июля 2000 года замедлился процесс снижения инфляции (главным образом под влиянием повышения мировых цен на энергоносители), и ее уровень в 2000 году составит, как ожидается, 8–9%, вместо планировавшихся 6–7%.

После резкого падения жизненного уровня в 1990–1992 годах, а затем в 1995 году в последние три года происходит рост реальной заработной платы. В 1999 году средняя заработная плата достигла 250–300 долл. в месяц на одного занятого. По официальному курсу средний заработок составляет в Венгрии 10% от среднего уровня стран ЕС, а ВВП на душу населения – 20%. По покупательной же способности это соотношение составляет 30 и 50%.

Улучшилась структура производства и экспорта (экспорта больше, чем производства). Свыше половины объема экспорта составляет продукция машиностроения. Благодаря прямым иностранным инвестициям (около 23 млрд. долл. за 1990–1999 годы), повысилась конкурентоспособность венгерской продукции.

В результате стабилизации улучшились экономические показатели Венгрии. В 1999 году статистическое ведомство Евросоюза – Евростат опубликовало данные о странах-претендентах на вступление в ЕС, согласно которым ВВП Венгрии на душу населения составлял 49% среднего уровня ЕС (опережают ее среди стран ЕС Словения (68%) и Чехия (60%)). В товарообороте с ЕС на Венгрию, как и Чехию, приходится по 2,2%.

Успехи реформ и улучшение экономического положения привели к повышению рейтинга Венгрии в оценках ведущих западных агентств и создали для нее благоприятные условия кредитования и прилив инвестиций в экономику.

Таковы основные итоги реформ, которые проводились в 90-е годы в условиях новой системы в Венгрии, одной из наиболее успешных стран ЦВЕ, относительно безболезненно пережившей годы радикальных рыночных потрясений.

И несмотря на то что итоги эти скорее промежуточные, чем окончательные, следует подчеркнуть, что основные преобразования в области политического строя, отношений собственности, системы внешнеэкономических связей уже необратимы. В то же время стабилизация, хотя и завершена, продолжает носить пока неустойчивый характер. Спад жизненного уровня хотя и преодолен, но основные показатели, определяющие его развитие, все еще ниже, нежели в 1989 году.

Александр ВАХРАМЕЕВ

СТРАНЫ БАЛТИИ У ВОРОТ НАТО

Распад Советского Союза привел к возникновению ряда новых независимых государств, изменивших коренным образом свой общественный строй и внешнеполитическую ориентацию.

Это касается прежде всего бывших советских республик Прибалтики – Латвии, Литвы и Эстонии. Как известно, балтийские государства в своей внешней политике стали ориентироваться на Запад и взяли курс на вступление в евроатлантические структуры. Чем же объясняется такой подход стран Балтии к решению своих национальных проблем? Думается, это было в большой мере продиктовано следующим:

– убеждениями в том, что страны Балтии являются органической частью Европы и что их длительное пребывание в составе Российской империи, а затем Советского Союза является трагической ошибкой истории;
– исторической памятью о событиях 1940 года, которые и руководством и большей частью общественности балтийских стран оцениваются как советская аннексия;
– угрозой ассимиляции коренного населения балтийских стран, потери национальной культуры прибалтов, в связи с массовой миграцией в Балтию инородного этноса, поскольку абсолютное большинство приехавших не знали или не хотели знать национальные языки, уважать исторические и культурные традиции балтийских народов;
– огромным экологическим ущербом, который был нанесен прибалтийским республикам сооружением целого ряда крупных промышленных объектов, а также длительным пребыванием на их территории контингентов Советской, а затем и Российской армии;
– надеждами на то, что Запад поможет балтийским странам в решении их социально-экономических проблем, а также в обеспечении их национальной безопасности;
– усилением русофобских настроений в балтийских странах, которое стимулировалось возвращением на историческую родину эмигрантов из Латвии, Литвы и Эстонии. Многие из них заняли видное место в политической и военной элите балтийских стран, а В. Адамкус (бывший гражданин США) в Литве и В. Вике-Фрейберге (бывшая гражданка Канады) в Латвии были избраны президентами этих государств.

Вахрамеев Александр Валерьянович, канд. ист. наук, ст. науч. сотр. ИМЭПИ РАН.
© 2000

В настоящее время усилия политиков и дипломатов стран Балтии направлены на то, чтобы обеспечить членство в Европейском Союзе (ЕС). Таким путем страны Балтии стремятся освободиться от финансовой, экономической, торговой зависимости от России, получить выход своей продукции на западноевропейские и мировые рынки, модернизировать свою экономику, повысить производительность труда, эффективность производства, жизненный уровень граждан, приобщиться к достижениям европейской цивилизации.

Однако на пути к членству в ЕС странам Балтии предстоит преодолеть серьезные трудности: необходимо достичь приемлемого с точки зрения европейских стандартов уровня развития производства и жизненного уровня населения, привести в соответствие с этими стандартами национальное законодательство, разрешить проблемы, связанные с положением национальных меньшинств в балтийских странах, укрепить в них демократические институты власти. Пока же, за исключением Эстонии, Латвия и Литва критериям членства в ЕС с точки зрения состояния их экономики, жизненного уровня населения, а также развития рыночных отношений не соответствуют. Более того отношение к будущему членству в ЕС в балтийских странах весьма неоднозначно. Так, в Литве, по результатам опроса, проведенного летом 1997 года, членство в ЕС поддержало только 35% опрошенных. В республике было создано даже национал-демократическое движение, куда вошли противники вступления в ЕС. Они считают, что членство в Евросоюзе вынудит Литву отказаться от части своего суверенитета, опасаются и того, что членство в этом объединении будет пагубным для сельского хозяйства их страны, поскольку ее продукция неконкурентоспособна по сравнению с продукцией стран-членов ЕС.

Лидеры Латвии и Литвы негативно относятся и к тому, что вопрос о членстве в ЕС в настоящее время рассматривается только применительно к Эстонии. Во время визита в страны Балтии в ноябре 1997 года тогдашнего председателя Еврокомиссии Ж. Сантера литовские и латвийские политики подчеркивали, что страны Балтии живут в едином экономическом и политическом пространстве и непонятно, почему предпочтение в ЕС отдается только одному государству, хотя экономическое положение Эстонии мало чем отличается от положения в Латвии и Литве, а прогресс в гуманитарно-политической сфере и вовсе незаметен. Балтийские страны обеспокоены тем, что с приемом в ЕС Эстонии будет введен визовый режим не только на границах с Россией, но и на эстонско-латвийской границе, а это поставит под вопрос существование единого экономического пространства балтийских государств. Руководство ЕС, судя по всему, принимает к сведению подобные опасения. Балтийским странам была предложена новая модель интеграции в объединенную Европу. Суть этой модели состоит в том, что в процесс расширения ЕС войдут не только рекомендованные Еврокомиссией государства, но и другие страны, желающие вступить в Евросоюз, причем членами ЕС станут те, кто к этому лучше подготовлен и кто обгонит других.

Страны Балтии стремятся также к полноправному членству в НАТО.

Мотивы, побуждающие их к вступлению в этот альянс, связаны прежде всего с заботой об ограждении от посягательств со стороны России. Хотя в настоящее время такой угрозы нет, и это признает большинство балтийских политиков, однако в будущем, как они считают, по мере укрепления России в экономическом и военно-политическом плане, подобная опасность может появиться, и поэтому страны Балтии заблаговременно хотят себя от нее застраховать. Кроме того, самим фактом членства в НАТО они стремятся ощутить себя частью цивилизованной, демократической Европы, западного сообщества, которое защитило бы их от возможной угрозы со стороны России и предотвратило бы повторение того, что произошло с балтийскими государствами в 1940 году.

Наконец, членство в НАТО, по мнению балтийских политиков, важно и психологически. Оно даст возможность балтийским государствам почувствовать себя не обочиной, а частью европейской цивилизации, не разменной картой в игре Запада и России, а регионом, органически входящим в западную систему ценностей. При этом всячески подчеркивается, что членство стран Балтии в НАТО не представляет никакой угрозы для России, а, наоборот, будет способствовать укреплению системы общеевропейской безопасности. Как отметил в своем интервью «Российской газете» от 17 февраля 2000 г. президент Литвы В. Адамкус, «на НАТО я смотрю в первую очередь как на возможность выживания в безопасной семье независимых государств. Я думаю, что к этому стремится каждое государство... Со-

временный мир да и сам Североатлантический союз сильно изменились за последние 50 лет. Сегодня членов НАТО в наибольшей степени объединяет стремление защищать и укреплять общечеловеческие ценности. Поэтому заметно исчезают, и я убежден, и дальше будут исчезать барьеры сотрудничества между НАТО и Россией. Я думаю, что процесс расширения и открытости Североатлантического альянса является ценным вкладом в укрепление мира и стабильности во всем мире».

Сразу же после одобрения декабрьской сессией НАТО (1994 г.) программы «Партнерство во имя мира» балтийские страны заявили, что в практическом плане они примут самое активное участие в реализации этой программы. По натовским стандартам уже перестраиваются вооруженные силы этих государств. Создано специальное формирование Балтбат. По рекомендации Госдепартамента США 1 октября 1994 г. был принят меморандум военных министров Великобритании, Дании, Норвегии, Финляндии, Швеции. Северные страны взяли на себя вооружение и снаряжение Балтбата, в котором на контрактной основе служит около 800 человек. Балтбат состоит из 3 рот. Литовская дислоцируется в Рукле, латвийская – в Адажи, эстонская – в Палдиски. На вооружении Балтбата находятся американские автоматы М-16, шведские противотанковые ракеты В-41.

В 1997 году прошли 4 учения Балтбата, на которых отрабатывались операции, приближенные к реальной ситуации в Боснии. Военнослужащие балтийских стран участвуют в миротворческих операциях в бывшей Югославии.

В рамках программы Балтдефкок на учебу и переподготовку на Запад посылаются военнослужащие балтийских стран, а в их вооруженных силах работают западные инструкторы, прежде всего американские. По признанию первого заместителя государственного секретаря США С. Тэлботта, начиная с 1997 г. Пентагон разрабатывает оборонительную стратегию для Латвии, Литвы и Эстонии.

Американо-балтийское партнерство предусматривает сотрудничество по всем параметрам военно-технической политики. Интерес США к балтийским странам не случаен, так как они обладают развитой оборонно-технической инфраструктурой, состоящей из бывших советских военных баз, предприятиями, которые их обслуживают. С осени 1997 г. страны Балтии включены в сферу ответственности европейского командования войск США.

Регулярно проводятся военные маневры с участием вооруженных сил Латвии, Литвы, Эстонии и стран НАТО. Так, в июле 1997 г. на берегу Финского залива проходили международные миротворческие учения «Балтик Челлендж-97», в которых участвовало 2900 человек, в том числе 1300 американцев. Впервые после ухода российских войск из Эстонии на ее территории высадились войска США, по численности сопоставимые с кадровым составом эстонской армии. В ходе маневров отрабатывались действия по подавлению беспорядков в государстве, пережившем стихийные бедствия, по защите и эвакуации беженцев и доставке в эту страну гуманитарных грузов.

В сентябре 1997 г. на военном полигоне Рукла в Литве состоялись международные штабные учения «Балтик Трайнер-97», в которых участвовало более 100 офицеров из стран Балтии, Скандинавии, Великобритании. Они проводились в рамках программы НАТО «Партнерство ради мира». В рамках этой же программы в сентябре 1997 г. на Балтийском море прошли учения по поиску и спасению пострадавших от морских катастроф. В них участвовали военные и гражданские спасательные структуры Латвии, Литвы, Польши, скандинавских стран и государств-членов НАТО (Великобритании, Германии и Дании).

Осенью 1997 года в Адажском учебном центре вооруженных сил Латвии прошли международные учения «Кооператив Бест Элтон-97» с участием 500 военнослужащих из 14 стран, в том числе 4 государств НАТО (США, Канады, Нидерландов, Норвегии). Отрабатывались действия по локализации межнационального конфликта, разъединению враждующих сторон, уничтожению снайперов, разминированию местности. Учения рассматрива-

лись как одно из подготовительных мероприятий на пути к полноценному членству Латвии в НАТО. Расходы по их проведению взяла на себя штаб-квартира альянса в Брюсселе. В это время американские военнослужащие из элитных подразделений армии США изучали потенциальный театр военных действий. Незадолго до проведения учений Латвию посетил тогдашний председатель военного комитета НАТО генерал К. Науман. Он ознакомился с мероприятиями Министерства обороны Латвии по повышению обороноспособности армии и проведению ее вооруженных сил в соответствие со стандартами НАТО, а также посетил ряд важнейших оборонных объектов.

В декабре 1997 в Эстонии были проведены международные военные учения «Балтик Триал-97», с участием 1200 солдат и офицеров из стран Балтии, Скандинавии и государств-членов НАТО (Дании, Норвегии, Великобритании). По сценарию маневров их участники налаживали контакты между бывшими враждующими сторонами, устанавливали связь с гражданскими властями, отрабатывали в операции с беженцами. В учениях был задействован и Балтбат, для которого эти маневры были подготовкой к выполнению самостоятельных операций по поддержанию мира.

В июле 1998 в районе Клайпеды (Литва) проходили натовские учения «Балтик Челэндж-98», организованные Литвой и США, где приняло участие 5 тыс. человек, 24 самолета и вертолета, 16 военных судов, а также специально обученные в США дельфины, натренированные на поиски мин. Одновременно в районе литовского международного аэропорта в Паланге рота американских «рейнджеров» отрабатывала приемы борьбы с террористами. Хотя Россия и участвовала в этих маневрах в качестве наблюдателя, командование Балтийского флота отрицательно отнеслось к проведению учений НАТО на территории Литвы. Оно заявило, что эти учения больше напоминают разработку агрессивных действий вблизи границ России, а высадка морского десанта в районе Клайпеды – операцию по захвату побережья противника.

В июне 1999 г. под эгидой НАТО на Балтике проходили маневры «Балтоп-99» с участием 96 кораблей, 4-х подводных лодок, 50 самолетов и вертолетов. Их главной целью было остановить развертывание дестабилизирующих сил. А поскольку Россия в маневрах не участвовала, то это давало ей основание думать, что именно она и рассматривается в качестве дестабилизирующей силы.

После агрессии НАТО против Югославии в Литве в конце августа – начале сентября 1999 года проходили широкомасштабные учения трех балтийских стран под кодовым названием «Надежда Балтии-99». Учения проводились в рамках программы «Партнерство во имя мира». Участники должны были как бы предотвращать этнические чистки и геноцид, но не в своих странах, а в некоем выдуманном государстве. В маневрах, которые продолжались 9 дней, участвовали 800 военных специалистов. Отрабатывались действия международных штабов во время проведения совместных акций, боевые операции для поддержания мира на конкретной территории, взаимодействие сухопутных и морских сил. Войскам пришлось «мирить» страны, конфликтующие из-за спорных территорий и раздираемые межэтническими столкновениями, проводились операции по спасению коренного населения от истребления «оккупантами», разминированию мостов, отражению вражеских атак и преодолению последствий радиационной и химических аварий.

6 июня 2000 года в Литве состоялось открытие центра единой системы слежения за воздушным пространством (Балтнет). Идея организации такой системы была выдвинута президентом США еще в 1994 году. А годом позже представители балтийских стран уже договорились о ее практическом создании. Центр в Литве был построен при непосредственном участии США и Норвегии. Норвежцы готовили для него и обслуживающий персонал.

В Латвии взамен взорванной в 1995 году на средства Пентагона в прошлом советской, а затем российской радиолокационной станции в Скрунде, летом 2000 года началось соору-

жение радиолокационной станции слежения в Гулбенском районе и планируется строительство аналогичных станций в Резекненском районе, а также под Вентспилсом и Ригой. Локаторы будут нацелены на воздушное пространство Псковской, Новгородской и Тверской областей России, а также Белоруссии. На их сооружение будет израсходовано более 150 млн. долларов. Данными Балтнета будут пользоваться США, финансирующие проект, и другие страны НАТО.

Помимо указанных выше центров совместной военной деятельности стран Балтии и НАТО, функционирует и система Балттрон, в которую входят военно-морские и спасательные силы балтийских государств.

Провозгласив своей стратегической целью полноправное членство в НАТО, руководство балтийских стран постоянно напоминает об этом как собственным народам, так и мировой общественности. О желании Балтии вступить в НАТО говорится фактически на каждой встрече на высшем уровне во время визитов балтийских политиков в зарубежные страны, в официальных документах и выступлениях руководителей Латвии, Литвы и Эстонии.

Готовность стран Балтии вступить в НАТО встречает всяческую поддержку со стороны влиятельных политических и военных кругов альянса. Так, еще летом 1997 года тогдашний министр иностранных дел ФРГ К. Кинкель заявил, что должна существовать принципиальная возможность для вступления в НАТО балтийских государств, а члены альянса должны во всеуслышание объявить, что включают Латвию, Литву и Эстонию в число стран, принимающих систему западных ценностей и поэтому достойных входить в общие структуры, ибо безопасность этих трех бывших советских республик наиболее подвержена потенциальной угрозе.

В начале 1999 года группа отставных натовских генералов передала президенту Эстонии Л. Мэри рапорт о своей деятельности в странах Балтии, где они оказывали консультативную помощь в сфере безопасности и оборонной политики. В документе говорилось, что по уровню защищенности и безопасности страны Балтии можно сравнить с северной Норвегией и Западным Берлином в годы «холодной войны» и поэтому страны НАТО должны занять более четкую позицию по вопросу о приеме в нее Латвии, Литвы и Эстонии, ибо гарантией безопасности балтийских государств может быть только их членство в НАТО. Министр иностранных дел Дании Н.Х. Петерсен в интервью «Независимой газете» 23 июня 1998 года заявил, что страны Балтии «высказали намерение присоединиться к НАТО. Мы поддерживаем это, основываясь на принципах ОБСЕ, которые предусматривают право каждого государства выбрать свой собственный путь обеспечения безопасности». 16 июня 1998 года. Сенат США высказался за принятие в НАТО Латвии, Литвы и Эстонии, поскольку эти страны отвечают требованиям, предъявляемым кандидатам в альянс и имеют право на получение американской помощи. Аналогичное решение ранее было принято палатой представителей конгресса США.

Стремление стран Балтии к полноправному членству в НАТО активно поддерживается новыми членами альянса, особенно Польшей. После мадридского саммита НАТО (1997 года) президент Польши А. Квасьневский заявил, что следующий этап расширения НАТО должен коснуться соседей России (Украины и стран Балтии).Во время рабочего визита А. Квасьневского в Литву в феврале 1999 года президент Польши сказал, что у него нет никаких сомнений в целесообразности интеграции Литвы с Североатлантическим альянсом, а Варшава будет ставить перед ним этот вопрос. Тем самым А. Квасьневский позитивно откликнулся на обращение президентов Латвии, Литвы и Эстонии к руководителям стран НАТО с просьбой поддержать их намерение войти в альянс.

Активное лоббирование руководством Польши стремления стран Балтии войти в НАТО в качестве полноправных членов, видимо, связано с планом создания «буферной зоны» от Черного до Балтийского моря, которая будет отделять Россию от Запада. Этот план

был выдвинут З. Бжезинским. В «буферную зону», помимо балтийских стран, должны войти Украина и Белоруссия (в случае прихода в последней к власти сил, оппозиционных режиму А. Лукашенко). Зона должна быть экономически независимой. В ней планируется установить высокие пошлины на транзит товаров из России, предусмотреть квоты и коридоры для экспорта российской нефти и газа в Западную Европу, для движения железнодорожного, автомобильного и воздушного транспорта. Создать такую зону можно только путем «отрыва» Белоруссии от России, и поэтому в плане З. Бжезинского Польше отводится ведущая роль в организации такого «отрыва» и подчинения Белоруссии, как и стран Балтии, западному влиянию.

Добиваясь членства в НАТО, руководство балтийских стран полностью поддержало военно-политические акции альянса, в том числе и агрессию НАТО против Югославии. Бомбардировки СРЮ одобрили президенты Латвии, Литвы и Эстонии, а военное руководство балтийских стран выразило готовность послать на Балканы своих военнослужащих, если НАТО попросит о содействии и военной помощи в рамках программы «Партнерство во имя мира». При этом политическая и военная элита балтийских стран явно не просчитала последствия ее заявлений о поддержке силовой акции НАТО в Югославии. Эта акция, как известно, была предпринята под предлогом защиты прав человека и прекращения геноцида в Косово. Но аналогичный предлог гипотетически может появиться и в отношении стран Балтии, где существуют острые межнациональные противоречия. Сознавая это, общественность балтийских государств, в отличие от их руководства, неоднозначно отнеслась к агрессии против СРЮ. В Литве, по данным опросов общественного мнения, агрессию НАТО поддержало 52% опрошенных, а против высказался 41%, в Эстонии эту акцию поддержало 56%, в Латвии – только 26%, а 48% выступило против.

Что же касается руководства стран НАТО, то оно, с одной стороны, поддерживает стремление стран Балтии вступить в их альянс, а с другой – не берет на себя никаких конкретных обязательств, в том числе в плане очередности и сроков приема балтийских государств в НАТО.

В ноябре 1995 года во время своего визита в страны Балтии тогдашний министр обороны США У. Перри заявил, что балтийские государства не должны рассчитывать на скорое вступление в НАТО, а само включение стран Балтии в евроатлантические структуры безопасности должно осуществляться таким образом, чтобы Россия не рассматривала это как враждебный в отношении ее шаг. В июле 1997 г. во время переговоров государственного секретаря США М. Олбрайт с министрами иностранных дел балтийских государств в Вильнюсе она отметила, что страны Балтии не будут вычеркнуты из списка кандидатов в члены НАТО. Но все будет зависеть от степени их подготовленности к подобному членству и особенно от того, насколько быстро и эффективно будут реформированы в соответствии с натовскими стандартами вооруженные силы балтийских республик. При этом М. Олбрайт подчеркнула, что НАТО не должна ослабнуть в результате подобного расширения, поэтому новые члены этой организации не должны быть нахлебниками.

Чтобы как-то смягчить недовольство балтийских стран отказом немедленно принять их в НАТО, США в июне 1997 г. выдвинули проект Хартии США и балтийских государств. Документ был подписан 18 января 1998 года Б. Клинтоном и президентами балтийских стран в Вашингтоне. Хартия является политическим, а не юридическим документом. США не взяли на себя обязательств гарантировать безопасность балтийских государств и приема в НАТО в составе второй группы кандидатов в члены альянса не обещали. Они согласились только на консультации с балтийскими странами, если возникнет угроза их территориальной целостности, а также на создание четырехсторонней комиссии, в рамках которой будет обсуждаться сотрудничество в сферах политики, безопасности, культуры и экологии и бу-

дут разрабатываться совместные проекты в регионе Балтийского моря с участием ЕС и России.

На первом после подписания Хартии заседании Комиссии по партнерству США и стран Балтии в Риге в июле 1998 года была подтверждена стратегическая цель балтийских государств – интеграция в европейские и трансатлантические структуры. Однако представитель США в Комиссии С. Тэлботт, заявив, что двери НАТО для Балтии не закрыты, дал понять, что пока о конкретных сроках их приема в НАТО не может быть и речи. Выступая в октябре 1998 г. в Вильнюсе на международной конференции «Европейская интеграция – путь к европейской безопасности», посол США при НАТО А. Вершбоу пояснил, что вступление в альянс «предполагает прежде всего соответствие определенным критериям, которые одинаковы для всех. Мы не можем принять Балтию в НАТО только потому, что она пострадала в прошлом от исторической несправедливости».

Конкретные сроки вступления стран Балтии в НАТО не были названы и на юбилейном саммите альянса в Вашингтоне в апреле 1999 года. Позиция стран НАТО в отношении приема в альянс балтийских стран не претерпела каких-то существенных изменений и в последующий период.

В конце марта 2000 года Латвию посетил новый Генеральный секретарь НАТО Д. Робертсон. Его визит был связан с участием в Учредительном собрании латвийской трансатлантической организации, созданной для поддержки латвийской общественностью вступления Республики в альянс. Д. Робертсон встречался с руководителями страны, нанес визит министру обороны Г. Кристовскису, с которым обсудил проект военной доктрины Латвии, предусматривающей тотальную территориальную оборону. На пресс-конференции по итогам визита Д. Робертсон заявил, что «помолвка Латвии и НАТО уже состоялась, осталось только сыграть свадьбу». Но для этого нужно соответствовать определенным критериям и выполнить необходимые условия. Д. Робертсон не смог ответить на вопрос о том, будет ли Латвия, как и другие страны-кандидаты, принята в НАТО в 2002 году. Это зависит от готовности стран-кандидатов, целесообразности расширения альянса и от общей ситуации на Европейском континенте.

В мае 2000 года в Вильнюсе состоялась международная конференция «Роль НАТО в изменяющихся условиях европейской безопасности». «На ней выступил Д. Робертсон, заявивший, что в 2002 году пройдет очередной саммит НАТО, на котором может быть рассмотрен вопрос о принятии новых членов. Для этого страны Балтии должны выдержать жесткие натовские стандарты – создать сильные армии и оборонную систему, чего пока нет. Д. Робертсон также отметил, что решение о расширении НАТО в 2000 году должно быть принято всеми 19 членами альянса, если, конечно, в будущем такое расширение вообще произойдет.

В июне 2000 года страны Балтии посетил канцлер ФРГ Г. Шрёдер. Он заявлял во время визита, что Германия поддерживает вступление балтийских стран в ЕС и НАТО, но сроки этого вступления могут затянуться. Г. Шрёдер при этом отмечал, что угрозы со стороны России странам Балтии он не видит и проблема такой угрозы является сугубо «теоретическим вопросом».

Несмотря на неопределенное, а скорее прохладное отношение Запада к приему в НАТО балтийских государств, их руководители настаивают на том, чтобы Латвия, Литва и Эстония были приняты в альянс уже в 2002 году. Это пожелание в очередной раз было высказано на заседании совета глав дипломатических ведомств Северной Европы и стран Балтии в Миддельфарте (Дания) в начале августа 2000 года. Но и на этот раз положительного ответа со стороны НАТО на просьбу балтийских государств получено не было.

Причины нежелания США и блока НАТО брать на себя конкретные обязательства относительно порядка и сроков приема балтийских государств в Североатлантический альянс,

на наш взгляд, сводятся к тому, что, *во-первых,* вооруженные силы балтийских государств пока не соответствуют стандартам НАТО ни по составу, ни по расходам на их содержание. Особенно это относится к Латвии, которая не спешит увеличивать расходы на военные нужды. Если Литва в 1998 году направила на оборону 1,7% ВВП, Эстония – 1,5%, то Латвия – 0,67% (в 1997 году – 0,72%) ВВП. В 1999 году правительство Латвии выделило на эти цели 1% ВВП, но и это не отвечает стандартам НАТО. В 2000 г. расходы на военные нужды в Литве составят 2% ВВП (при средних расходах стран-членов НАТО 2,6% ВВП). У Латвии, хотя она и приняла военную доктрину, рассчитанную на 12 лет, финансирование военного ведомства вряд ли увеличится по сравнению с предыдущими годами, а в Эстонии расходы на оборону составят 2% только к 2002 г., а это руководство альянса явно не устраивает. Вооружение и техника армий балтийских стран морально и физически устарели, боевая подготовка военнослужащих не находится на достаточном уровне. В этих условиях страны Балтии практически ничего не прибавят к военно-техническому потенциалу НАТО. Напротив, они станут обузой для альянса.

Во-вторых, Латвия и Эстония все еще окончательно не решили свои территориальные проблемы с Россией. Хотя они и отказались от территориальных претензий к РФ, но юридически это пока не оформлено, так как пограничные договоры с Россией не подписаны, а важным критерием членства в НАТО является отсутствие территориальных споров с соседями.

В-третьих, в Латвии и Эстонии не решены проблемы нетитульного (русскоязычного) населения, а еще одним критерием членства в НАТО является демократизация общества, отсутствие дискриминации национальных меньшинств.

В-четвертых, форсировать вступление балтийских стран в НАТО Запад не хочет и потому, что он не заинтересован в обострении отношений и возобновлении конфронтации с Россией, а это почти наверняка станет фактом в случае дальнейшего расширения НАТО на восток, ибо создаст прямую угрозу интересам национальной безопасности РФ. На это обстоятельство обратил особое внимание Президент РФ В.В. Путин, отметивший в интервью газете «Вельт ам зонтаг» 6 июня 2000 г., что ни одно государство в мире не испытывало бы теплых чувств в связи с разрастанием военного союза, в котором оно не состоит. Особенно, если в результате увеличивается зона соприкосновения с этим союзом. Выход НАТО за границы бывшего СССР в случае приема в альянс Литвы, Латвии и Эстонии, заявил В. Путин, создал бы качественно новую ситуацию для России и для Европы. Это имело бы серьезные последствия для всей системы безопасности на континенте. «Мы считаем, – подчеркивает В. Путин, – что каждое государство имеет право на собственный выбор средств обеспечения безопасности. Однако собственную безопасность нельзя укреплять путем уменьшения безопасности других государств».

В-пятых, учитывается и то, что значительная часть населения балтийских государств, в отличие от жителей стран Центральной Европы, выступает против членства своих стран в НАТО. Так, по данным опросов, проведенных летом 1998 года, присоединение к НАТО поддерживало 55% литовцев, 54% латышей и 47% эстонцев. Против выступали соответственно 26%, 32% и 31% опрошенных[1]. Опрос, проведенный в Латвии весной 1999 года, показал, что уже только 40% ее жителей поддерживают членство своей страны в НАТО, а 39, 3% выступают против[2].

Однако политические игры вокруг вопроса о гипотетическом членстве стран Балтии в НАТО продолжаются. Думается, что администрация США ведет эти игры с целью добиться от России уступок в вопросе о модернизации системы ПРО, ответом на которые стал бы с

[1] Независимая газета, 1998, 3 июля, № 118, с. 6.
[2] Сегодня, 1999, 30 апреля, № 94, с. 3.

американской стороны отказ поддерживать стремление балтийских стран к полноправному членству в альянсе. Руководство НАТО, в свою очередь, связывает вопрос о членстве балтийских государств в НАТО с общим состоянием отношений между альянсом и Россией, которые были «заморожены» после агрессии НАТО против Югославии, а сейчас «оттаяли», нормализовались далеко не в той мере, как этого хотели бы в Брюсселе. Европейские страны-члены НАТО, наконец, используют «балтийскую карту» опять-таки в целях давления на Россию, выторговывания у нее выгодных для себя уступок.

Что же касается России, то она, положительно относясь к членству балтийских государств в ЕС, категорически против вступления стран Балтии в НАТО, ибо это означало бы:

- непосредственное соприкосновение расширенного альянса с территорией РФ, превращение Ленинградского и Московского военных округов в пограничные;
- членство стран Балтии в НАТО привело бы к использованию в интересах альянса бывшей советской военной инфраструктуры в балтийских странах, а это учебная база АПЛ в Палдиски (Эстония), полигон в Адажи (Латвия), военный аэродром в Шауляе (Литва);
- членство стран Балтии в НАТО, учитывая, что Польша уже стала участником альянса, приведет к тому, что Калининградская область окажется в фактическом окружении потенциально враждебных России государств, под «колпаком» у Запада, осложнится также железнодорожный и автомобильный транзит в Россию через территорию Литвы;
- прием в НАТО стран Балтии стал бы стимулом для усиления стремления к членству в НАТО других бывших советских республик (Украины, Молдавии, Грузии, Азербайджана).

Поэтому Россия заявила, что в случае приема стран Балтии в НАТО она выйдет из Основополагающего акта Россия – НАТО, подписанного 27 мая 1997 г.

В качестве альтернативного варианта вступлению балтийских стран в НАТО Россия предложила этим странам гарантии безопасности либо в одностороннем порядке, либо совместно со странами Западной и Северной Европы, а также США. Вопросы, связанные с предоставлением таких гарантий, затрагивались как в официальных документах (Долговременная линия России в отношении Балтийских стран – февраль 1997 года), так и в выступлениях президента и председателя правительства, министра иностранных дел РФ, других официальных лиц.

Во время встречи Б. Ельцина с Б. Клинтоном в Хельсинки в марте 1997 года Президент РФ заявил, что Россия готова гарантировать безопасность стран Балтии и снять их опасения в отношении возможности повторения того, что произошло несколько десятилетий назад. В сентябре 1997 года во время визита в РФ тогдашнего президента Литвы А. Бразаускаса Б. Ельцин заявил, что Россия гарантирует безопасность Литвы и готова прийти на ее защиту. Он передал А. Бразаускасу заявление о гарантиях безопасности стран Балтии и мерах укрепления доверия между ними и Россией. В. Черномырдин в выступлениях на международной конференции по формированию новой модели европейской безопасности в Вильнюсе (август 1997 г.) и на заседании Совета государств балтийского региона в Риге (январь 1998 г.) также говорил о готовности России дать гарантии безопасности балтийским странам, участвовать в региональном пакте безопасности стран Балтийского бассейна. Во время визита Б. Ельцина в Швецию (декабрь 1997 года) он объявил, что Россия сократит на 40% свою северо-западную группировку сухопутных и военно-морских сил. 1 декабря 1997 года была реорганизована группировка «Калининградский особый оборонительный район». Стоявшие там войска 11-й армии перешли в подчинение Балтфлоту и стали называться сухопутной группировкой и береговыми войсками флота. В. Путин в упомянутом выше ин-

тервью газете «Вельт ам зонтаг» подтвердил, что все прежние обязательства России относительно обеспечения безопасности балтийских государств остаются в силе.

Однако инициативы российского руководства по проблемам безопасности в Балтийском регионе не встретили поддержки и понимания со стороны официальных кругов этих стран. На состоявшейся 10 ноября 1997 года в Паланге встрече их руководителей они были отвергнуты. Ранее, на саммите в Таллинне руководителей Латвии, Литвы, Эстонии, Польши и Украины 27 мая 1997 г. было подтверждено стремление стран Балтии к членству в НАТО и заявлено, что они будут укреплять сотрудничество во всех областях. Речь, по сути дела, шла о воссоздании некоего «санитарного кордона» вдоль границ России в качестве ответа на заключение договора о союзе между Россией и Белоруссией.

* * *

В мае 2000 года президент Латвии В. Вике-Фрейберге выступила с заявлением о том, что Россия готовится к военному вторжению в Прибалтику и в первую очередь нападение будет совершено на Латвию. Это, как она заявила, будет нападением на Европейское сообщество и НАТО. В России расценили заявление В. Вике-Фрейберге как провокационное и безответственное. МИД РФ охарактеризовал его как беспрецедентное по своей антироссийской тональности и выдержанное в худших традициях «холодной войны». Посол РФ в Риге А. Удальцов отметил, что заявление было для него полной неожиданностью, ибо для подобных высказываний Россия не давала никакого повода. Глава же Латвийского государства, ради скорейшего вступления страны в НАТО, пошла на сознательное обострение российско-латвийских отношений, прибегнув при этом к откровенной лжи, отвечать на которую надо, однако, сдержанно и с достоинством, чтобы не ввязаться в бесплодную полемику, вредную как для российско-латвийских отношений, так и для европейской безопасности.

Страны Балтии сейчас стоят перед историческим выбором: либо по-прежнему добиваться членства в НАТО и тем самым ухудшить свои отношения с Россией, усилить подозрительность, вражду и недоверие или же принять участие в региональном пакте безопасности стран Балтийского региона, развивать добрососедские, взаимовыгодные, дружественные отношения с Россией. Если развитие событий пойдет по первому варианту, то это приведет к еще большему дистанцированию балтийских стран от России, ибо ее позиция в отношении членства стран Балтии в НАТО, да еще с учетом реакции их политических элит на натовскую агрессию против Югославии, станет гораздо более жесткой, чем раньше. Стремление балтийских стран к членству в НАТО, наряду с дискриминационной политикой в отношении нетитульного (русскоязычного) населения, окажет негативное воздействие на политические, торгово-экономические, культурные, гуманитарные связи стран Балтии и России. Это, в свою очередь, отрицательно скажется и на национальных интересах самих балтийских стран, для которых Россия была и остается поставщиком сырья и энергии, рынком сбыта товаров, источником получения валюты за счет транзита российских грузов через территорию балтийских стран, что составляет значительную часть их бюджета.

Думается, что эти обстоятельства должны будут повлиять на позицию широкой общественности и политической элиты балтийских государств, понимающих, что без России и в условиях конфронтации с ней страны Балтии вряд ли сохранят политическую стабильность и обеспечат свое успешное социально-экономическое развитие. Здравый смысл диктует им выбор второго варианта – сотрудничества и доверия в отношениях с Россией. Ближайшее будущее покажет, прислушаются ли руководители и политики балтийских стран к требованиям здравого смысла, выберут ли они путь не вражды и конфронтации, а добрососедства между нашими государствами и народами.

Александр СЛУКА

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

В 90-х годах двадцатого века в Западной Европе сохранялись высокие темпы роста экономики, увеличивался ВВП, годовые темпы инфляции в большинстве государств не превышали 2–3%. Уровень жизни населения за это время заметно повысился, однако многие демографические показатели резко ухудшились (см. таблицу 1).

Таблица 1

Демографическое движение населения в Западной Европе (страны ЕС)
(1960 – 1995 гг.), в тысячах

Европейский Союз	1960	1995
Население*	314800	372000
Рождаемость	5784	3999
Смертность	3386	3719
Естественный прирост	2398	280
Миграционный прирост	43	787
Общий прирост (убыль)	2441	1067
Коэффициент Рождаемости	18,3	11,8
Коэффициент Смертности (в ‰)	10,7	10,0
Суммарный коэффициент рождаемости	2,59	1,43

* Население на начало года.
Источник: Population et Societes, № 336, Juin 1998, p. 3.

Демографический кризис, поразивший страны Старого Света и вызывающий крайнее беспокойство политиков и озабоченность экспертов, поражает противоположными тенденциями: падением рождаемости и увеличением средней продолжи-тельности жизни, что ведет к старению и общему сокращению численности коренного

Слука Александр Евгеньевич, заслуженный профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, географический факультет, кафедра социально-экономической географии зарубежного мира.

© 2000

населения. Так, в 1995 г. в Западной Европе рождаемость составила 11,8‰, а смерт-ность – 10,0‰, в то время как в целом в мире эти показатели равнялись соответственно 24,0 и 9,0%. Очень выразителен крайне низкий коэффициент суммарной рождаемости (среднее число детей, рожденных одной женщиной за свою жизнь). Почти во всех западноевропейских странах этот коэффициент заметно ниже 2,1 – той величины, при которой обеспечивается расширенное воспроизводство будущих поколений.

Многочисленные факты свидетельствуют о расшатывании традиционных семейных устоев европейцев. Среди них стало поветрием не торопиться связывать себя настоящими семейными узами, жить холостым/незамужней или в свободном гражданском браке. В итоге заметно увеличился средний брачный возраст (см. таблицу 2).

Таблица 2

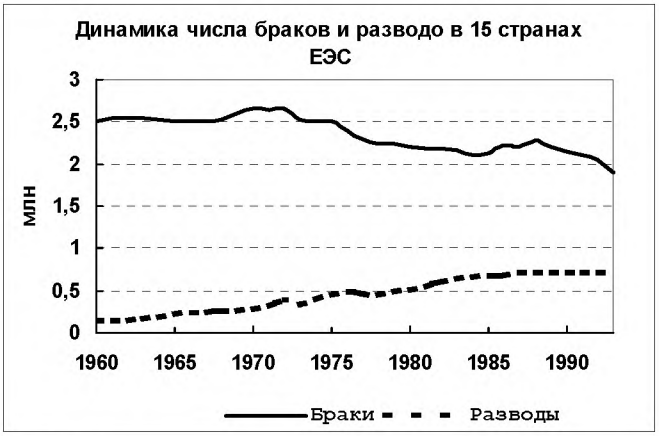
Семейный состав людей в возрасте 30-39 лет в некоторых странах Европы, 1996 г. (в %)

Страны	Мужчины			Женщины		
	одиночки (холостые)	состоят в браке	разведенные	одиночки (не замужем)	состоят в браке	разведенные
Германия	31,3	62,0	6,5	18,5	72,6	8,0
Франция	32,6	60,9	6,2	23,8	66,9	8,4
Швейцария	29,0	66,2	4,6	20,2	72,2	7,0
Швеция	50,9	42,6	6,5	38,7	52,0	9,9
Исландия	43,6	49,6	6,8	33,8	57,4	8,3
Ирландия	25,6	74,1	-	17,7	81,6	-

Источник: Statistiques Demographiques 1997. Eurostat.

Становится все больше семей, где имеется только один ребенок. Растет число разводов (см. график 1) и детей, рожденных вне брака (в странах ЕС в среднем в 1995 г. их число уже составляло 23,4% всех детей) (см. таблицу 3).

График 1



Источник: тот же.

Таблица 3

Процент детей, родившихся вне брака в 1995 г.

Страны		Страны	
ЕС (в среднем)	23,4	Италия	8,1
Бельгия	15,0	Люксембург	13,1
Дания	46,5	Нидерланды	15,5
Германия	16,1	Австрия	27,4
Греция	3,0	Португалия	18,7
Испания	10,8	Финляндия	33,1
Франция	37,2	Великобритания	33,6
Ирландия	22,7	Швеция	53,0

Источник: Statistiques Demographiques 1997. Eurostat.

Вместе с тем в государствах Западной Европы низки показатели младенческой смертности и велика средняя продолжительность жизни, что предопределяет высокий процент людей старше 65 лет. Не случайно эти страны заслужили название «старых наций»: в большинстве их доля детей и подростков до 15 лет почти такая же, как и представителей старших возрастных групп (свыше 65 лет) (см. таблицу 4).

Таблица 4

Демографические показатели в странах Западной Европы (ЕС) в 1995 г. в % и в ‰

Страна	Рождаемость ‰	Смертность ‰	Естественный прирост, ‰	Доля населения %		Средняя ожидаемая продолжит. жизни, лет		Коэф. Суммарн. Рождаемости
				Моложе 15 лет	Старше 65 лет	мужчины	женщины	
Австрия	11,0	10,1	0,9	17,6	15,2	73,6	80,1	1,4
Бельгия	11,3	10,3	1,0	17,6	15,4	73,4	80,2	1,6
Великобритания	12,5	11,0	1,5	19,4	15,7	74,0	79,2	1,7
Германия	9,4	10,8	-1,4	17,3	15,3	73,3	74,8	1,3
Греция	9,7	9,6	0,1	16,3	15,4	75,0	80,3	1,3
Дания	13,3	12,1	1,2	18,0	15,8	72,7	77,8	1,8
Испания	9,2	8,7	0,5	17,1	15,4	74,3	81,5	1,2
Ирландия	13,5	8,8	4,7	10,6	15,0	73,0	78,6	1,9
Италия	9,1	9,5	-0,4	24,7	11,5	74,9	81,4	1,2
Люксембург	13,2	9,3	3,9	15,1	16,4	73,0	80,2	1,7
Нидерланды	12,3	8,8	3,5	18,3	13,9	74,6	80,4	1,5
Португалия	10,8	10,5	0,3	18,2	14,4	71,3	78,6	1,4
Финляндия	12,2	9,6	2,6	18,0	14,1	72,8	80,2	1,8
Франция	12,5	9,2	3,3	16,9	15,1	73,9	81,8	1,7
Швеция	11,7	10,6	1,1	18,9	17,5	72,2	81,4	1,7

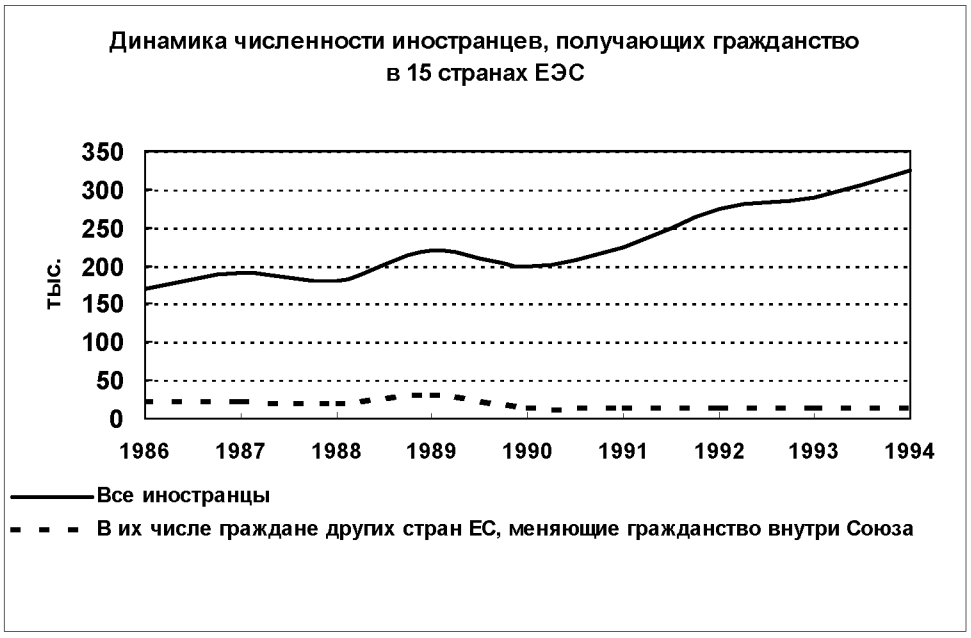
Источник: тот же.

В 1996 г. ООН провела опрос среди руководителей государств, попросив их оценить демографическую ситуацию в своих странах и действенность проводимой демографической политики. Большинство лидеров государств Европы было единодушно в том, что необходимо увеличить рождаемость, и сообщило информацию о мерах, которые предпринимаются в этом направлении. В частности, в 1992 г. в странах ЕС были одобрены законы, в соответствии с которыми предусматриваются продолжительные отпуска женщинам по рождению ребенка (от 14 до 16 недель) с сохранением содержания (выплаты заработной платы в полном объеме, либо в размере 75–80%). Кроме того, эти законы запрещают увольнять женщин с работы в период такого отпуска.

Французская национальная Комиссия по проблемам старения населения в октябре 2000 года констатировала, что женский генофонд в стране не обновляется и единственным выходом является увеличение иммиграции молодых женщин, способных к деторождению, преимущественно из России.

С начала 90-х годов основным фактором роста населения стран ЕС становится миграция. Так, например, в 1996 г. естественный прирост населения составлял здесь 280 тыс. человек, а миграционный – почти 800 тысяч. Западная Европа стала главным мировым центром притяжения иммигрантов, превосходя США – до недавнего времени лидера по этому показателю. Практически во всех остальных население растет за счет притока иностранцев, обгоняя естественный прирост. Миграция в ее нынешних масштабах заметно изменила национальный состав отдельных западноевропейских государств и всего региона в целом (см. таблицу 1).

График 2



Источник: Statistiques Demographiques, 1997. Eurostat.

При этом многие иммигранты стремятся приобрести гражданство тех стран, где они обосновались. В последнее время этот процесс приобрел массовый характер: в отдельные

годы меняли подданство свыше 300 тыс. человек (см. график 2). В середине 90-х годов в Западной Европе насчитывалось более 20 млн. человек, сменивших гражданство. К ним следует добавить еще 17,6 млн. человек, не изменивших его, среди них выходцы из самых разных уголков Земли, в том числе из других государств Европы, а также из Азии и Африки.

По числу иностранных подданных среди стран Европы впереди находятся Германия (более 7 млн. иммигрантов), Франция и Великобритания, то есть наиболее крупные государства (см. таблицу 5). Лидером же по степени «разбавленности» своего населения гражданами других стран является Люксембург, где иностранцы составляют 32,6% населения). Здесь среди иммигрантов больше всего выходцев из Португалии. В то же время в населении Италии, Испании, Португалии, Греции, Финляндии доля официально зарегистрированных иностранных подданных составляет лишь 1–2%. Это в основном страны, расположенные на периферии региона и, как правило, ранее отличавшиеся более значительной эмиграцией, нежели иммиграцией.

Таблица 5

Распределение иностранцев – граждан других стран мира по государствам Западной Европы в 1995 г.

	Германия	Франция	Великобритания
Всего иностранцев (в тыс. чел.)	6990 В 1999 г. 7,3 млн. = 9% населения страны	3660	2096
В т.ч. из стран: Европы в %	53,4	40,7	49,2
Азии	37,3	11,8	23,1
Африки	4,1	45,6	11,6
Америки	2,6	2,0	12,5

Источник: Statistiques Demographiques 1997. Eurostat.

Примерно треть всех иммигрантов в государствах ЕС составляют граждане других членов ЕС, а 2/3 – выходцы из стран, не входящих в Союз. Наиболее значителен приток ЕЭСовских иммигрантов в Бельгию (60%). Эта страна находится в центре Европейского Союза как по географическому положению, так и по той роли, которую играет Брюссель – столица объединенной Европы,

Добавим, что во вторую половину 90-х годов миграционное движение и система учета миграции людей в корне изменились вследствие принятия Шенгенских соглашений (март 1995 г.). По этим соглашениям, к которым все еще не присоединились Великобритания, Ирландия, Швеция и Финляндия, среди стран ЕС полностью отменен пограничный визовый контроль за перемещением граждан. Кроме того между ними существует договоренность о единой визовой и иммиграционной политике, а также о мерах по учету лиц, совершивших

противоправные действия при пересечении ими государственных границ. Предполагается распространить эти правила и на отдельные страны Восточной Европы, например на Польшу, государства Балтии.

Нарастающий наплыв иммигрантов вызывает бурное недовольство определенной части населения ряда западноевропейских стран, особенно представителей крайне правых и националистических кругов, которые нередко предпринимают акции протеста под лозунгами: «Германия…Франция…Швейцария – только для немцев, французов, швейцарцев» и т. д.

Однако большинство политических лидеров этих стран расценивает нынешний уровень иммиграции как вполне удовлетворительный, поскольку спрос на иностранную рабочую силу растет из-за недостатка собственной, и вынуждено содействовать ее притоку. Не далее как в марте 2000 г. канцлер ФРГ Шрёдер объявил о привлечении в страну 20 тыс. специалистов по компьютерам, главным образом из стран Центральной и Восточной Европы, сроком на 5 лет. На стройплощадках Англии ждут инициативных, здоровых мужчин, имеющих опыт работы в строительстве, хотя последнее не обязательно – мусор убирать и быть у мастера на подхвате тоже кому-то надо. В Греции требуются мужчины для уборки сельскохозяйственной продукции, а также для работы на станциях технического обслуживания (слесари, электрики, сантехники).

Иммигрантки-женщины находят себе применение в гостиничном и ресторанном бизнесе, в больничном хозяйстве в качестве обслуживающего персонала, в работе по дому, уходе за детьми или престарелыми. Что касается россиян, желающих поработать в странах Западной Европы, то за последнее время процедура выезда в ряде случаев заметно упростилась.

И в будущем возможности для трудоустройства в странах Европы, похоже, сохранятся, ибо демографическая ситуация в регионе продолжает ухудшаться, а доля населения в трудоспособном возрасте уменьшается. К тому же выявилась «любопытная тенденция»: представители коренного населения, как правило, игнорируют разного рода низкооплачиваемую работу непрестижного характера.

В заключение рассмотрим последние сведения европейской статистики о динамике населения в Западной Европе за 1999 г. Сопоставив эти сведения с демографическими показателями 1995 г., мы убеждаемся в том, что ситуация в регионе заметно ухудшилась. На 1 января 2000 г. население Западной Европы в составе 19 стран насчитывало 376,4 млн. человек, против 371,6 млн. в 1995 г. В 1999 г. уровень рождаемости здесь был ниже, чем во многих других регионах мира (исключая СНГ), а прирост населения – наименьшим за всю историю. Естественный прирост составил 266 тыс. человек, а сальдо миграции – 717 тыс. (показатели близки к 1998 г.). При этом рождаемость в Западной Европе снизилась до 10,6‰, а смертность зафиксирована на уровне 9,9‰. Таким образом, естественный прирост населения выразился всего в 0,7‰. В ряде стран – в Германии, Италии, Швеции – смертность превышала рождаемость. В то же время рождаемость остается относительно высокой в Ирландии (5,9‰). Наряду с этим все страны Западной Европы сегодня имеют позитивное сальдо миграции. Максимальные значения его в Люксембурге (+9,3‰) и в Ирландии (+5,0‰) от общего роста населения. Среди крупных стран наиболее благополучной представляется демографическая ситуация во Франции. В целом же Западная Европа движется к уменьшению численности коренного населения, к моменту, когда в регионе будут преобладать все в большей степени пенсионеры и иммигранты (см. таблицу 6).

Таблица 6

Изменения в населении в странах Европы в 1999 г.
(в расчете на 1000 жителей, в ‰).

Страны	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост	Сальдо миграций	Общий итог роста населения
ЕС – 15	10,6	9,9	0,7	1,9	2,6
Бельгия	11,1	10,1	1,0	1,0	2,0
Дания	12,5	11,1	1,5	1,9	3,3
Германия	9,3	10,3	-1,0	2,3	1,4
Греция	9,9	9,5	0,4	1,4	1,8
Испания	9,4	9,4	0	0,9	0,9
Франция	12,6	9,1	3,5	0,8	4,3
Ирландия	14,3	8,4	5,9	5,0	10,9
Италия	9,1	9,9	-0,8	2,3	1,5
Люксембург	13,0	8,9	4,1	9,3	13,4
Нидерланды	12,6	8,9	3,7	2,7	6,4
Австрия	9,5	9,4	0,1	1,1	1,2
Португалия	11,3	10,9	0,5	1,5	2,0
Финляндия	11,2	9,3	1,8	0,6	2,4
Швеция	9,9	10,6	-0,7	1,4	0,6
Великобритания	11,9	10,8	1,1	2,9	4,0

Источник: Eurostat. News Release, 6.01.2000.

К сказанному остается лишь добавить, что у нас, в России, демографическая ситуация выглядит еще более тревожно. В результате глубокого социально-экономического кризиса и обнищания значительных масс населения за последние 9 лет смертность постоянно превышает рождаемость. Итогом стало сокращение численности населения страны на 5,8 млн. человек, а обозримые перспективы не внушают оптимизма.

Леонид ХОДОВ

ГЕРМАНИЯ КАК ИМПОРТЕР И ЭКСПОРТЕР ЧАСТНОГО КАПИТАЛА

В течение последних трех десятилетий XX века в международном движении частного капитала произошли существенные количественные и качественные изменения, соответствующие общей тенденции глобализации мировой экономики.

Во-первых, резко возросли масштабы прямых частных инвестиций. В конце 50-х и 60-х годов ежегодный вывоз частного капитала составлял 60–70 млрд. долл. В 1998 году он превзошел 700 млрд. долл., по оценкам, к 2003 году этот показатель может достигнуть 1 000 млрд[1].

Во-вторых, более трети земного шара, бывшие социалистические страны, а также Китай, которые ранее были закрыты для зарубежных инвесторов и сами частный капитал не вывозили, активно включились в международное движение капитала. Китай, Чехия, Венгрия, Польша, Россия, Прибалтика, Казахстан и Азербайджан стали сферами приложения зарубежного капитала. Частные иностранные активы в КНР недавно оценивались в 45 млрд. долл. Ежегодно в эти страны вкладывается от 5 до 10 млрд. долл. частных средств. Россия и Китай сами стали экспортерами частного капитала. Правда, российский образец, в основном, не имеет ничего общего с прямыми инвестициями, а скорее напоминает укрытие или бегство капитала.

В-третьих, появились новые большие и малые инвесторы средств за рубежом, которых не было 30 лет назад. Пакеты акций ряда международных машиностроительных, нефтехимических концернов, банков были приобретены компаниями нефтедобывающих стран Персидского залива. Заметным стал вывоз частного капитала из Республики Кореи, Тайваня, Бразилии, Малайзии, Сингапура, Турции.

В-четвертых, происходит общая либерализация движения капиталов. Все большее число государств связывает свои надежды на развитие народного хозяйства с притоком иностранных инвестиций и предоставляет иностранным физическим и юридическим лицам-инвесторам многочисленные и разнообразные льготы. На мировом рынке частного капитала наблюдается конкуренция не столько потенциальных инвесторов, сколько стран и регионов, желающих привлечь иностранные средства. Для этого широко практикуется, в частности, создание свободных экономических и оффшорных зон, предоставление иностранным инвесторам различных льгот.

Ходов Леонид Григорьевич, профессор ВАВТ, завкафедрой экономической теории Международного университета г. Москвы.

© 2000

В-пятых, принципиальным качественным изменением в международной миграции капитала стала полная свобода взаимных инвестиций внутри зон экономической интеграции.

---

[1] Neue Züricher Zeitung, 11.02.2000.

В-шестых, продолжает сокращаться доля частных иностранных вложений в развивающиеся страны, хотя их абсолютные размеры постепенно возрастают. Развеялось прежнее стереотипное представление о вывозе капитала как о вложениях средств в первую очередь в эксплуатацию источников сырья и дешевой рабочей силы в бывших колониальных и зависимых странах.

Динамика международных инвестиций определяется окончательным превращением развитых стран в главную сферу приложения иностранного капитала, то есть экономически развитые государства являются не только субъектами, но и главными объектами международной миграции капитала. В 1999 году примерно 85% прямых частных иностранных инвестиций было сделано в развитых странах. Сформировались устойчивые встречные потоки капиталовложений между странами Западной Европы, Северной Америки и Юго-Восточной Азии, внутри мировых регионов и между ними. Более того, развитые страны стали главными сферами инвестиций из Кувейта, Саудовской Аравии, Республики Кореи, Тайваня, Малайзии, Сингапура. При этом излюбленным и перспективным местом массовых инвестиций частного капитала со всего мира является Федеративная Республика Германия. В 1998 году в страну было сделано вдвое больше прямых иностранных вложений, чем в предыдущем. За год иностранцы инвестировали рекордную в истории ФРГ сумму – 35,68 млрд. марок (около 17 млрд. долл.), то есть вчетверо больше, чем во все государства Африки. Министр экономики ФРГ заявил, что эти показатели свидетельствуют о чрезвычайно высокой степени доверия мировых финансовых кругов к будущему Германии[1].

Примерно 86% частных прямых капиталовложений поступили в страну в течение года из развитых стран Западной Европы. В том числе 85% – из стран ЕС. Главные иностранные инвесторы в экономику ФРГ – компании Великобритании, которые за год вложили в Германию 13,82 млрд. марок (38% от всех иностранных инвестиций). Эта сумма превышает частные иностранные вложения за год во все государства, образовавшиеся после распада Советского Союза, а также в Китайскую Народную Республику, вместе взятые.

Из США в ФРГ поступило 5,4 млрд. марок – 15,2% всех иностранных частных вложений. Они, как и английские капиталы, были направлены в первую очередь в нефтеперерабатывающую, табачную промышленность, сеть бензозаправочных станций, обслуживание самолетов своих авиатранспортных компаний. Крупные инвестиции осуществили заводы Опеля и Форда, а также американские производители средств электронной связи в Германии. Более 40% английских и американских капиталовложений в ФРГ обеспечивались путем самофинансирования, то есть за счет нераспределенных прибылей, ускоренного амортизационного списания основного капитала, резервов.

В перечне иностранных инвесторов вслед за Великобританией и США следуют компании Италии, Нидерландов, Швейцарии. Более 1,5 млрд. марок было вложено иностранцами в германскую жилую недвижимость.

Вместе с тем 1998 год ознаменовался рекордным уровнем и темпами роста вывоза частного немецкого капитала за рубеж. За этот год из Германии было вывезено 146,4 млрд. марок – больше, чем из какой-либо страны в мире. Размеры вывезенного капитала были невиданными в истории страны. Они превышали показатели предыдущего года (63,7 млрд. марок) в 2,3 раза[2].

---

[1] Suddeutsche Zeitung, 28 Juli 1999.
[2] Wirtschaftswoche, №8, 1999.

Главная сфера приложения немецкого частного капитала – экономика США, куда за последние 50 лет германскими компаниями было инвестировано, по оценкам, более 300 млрд. долл. Прямые частные вложения в США достигли в 1998 году 77, 98 млрд. марок (около 43 млрд. долл.) – 53% от всего вывезенного за год из ФРГ капитала. Причин такого резкого скачка в масштабах потока германских вложений в США две. Первая – это длительный подъем в экономике США, возросший внутренний спрос. Вторая – приобретение немецкими концернами в полную или частную собственность (с контрольным пакетом акций) крупных американских компаний.

Международная печать назвала сделкой века приобретение концерном Даймлер–Бенц контролирующего участия в одном из трех крупнейших автомобильных концернов США – Крайслере. Произошло переплетение двух гигантов, сопровождающееся обменом акций американских и немецких владельцев капитала на ценные бумаги нового монопольного объединения. В ходе реструктуризации, перестройки производственной программы и новых капиталовложений в США встречные переводы средств двух стран составили десятки миллиардов долларов. В итоге нетто в размере 50 млрд. марок было переведено из ФРГ в США. Этим в значительной степени и объясняется бурный рост вывоза немецкого капитала в Новый Свет в 1998 году.

Кроме автомобильной промышленности объектами прямых частных капиталовложений инвесторов ФРГ была сфера финансов – Немецкий банк приобрел седьмой по величине банк США: страховой бизнес, химическая и особенно фармацевтическая промышленность. Почти половина всех лекарств, потребляемых американскими гражданами, произведена на предприятиях, принадлежащих в США немецкому капиталу, или импортирована из ФРГ. Резиденты ФРГ вкладывали капитал также в сферу услуг, в частности в обслуживание и ремонт немецкого оборудования и автомобилей, общественное питание и туризм. Не менее 2 млрд. долл. частного германского капитала вложено за год в жилую недвижимость – приобретение земли, жилых домов, вилл на атлантическом побережье, в Калифорнии, особенно во Флориде.

Второй объект немецких частных инвестиций – экономика Франции. На эту страну пришлось 15,67 млрд. марок (почти 9 млрд. долл.), или 10,7% прямых частных вложений ФРГ в 1998 году за рубежом. Здесь продолжалось новое строительство и расширение промышленных и сервисных предприятий частично за счет самофинансирования, крупные вложения были сделаны в оптовую и розничную торговлю, в жилую недвижимость на побережье и в приграничных районах.

9,12 млрд. марок (5,4 млрд. долл.) было вложено в Великобритании – 6,2% прямого вывоза немецкого частного капитала. Это на 4,7 млрд. марок меньше, чем английские прямые инвестиции за год в экономику Германии. В германских капиталовложениях в Великобритании заметную роль сыграло приобретение концерном БМВ английской автомобильной компании «Ровер».

В целом в 1998 году 39,2% всех прямых немецких капиталовложений было осуществлено в Европе, в том числе 30,5% – в ЕС. Очевидно, в ближайшем будущем поток германских частных инвестиций в Европе будет нарастать благодаря расширению ЕС и из-за продолжающихся слияний и поглощений монополий в автомобильной, авиастроительной промышленности, средствах связи. Немецкий концерн Телеком проводит, в частности, активную скупку пакетов акций европейских телефонных компаний. Продолжают расти ежегод-

ные затраты граждан ФРГ на приобретение жилой недвижимости во Франции, Австрии, Португалии, Венгрии.

Только 6,6% прямых частных зарубежных вложений ФРГ пришлось в 1998 году на развивающиеся страны. Это соответствует общей мировой тенденции сокращения доли развивающихся стран как объектов частных зарубежных инвестиций.

4% зарубежных инвестиций было сделано немецкими экспортерами капитала в Азии. Такой невысокий показатель объясняется хозяйственным кризисом в странах Юго-Восточной Азии – главных партнерах германских компаний на континенте, настороженным выжиданием в связи с присоединением Гонконга к КНР и снижением доверия к китайской экономике как объекту иностранных инвестиций. Наблюдался даже незначительный отток частного немецкого капитала, вывезенного ранее в Китай[1].

Заметно возросли германские вложения в южно-корейскую экономику. В ожидании выхода Республики Кореи из хозяйственного кризиса и пользуясь низким курсом ценных бумаг в этой стране, немецкие инвесторы скупили значительные пакеты акций некоторых крупных и средних фирм. За неполные два года, с начала II квартала 1997-го по конец 1998 года, эти вложения составили около 2 млрд. марок[2]. Инвестиции оказались стратегически правильными, так как в 1999 году Республика Корея стала выходить из экономического кризиса, с середины года наметилось оживление конъюнктуры, и курс акций заметно возрос.

Относительно невелик вывоз частного капитала из ФРГ в Латинскую Америку – всего 3,65 млрд. марок или 2,5% к итогу, отчасти из-за кризиса в крупнейшей стране региона – Бразилии – и неустойчивого положения в экономике Аргентины. Совсем незначительную роль в прямых немецких зарубежных инвестициях играют государства Африки – менее 0,6% от всех вложений.

В бывшие социалистические страны Восточной и Юго-Восточной Европы, Балтию и республики СНГ в 1998 году прямые частные вложения немецкого капитала составили 8,35 млрд. марок, или 5,7% всех инвестиций за границей за год. Сумма эта относительно невелика в сопоставлении с хозяйственным потенциалом и численностью населения этих стран. Она сопоставима с годовыми германскими инвестициями в экономику Италии или Испании и Португалии.

Характерен дифференцированный подход к отдельным государствам. Частные инвестиции направляются в основном в страны – будущие партнеры ФРГ по ЕС, в которых происходит экономический рост, сбалансирован государственный бюджет и устойчива валюта. В то же время приток частных прямых капиталовложений в страны СНГ – в Россию, Белоруссию, Украину – незначительный, а портфельные инвестиции, в частности вложения в совместные предприятия, фактически прекратились.

Немецкий капитал направляется в первую очередь в пять государств этой группы: Чехию, Польшу, Венгрию, Латвию и Словению. Германские концерны наращивают свои активы путем самофинансирования крупных предприятий, находящихся под их контролем: заводов Шкода в Чехии, предприятий Гедеон Рихтер и Тунгсрам в Венгрии, бывших РАФ и ВЭФ в Латвии. Крупные инвестиции автомобильных, химических и электротехнических концернов вызвали в порядке цепной реакции капиталовложения субпоставщиков этих

[1] Frankfurter allgemeine Zeitung, 24.04.2000.
[2] Handelsblatt, 18.09.1999.

концернов – производителей комплектующих, упаковки, сервисных компаний. Наблюдается приток средств в строительство гостиниц, легкую, пищевую промышленность, лизинговый бизнес, пивоварение.

В перечисленные страны, а также в Хорватию и Эстонию в ближайшем году будут вложены крупные средства в развитие сети телекоммуникационной связи, банковское дело, страхование, розничную торговлю, туризм.

Совершенно особой сферой частных немецких инвестиций является приобретение недвижимости. Германия лидирует в мире по вложениям в зарубежную жилую недвижимость. Перенесение столицы в Берлин, находящийся в 90 км от восточной границы, наличие значительных накоплений у населения и высокие цены на земельные участки и строительные работы внутри страны делают соседние страны, заинтересованные в немецких капиталах, благоприятным полем деятельности для иммобильных компаний. К этому надо добавить еще один фактор: ностальгическое желание некоторых жителей ФРГ приобрести дом в местности, где когда-то жили их предки[1].

Из приведенных данных и соображений следует вывод: главное направление прямых частных инвестиций за рубеж – вывоз капитала из развитых стран в развитые. Эта тенденция сохранится в течение ближайшего десятилетия. Германский частный капитал попрежнему будет направляться в страны Северной Америки и ЕС, а также в государства, стоящие на пороге вступления в объединенную Европу.

[1] Wirtschaftswoche, № 8, 1999.

Ростислав СЕРГЕЕВ

КАК БЫЛ ДОСТИГНУТ ПРОРЫВ В АВСТРИЙСКОМ ВОПРОСЕ

К 45-летию советско-австрийских переговоров (11-15 апреля 1955 года) о заключении Государственного договора с Австрией

День 11 апреля 1955 года был ненастным. Шел дождь со снегом. Небо над Центральным аэропортом Москвы, расположенным на Ленинградском шоссе, было покрыто серой дымкой.

Около небольшого здания метеостанции, на первом этаже которой находился зал приемов правительственных делегаций (там сейчас стоит современный отель), собрались члены правительственной делегации СССР для встречи правительственной делегации Австрии. Среди встречавших находились члены Президиума ЦК КПСС, заместители председателя Совета Министров В.М. Молотов и А.И. Микоян, министр внешней торговли И.Г. Кабанов, заместитель министра иностранных дел В.С. Семенов, советский Верховный комиссар в Австрии И.И. Ильичев, заведующий III Европейским отделом МИД СССР С.Г. Лапин и другие ответственные работники МИДа.

Прибывший из Вены самолет Ил-14 медленно подрулил к группе встречавших. С его борта спустились Федеральный канцлер Австрии Ю. Рааб, вице-канцлер А. Шерф, министр иностранных дел Л. Фигль, статс-секретарь Б. Крайский и сопровождавшие их лица. Встречающие приветствовали прибывших. Под звуки марша Ю. Рааб, В.М. Молотов и А.И. Микоян обошли строй почетного караула войск московского гарнизона. Были исполнены государственные гимны Австрии и СССР.

После торжественной церемонии состоялась краткая беседа о порядке переговоров и гостям было предложено сначала отдохнуть после шестичасового перелета

(тогда полет из Вены в Москву занимал столько времени), а к официальным переговорам приступить на следующий день. Австрийская делегация была размещена в гостинице “Советская”.

Сергеев Ростислав Александрович, Чрезвычайный и Полномочный Посол, председатель Совета экономической безопасности Внешнеполитической ассоциации, в 1953-1959 гг. – участник переговоров по проблемам послевоенного урегулирования австрийского и германского вопросов.

© 2000

Утром 12 апреля состоялись визиты австрийской делегации к председателю Совета Министров СССР Н.А. Булганину и к В.М. Молотову. Так начались переговоры, которые привели к подписанию Австрийского государственного договора.

К 1955 году австрийский вопрос уже обсуждался почти 8 лет, за это время состоялось около 400 встреч и заседаний. На Берлинском совещании министров иностранных дел СССР, Великобритании, США и Франции с участием делегации Австрии в феврале 1954 года договоренности по австрийскому вопросу достигнуто не было. Западные державы отказались подписать мирный договор с Германией и согласиться на ее воссоединение, а Советский Союз считал невозможным решить австрийский вопрос без решения германской проблемы, включавшей в себя запрещение аншлюса Австрии.

Я участвовал в Берлинском совещании в качестве переводчика и присутствовал на тех его заседаниях, где обсуждался вопрос об Австрийском государственном договоре. Западные державы готовили в то время создание Европейского оборонительного сообщества, предусматривавшего включение в него ФРГ, и не были заинтересованы в широком обсуждении вопроса о заключении германского мирного договора и объединении двух германских государств. Они отвергали призыв “Немцы, за один стол!”, который был главным политическим лозунгом правительств ГДР и Советского Союза. Австрийский вопрос западные державы рассматривали в свете его влияния на решение германской проблемы. Советская делегация на Берлинском совещании предложила включить в Австрийский государственный договор

статьи об отказе Австрии от участия в каких-либо коалициях и союзах и о запрете создания на ее территории иностранных военных баз.

Быстрое решение австрийского вопроса, за которым следовал вывод войск четырех держав из Австрии, могло бы повлиять, как считали западные державы, на положение ФРГ, где были достаточно сильны настроения в пользу нейтрализации Германии. Австрийская делегация на Берлинском совещании не решилась на самостоятельный шаг и не внесла предложения о готовности своей страны стать нейтральным государством. Ее дипломатия оказалась связанной негативной позицией западных делегаций. В этих условиях в позиции советской делегации сохранилась взаимосвязь решения австрийского вопроса с урегулированием германской проблемы. В течение 1954 года каких-либо изменений по австрийскому вопросу не произошло. Западные державы уклонялись от переговоров и стремились не допустить переговоров между СССР и Австрией.

Тем временем в Москве шла активная работа по подготовке нового подхода к решению австрийского вопроса.

В конце января 1955 года А.А. Громыко, В.С. Семенов и Г.М. Пушкин направили министру В.М. Молотову записку, в которой высказали мнение, что считают целесообразным более не связывать вывод войск четырех держав из Австрии с заключением мирного договора с Германией и оставить в силе выдвинутое советской делегацией на Берлинском совещании предложение о нейтрализации Австрии. Таким образом, предлагалось изменить подход, который делал Австрию заложницей германского вопроса. В записке проводилась мысль о том, что решение австрийского вопроса может затруднить ратификацию Парижских соглашений, предусматривавших вовлечение Германии в НАТО.

Я в это время работал в секретариате А.А. Громыко, в то время первого заместителя Мининдел, и участвовал в обработке материалов, связанных с Австрией. Вслед за первой запиской последовало еще несколько, итогом которых стала подготовка доклада министра иностранных дел СССР В.М. Молотова “О международном положении и внешней политике правительства СССР” на заседании Верховного Совета СССР 8 февраля 1955 года. Доклад содержал заявление советского правительства по австрийскому вопросу. В заявлении отмечалось, что при заключении Государственного договора о восстановлении независимой и демократической Ав-

стрии должно быть найдено такое решение, которое исключало бы возможность осуществления Германией нового аншлюса Австрии. Другой пункт заявления предусматривал положение о том, что Австрия должна взять на себя обязательство не вступать в какие-либо коалиции или военные союзы, направленные против любой державы, принимавшей участие своими вооруженными силами в войне против гитлеровской Германии и в освобождении Австрии, а также не допускать создания на своей территории иностранных военных баз.

Для скорейшего урегулирования австрийского вопроса советское правительство предлагало безотлагательный созыв совещания четырех держав, на котором был бы рассмотрен как германский вопрос, так и вопрос о заключении Австрийского государственного договора. В заявлении указывалось, что в случае ратификации Парижских соглашений, открывающих дорогу для возрождения милитаризма Западной Германии, создалась бы серьезная угроза аншлюса. В документе по Австрии в отличие от позиции, которую Советский Союз занимал на Берлинском совещании, не указывалось, что войска четырех держав должны оставаться в Австрии до заключения мирного договора с Германией, хотя увязка австрийского вопроса с германской проблемой сохранялась.

Австрийский посол в Москве Н. Бишофф сразу же после доклада Молотова попросил в МИД СССР пояснений относительно советских предложений. В двух беседах с В.М. Молотовым в феврале и марте эти пояснения были сделаны. В частности, министр сообщил, что советская сторона не ставит решение вопроса об Австрии в зависимость от решения германского вопроса, а лишь указывает на связь, которая, естественно, существует между этими двумя проблемами. В Вене понимали, что таким образом советской стороной сделан важный шаг вперед. В середине марта правительство Австрии заявило, что страна не имеет намерения присоединяться к военным союзам или допускать создание на своей территории военных баз.

Одновременно с зондажем, который проводил посол Австрии в МИД СССР, в ЦК КПСС рассматривался вопрос о двусторонних переговорах с Австрией с приглашением австрийской правительственной делегации в Москву. В течение февраля – начала апреля 1955 года МИД СССР направил в ЦК КПСС несколько записок по австрийскому вопросу. Дискутировался вопрос о сроках вывода войск из Авст-

рии. В первом варианте был предложен срок в 36 месяцев. В дальнейшем он был сокращен. Кроме того, предусматривалась возможность введения войск в случае угрозы аншлюса или использования территории Австрии в военных целях против одной из держав антигитлеровской коалиции, а также сохранение в Австрии ограниченного контингента союзнических войск сроком на 7 лет.

Обоюдный зондаж продолжался, несмотря на то, что в ФРГ и во Франции в течение февраля–марта 1955 года последовала ратификация Парижских соглашений. Президиум ЦК КПСС принял в конце февраля решение начать в случае положительного исхода зондирующих встреч с австрийской стороной двусторонние переговоры с Австрией с приглашением ее правительственной делегации в Москву.

Австрийская сторона не сразу приняла советское предложение о двусторонних переговорах. В середине марта Вена заявила, что “окончательное решение австрийского вопроса может быть найдено совещанием всех заинтересованных держав при участии Австрии”. Вместе с тем она высказывалась за выяснение поставленных советской стороной вопросов (об опасности аншлюса, о неприсоединении к военным союзам и недопущении создания военных баз).

Двусторонним советско-австрийским переговорам по-прежнему противились западные державы, опасавшиеся, как и раньше, что возможный успех в решении австрийского вопроса повлияет на германскую проблему. Тем не менее двусторонний обмен мнениями между Москвой и Веной продолжался. 24 марта 1955 года Молотов вручил австрийскому послу Н. Бишоффу документ правительства СССР, в котором выражалось согласие с положениями, изложенными в заявлении правительства Австрии, сделанного в середине марта. В ходе состоявшейся беседы было сделано предложение федеральному канцлеру Ю. Раабу и другим представителям Австрии прибыть для переговоров в Москву. 29 марта 1955 года в Вене было принято решение направить на переговоры в Москву правительственную делегацию.

...В начале апреля мне позвонил по телефону старший помощник министра И.М. Лавров, который сообщил, что меня вызывает руководство. Через несколько минут я вошел в кабинет министра, расположенный на седьмом этаже здания на Смоленской площади. В.М. Молотов сказал мне, что я назначен переводчиком советской делегации на советско-австрийских переговорах, которые начнутся 11 ап-

реля. В оставшиеся дни я знакомился с материалами для переговоров, особенно с теми, которые касались высказываний австрийских государственных деятелей и руководителей других государств относительно нейтралитета Австрии...

Первое заседание правительственных делегаций СССР и Австрии состоялось в кремлевском кабинете. Молотова. Обе делегации присутствовали в полном составе.

С одной стороны большого стола сидели В.М. Молотов, А.И. Микоян, И.Г. Кабанов, В.С. Семенов, И.И. Ильичев, С.Г. Лапин, М.Г. Грибанов (заместитель заведующего III Европейским отделом). С австрийской стороны за столом находились: Ю. Рааб, А. Шерф, Л. Фигль, Б. Крайский, посол Н. Бишофф, посланник К. Шенер, посланник С. Вероста. Переводчиком австрийской делегации являлся В. Киндерманн.

На время переговоров соседняя комната была отведена референтуре по Австрии III Европейского отдела во главе с А.М. Александровым-Агентовым.

После приветствий со вступительным словом выступил В.М. Молотов. Он сказал, что дело с урегулированием австрийского вопроса достаточно подготовлено. Хотя подписание Государственного договора с Австрией является делом четырех держав и Австрии, а не только двух сторон – СССР и Австрии – все же, если представители Советского Союза и Австрии найдут общую основу в этом вопросе, то это облегчит заключение договора Министр подчеркнул, что Советский Союз должен быть уверен в том, что Австрия не станет плацдармом для всякого рода военных комбинаций, поскольку исторический опыт напоминает о стремлении других держав в прошлом превращать эту страну в свое орудие для проведения агрессивной политики.

Ю. Рааб, взявший слово, отметил, что имеющийся проект договора был принят ранее за основу. Как на Берлинском совещании, так и после него австрийское правительство официально заявляло, продолжал Ю. Рааб, что Австрия не хочет присоединяться к каким бы то ни было военным союзам, желая быть свободной от этих военных альянсов. Австрийская делегация хотела бы знать, как советская делегация представляет себе вопрос о безопасности Австрии, о гарантиях неучастия ее в военных союзах.

Молотов сослался на заявление советского правительства от 8 февраля 1955 года, сделанное им на сессии Верховного Совета СССР. В предварительных беседах с австрийским послом Н. Бишоффом, заметил он, были уточнены некоторые вопросы, связанные с советскими предложениями от 8 февраля. Часть вопросов осталась, однако, неразрешенной, и советская делегация желала бы знать мнение австрийской стороны по этим вопросам. Министр имел в виду гарантии и обеспечение свободы и независимости Австрии от аншлюса, принятие необходимых мер против этого.

Ю. Рааб сослался на ст. 17 проекта договора, предусматривающую определенное количество вооруженных сил, которые будут служить защите независимости Австрии. Австрийский канцлер отметил, что к ремилитаризации Западной Германии Австрия не имеет никакого отношения. Вопрос об аншлюсе содержался и в Сен-Жерменском договоре (1918 г.), но в нем ничего не было сказано о гарантиях против аншлюса. Когда в 1938 году Германия напала на Австрию, подчеркнул Ю. Рааб, то английский и французский послы “только пожали плечами” и ничего не предприняли для защиты независимости Австрии. Если теперь четыре державы договорятся по вопросу о гарантиях против аншлюса Австрии, то австрийское правительство будет это приветствовать. Ю. Рааб заявил также, что правительство Австрии выступает за установление точного срока вывода войск. На это, со своей стороны советский министр ответил, что сроки вывода войск являются предметом настоящих переговоров.

Далее состоялось обсуждение вопроса о гарантиях. Молотов высказал мнение, что австрийское правительство могло бы сделать конкретное заявление о том, что оно будет придерживаться нейтралитета и не допустит создания иностранных военных баз на своей территории, а четыре державы, со своей стороны, также дать гарантии могли, что они будут уважать такой статус Австрии. В ответ Ю. Рааб сказал, что австрийская сторона обдумает этот вопрос. Развивая предложение о нейтралитете, А.Н. Микоян сказал, что Австрия в своем заявлении могла бы указать на пример Швейцарии, которая в своих отношениях с другими странами придерживается нейтралитета. Молотов добавил, что заявление Австрии относительно нейтралитета, неучастия в военных союзах и недопущения создания иностранных военных баз на австрийской территории могло бы быть поддержано.

Ю. Рааб ответил, что австрийская делегация рассмотрит высказанные соображения и даст на следующем заседании ответ. Стороны затем затронули вопрос об устранении из Государственного проекта договора некоторых устаревших положений или, как выразился Ю. Рааб, “старой мебели”.

Соглашаясь с этим и с тем, чтобы австрийское правительство направило четырем державам предложение собраться и завершить подготовку Государственного договора, Молотов подчеркнул, что перед этой встречей четырех держав необходимо найти общую платформу. Советское правительство весьма заинтересовано в соответствующем заявлении как австрийского правительства, так и четырех держав. Ю. Рааб сказал, что австрийское правительство могло бы заявить о не вступлении его страны в военные союзы, а также о том, что оно против иностранных военных баз на территории Австрии. Но при этом он сделал оговорку, что делегация должна еще обсудить вопрос о заявлении в общем виде по поводу нейтральной позиции. “Мы постараемся найти формулу и изложить ее, возможно, уже завтра” - сказал он.

Заседание закончилось тем, что советская сторона поставила вопросы о передаче германской собственности, находящейся на территории Австрии, в руки австрийского правительства при условии выплаты, как это указано в проекте Государственного договора, 150 млн. долл. и недопущении возврата этой собственности Германии. Советская сторона заявила также, что готова рассмотреть вопрос о передаче Австрии нефтяных месторождений и Дунайского пароходства, являющихся собственностью СССР, на условиях, которые должны быть еще обсуждены.

В завершение первого заседания было высказано обеими сторонами мнение, что на переговорах положено хорошее начало. Вечером (в 18 часов) 12 апреля в особняке МИД был устроен большой прием в честь австрийской делегации, на котором присутствовали советские государственные и общественные деятели, ученые, работники культуры. Среди гостей были Маршал Советского Союза И.С. Конев, другие советские военачальники, участвовавшие в освобождении Австрии.

А в 20 час. 30 мин. того же дня в австрийском посольстве состоялся обед в честь советской делегации. Обычно на такого рода мероприятия посол рассылает приглашения всем членам высшего руководства страны пребывания, однако на подобное протокольное мероприятие приходят лишь те лица, которые участвуют в

переговорах. На этот раз произошла большая неожиданность для австрийского посла. В посольство приехали, помимо В.М. Молотова и А.И. Микояна, председатель СМ СССР Н.А. Булганин, члены Президиума ЦК КПСС Л.М. Каганович, М.Г. Первухин и А.И. Косыгин. Из овального зала посольства, где собирались гости, можно было видеть, как австрийский посол и атташе по протоколу в соседнем зале спешно производили изменения в рассадке за обеденным столом, добавляя карточки с именами неожиданных гостей и приборы.

В тот вечер советские гости вели разговор с австрийскими хозяевами о ходе переговоров, делая акцент на важности принятия Австрией статуса нейтралитета. В какой-то момент Ю. Рааб, Булганин, Молотов и Н. Бишофф удалились из овального зала в отдельный кабинет. Минут через 20–25 они вернулись к гостям, и Булганин, обращаясь к оставшимся в овальном зале, сказал: Все идет хорошо, можно ожидать позитивных результатов".

На следующий день, 13 апреля, делегации в полном составе собрались в особняке МИД СССР на ул. Ал. Толстого (нынешней Спиридоньевке). Главными были вопросы о нейтралитете Австрии и об условиях возвращения ей нефтяных предприятии. Австрийская сторона вновь выдвинула формулировки: "Свобода от военных союзов" и "недопущение создания на австрийской территории иностранных военных баз". Несмотря на общие высказывания относительно нейтралитета, сделанные накануне, австрийская делегация на этот раз поначалу не упоминала о нем.

Тему нейтралитета Австрии по образцу Швейцарии подробно развил Молотов. Веским аргументом в пользу нейтралитета Австрии прозвучало изложенное им заявление Д.Ф. Даллеса на Берлинском совещании 13 февраля 1954 года, в котором говорилось: "По Австрийскому Государственному договору в том виде, в каком он был до этого составлен, Австрия имела бы свободу избрать положение нейтрального государства подобно Швейцарии. Разумеется, Соединенные Штаты полностью уважали бы ее выбор в этом отношении, так же, как они уважают подобный выбор швейцарской нации". Процитировал В.М. Молотов и высказывание президента Австрии Т. Кёрнера, сделанное в 1952 году в газете "Журналь де Женев", который тогда заявил: "Что касается окончательного освобождения Австрии, то Швейцария является образцом политической мудрости".

Ссылка Молотова на заявление Даллеса ослабляла позицию тех членов австрийской делегации, которые опасались реакции западных держав, возражавших против принятия Австрией статуса нейтралитета. А. Шерф и Л. Фигль задали ряд уточняющих вопросов. Австрийцы спрашивали, не возникнет ли трудностей в отношениях с тремя западными державами по поводу понятий “нейтралитет”, не послужит ли оно поводом для затягивания заключения австрийского договора. Именно поэтому, говорили они, делегация излагает такую политическую позицию, которая, по существу, означает, что Австрия будет соблюдать нейтралитет, но не употребляет самого слова “нейтралитет”.

Советские делегаты высказали уверенность в том, что употребление правительством Австрии в его декларации понятия “нейтралитет” не вызовет осложнений.

Ю. Рааб попросил сделать перерыв на 15–20 минут, чтобы провести внутриделегационное обсуждение этого вопроса. Австрийская делегация удалилась в соседний кабинет (тот, в котором висят картины Михаила Врубеля “Утро”, “Полдень”, “Ночь”). Через 20 минут австрийцы вернулись в зал заседаний, и Ю. Рааб заявил, что они согласны с предложением указать в отдельной декларации Австрии, что она будет придерживаться нейтралитета в отношениях с другими государствами. Важный вопрос переговоров был, таким образом, решен.

Далее делегации перешли к обсуждению вопроса об условиях передачи Австрии нефтяных предприятий. Советская сторона назвала стоимость этих объектов, в размере 72 млн. долл. Возникла дискуссия относительно соответствия этой суммы стоимости предприятий. Ю. Рааб ссылался на то, что нефтяные месторождения эксплуатируются уже 10 лет и, вероятно, сильно истощены. Было решено рассмотреть все экономические вопросы на отдельной встрече между Микояном и австрийской делегацией (эта встреча состоялась в тот же день).

Затем стороны перешли к рассмотрению вопроса о сроке вывода войск союзников из Австрии. Молотов предложил указать срок в 6 месяцев со дня ратификации Государственного договора, Ю. Рааб и А. Шерф высказали возражения. После некоторой дискуссии советская сторона выразила готовность сократить срок вывода и дать окончательный ответ на следующем заседании с учетом пожелания австрий-

ской делегации (австрийцы предложили вывести войска к 31 декабря 1955 года). Такой ответ советской стороной был дан.

В конце заседания австрийская делегация поставила вопрос об освобождении австрийских военнопленных и интернированных гражданских лиц, находившихся в СССР. Ю. Рааб сообщил, что президент Австрии Т. Кернер направил письмо Председателю Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилову с просьбой о помиловании указанных лиц. Последний принял австрийскую делегацию в тот же день и обещал, что Президиум Верховного Совета рассмотрит просьбу австрийского президента.

14 апреля состоялось заключительное заседание, на котором дискутировались экономические проблемы и проект итогового документа переговоров.

Значительное место заняло обсуждение вопросов о поставках нефти в СССР взамен оплаты за передаваемые Австрии нефтяные предприятия, но окончательного решения принято не было. Вначале советская сторона предложила поставлять в СССР 50% добычи нефти (1,6 млн. тонн) ежегодно в течение 6 лет. Австрийская делегация заявила, что советское предложение будет обременительным для Австрии. В ходе дискуссии Микоян заметил, что есть два способа ведения переговоров: торговаться до обморока или подходить к вопросам по-деловому. Молотов сказал, что если для Австрии трудно поставлять 50% добычи в течение 6 лет, то советская сторона, руководствуясь стремлением улучшить отношения между СССР и Австрией, готова договориться о твердой цифре поставок нефти в год.

Ю. Рааб попросил (второй раз за время переговоров) о перерыве, для того чтобы австрийская делегация могла провести внутриделегационное совещание.

После перерыва австрийская делегация сообщила, что Вена согласна поставлять в Советский Союз по 1 млн. тонн сырой нефти в год в течение 10 лет, “если не произойдет истощения источников нефти”. На что советская сторона заявила, что при исключении австрийской делегацией оговорки “если не произойдет истощения нефти”, она готова поддержать перед своим правительством высказанное предложение о поставке в СССР 10 млн. тонн нефти в течение 10 лет. При этом было подчеркнуто, что советская делегация руководствуется не только экономическими, но, главным образом, политическими соображениями.

В связи с визитом австрийской делегации к К.Е. Ворошилову Молотов сообщил, что Президиум Верховного Совета СССР рассматривает вопрос о помиловании осужденных военнопленных и интернированных австрийцев, о досрочном освобождении 300 австрийских военнопленных, о передаче 92 австрийских военных преступников и 306 гражданских лиц, осужденных за преступления против Советского государства, о разрешении выехать в Австрию 17 австрийским гражданам, находящимся в ссылке, и 31-му осужденному за шпионскую деятельность.

Ю. Рааб выразил глубокую благодарность за сделанное сообщение.

А в основу итогового документа – Меморандума были положены внесенные австрийской делегацией предложения. Они включали в себя: Заявление о неприсоединении Австрии к военным союзам и о недопущении создания иностранных военных баз на ее территории, Декларацию Австрийского федерального правительства о постоянном соблюдении нейтралитета такого рода, которого придерживается Швейцария, а также договоренности, касающиеся бывших германских активов (предприятий) в Австрии, принадлежавших СССР в соответствии с межсоюзническими соглашениями.

Была создана редакционная комиссия, которой было поручено подготовить окончательный текст меморандума о результатах переговоров между правительственной делегацией Советского Союза и правительственной делегацией Австрийской Республики. Комиссия работала вечером 14 апреля и в ночь с 14 на 15 апреля.

14 апреля вечером в Екатерининском зале Большого Кремлевского дворца состоялся обед от имени Председателя Совета Министров СССР. На обеде неожиданно для австрийцев появился Первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев. Стол, как обычно для такого рода случаев, был богато сервирован разнообразными русскими закусками и блюдами. Настроение у обеих сторон было приподнятое. Особенно выделялся Н.С. Хрущев, который предлагал один тост за другим, рассказывал австрийским гостям о том, как в 1953 году пришлось убрать Л.П. Берия. Обед закончился к полуночи дружескими рукопожатиями и объятиями. О состоянии гостей свидетельствовал эпизод, когда один из них, выходя из зала, чуть было не наткнулся на огромное во всю стену зеркало, находящееся при выходе из Екатерининского зала. Ловким движением руки стоявший у выхода дежурный сотрудник успел предотвратить неизбежное столкновение.

Австрийские официальные лица ушли. Вслед за ними ушел В.М. Молотов. В гостиной Екатерининского зала остались Н.С. Хрущев, Н.А. Булгарин, А.И. Микоян и руководящие работники МИД – А.А. Громыко, В.В. Кузницов, В.А. Зорин, В.С. Семенов, И.И. Ильичев, С.Г. Лапин, О.А. Трояновский, М.Г. Грибанов.

Хрущев начал резко отчитывать работников МИД за отсутствие инициативы в австрийском и других вопросах. Обращаясь к Громыко, он сказал, что длительное время повторяет на переговорах с западными державами о разоружении формулу о сокращении вооруженных сил на одну треть, в то время как западные державы предложили абсолютную цифру сокращения, которая гораздо ниже предлагаемой нами одной трети. Повернувшись к В.В. Кузнецову, Хрущев спросил его: “Для чего мы Вас направили в МИД, не для партийного ли руководства? А Вы плететесь за министром, который все время говорит нам, что не надо торопиться. Может быть, верность старших работников МИД своему ведомству сильнее партийности?”. Несколько резких замечаний Хрущев сделал и в адрес В.С. Семенова.

Это был первый раз, когда Хрущев публично, хотя и в ограниченном кругу, высказался критически в адрес Молотова. Впоследствии, как известно, с осуждением деятельности Молотова Хрущев выступил на Пленуме ЦК КПСС. Для каждого из присутствовавших стало ясно, что между Хрущевым и Молотовым существуют серьезные разногласия и что ведущей фигурой в ведении также и международных дел становится Хрущев.

Утром 15 апреля состоялось торжественное подписание меморандума в кремлевском кабинете Молотова, после чего обе делегации выехали в Центральный аэропорт.

Порядок проводов был тот же, что и при прилете: обход почетного караула, исполнение государственных гимнов. На аэродроме Ю. Рааб заявил, что члены австрийской делегации возвращаются в Вену “счастливыми людьми”и что “в Москве была проведена хорошая работа, которая имеет большое значение для мира”.

* * *

Сегодня, как и в минувшие полвека, нейтралитет Австрии и Швейцарии играет важную роль в системе европейской безопасности, в деле предотвращения расширения военных блоков. В этом состоит историческое значение достигнутого тогда в Москве *прорыва* в австрийском вопросе, создавшего условия для подписания 15 мая 1955 года в Вене Государственного договора о восстановлении независимости демократической Австрии, а затем принятия австрийским парламентом 26 октября 1955 года конституционного закона о нейтралитете страны.

ФЕДЕРАЛИЗМ В РОССИИ И ЕВРОПЕ

В конце октября минувшего года в Институте Европы РАН состоялась международная научная конференция на тему: «Европейский федерализм и Россия: опыт прошлого и настоящего (Российское государство в контексте европейского федерализма)», организованная Институтом Европы и Фондом Фридриха Эберта (Германия).

В работе конференции участвовало свыше 80 человек; среди них: члены Совета Федерации и Государственной думы РФ, ответственные сотрудники высших государственных органов страны, МИД РФ, научные работники исследовательских центров РАН (ИМЭМО, Института экономики, Института международных экономических и политических исследований, Института сравнительной политологии), Института стран СНГ, Российской академии естественных наук, немецкого Института экономических исследований (Берлин), преподаватели МГУ им. М.В. Ломоносова, Российской академии государственной службы, а также представители Общества Россия – Германия, Российского союза промышленников и предпринимателей, общественного движения «Согласие» и другие.

С приветственным словом к участникам форума обратились директор Института Европы РАН академик Н.П. Шмелев, премьер-министр федеральной земли Брандербург доктор М. Штольпе, руководитель Московского представительства фонда имени Фридриха Эберта доктор П. Шульце.

Большой интерес вызвали основные доклады, сделанные замдиректора Института Европы доктором экономических наук В.П. Федоровым, премьер-министром федеральной земли Брандербург доктором М. Штольпе и директором Института по изучению проблем федерализма (Ганновер) доктором Х.–П. Шнайдером, а также выступления доктора Т. Елингера (Венский университет, Австрия), доктора В.Х. Паса (Госсовет Бельгии), депутата Государственной думы РФ О.В. Морозова, представителя аппарата Совета Федерации РФ П.А. Федосова, заместителя постоянного представителя Татарстана в России доктора политологии М.В. Столярова.

В ходе развернувшейся оживленной двухдневной дискуссии были обстоятельно проанализированы различные аспекты и проблемы федерализма как важнейшего компонента в жизни демократических государств, в развитии самоуправления субъектов федерации с учетом их интересов, а также национальных особенностей и религиозного фактора.

Особо подчеркивались необходимость изучения богатого накопленного опыта европейских стран, важность обсуждаемых вопросов для России, где осуществляются глубокие реформы государственного устройства и вертикали исполнительной власти.

Итоги конференции, несомненно, представляют интерес как для специалистов, так и для широкого круга читателей. Поэтому ее материалы будут подробно изложены на страницах следующего, первого номера журнала «Современная Европа» в 2001году.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО РОССИИ: НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

21 ноября в Институте Европы по инициативе депутатской группы «Регионы России» Госдумы РФ проводились ***общественные слушания на тему «Гражданское общество России: настоящее и будущее».*** В слушаниях приняли участие депутаты Госдумы, политологи, представители политических и общественных организаций. В ходе дискуссии было выявлено, что одной из актуальнейших задач является формирование системы политических партий и повышение их роли в обществе.

Председатель депутатской группы «Регионы России» Олег Морозов сделал акцент на партийном устройстве гражданского общества. Он подверг критике предложенный Центризбиркомом проект закона о партиях. По его словам, декларируемая цель сделать партии действительно массовыми, влиятельными, представляющими в парламенте интересы всех социальных групп, сопровождается действиями, направленными на то, чтобы «сделать выборы управляемыми, разделить депутатские мандаты между теми партиями, которые возьмут соответствующие планки».

Директор Института Европы академик Николай Шмелев подчеркнул, что следует сконцентрировать внимание не столько на теоретических, сколько на практических аспектах становления гражданского общества в России. По его мнению, необходимо развивать самоуправление и создавать как можно больше неформальных организаций, но это «процесс, растянутый на поколения».

Большая часть выступления члена депутатской группы «Регионы России» Андрея Климова также была посвящена анализу законопроекта о партиях. Он назвал спорными: обязательность участия в выборах, вопрос финансирования партий, попытки регламентировать их численность и обязательность общефедерального статуса. В логике Центризбиркома, считает А. Климов, есть определенная опасность: при работе над законом о партиях «во главу угла ставятся выборы, все остальное является лишь следствием, в то время как партийная система должна быть самостоятельным элементом гражданского общества».

Представитель Избиркома Елена Дубровина изложила концепцию ЦИКовского варианта закона, а также разъяснила некоторые спорные моменты. В частности, почему партия не может быть региональной, а только общефедеральной: «политические партии в регионах создаются как дополнительный административный ресурс для властей предержащих, навряд ли в регионах возможны оппозиционные партии. Кроме того, зачастую это криминализированные структуры».

Член фракции СПС в Госдуме Борис Надеждин, участвующий в составе рабочей группы ЦИКа, выразил уверенность, что все вызывающие опасения моменты можно будет устранить в процессе второго чтения.

Его коллега по фракции Сергей Юшенков смотрит на проект закона менее оптимистично: «закон носит искусственный характер». Он предлагает, чтобы все депутаты проходили через мажоритарные округа, а партия, если она хочет получить свое представительство в пропорциональной системе и преодолеть 5% барьер, выставляла своих депутатов в округах. Ее кандидаты в сумме должны набрать более 5% голосов. Тогда партия принимает участие в распределении списочного состава Думы. При таком раскладе партия действительно будет заинтересована в развитии своих структур в регионе.

Депутат Госдумы Владимир Рыжков выразил точку зрения, что в России в настоящее время не существует предпосылок для формирования гражданского общества. Он не видит ничего катастрофичного в ЦИКовском варианте, но этот вариант «даст бюрократии больше возможностей контролировать партийную систему». «Корень зла не в законе о партиях, а в месте партий в политической системе. Они нужны (по замыслу разработчиков закона) только для участия в парламентских выборах, а победившие партии формируются действующей властью. Кроме того, общество не осознает своих интересов, для него партийная система, как и парламент, как и власть, остается вещами отчужденными». По мнению В. Рыжкова, все бы встало на свои места, если бы мы перешли к правительству парламентского большинства.

В целом, большинство участников слушаний сошлось во мнении, что формирование гражданского общества в России является одной из самых актуальных задач как для власти, так и для общественности. Без формирования гражданского общества невозможно дальнейшее развитие России как современного демократического государства.

САММИТ РОССИЯ — ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ
(Париж, 30 октября 2000 года)

Совместное заявление

Президента Российской Федерации В.В. Путина,

Председателя Европейского совета Ж. Ширака,

при содействии Генерального секретаря Совета ЕС/Высокого представителя по общей внешней политике и политике безопасности ЕС Х. Соланы

и Председателя Комиссии Европейских сообществ Р. Проди

Мы, руководители Российской Федерации и Европейского Союза, собравшиеся в Париже на шестую со времени вступления в силу Соглашения о партнерстве и сотрудничестве (СПС) встречу на высшем уровне, подтверждаем особую важность, которую мы придаем укреплению нашего стратегического партнерства, основанного на принципах демократии, уважения прав человека, верховенства закона и рыночной экономики.

Проводимая в России политика реформ знаменует собой начало нового этапа в ее развитии, на поддержку которого нацелен Рабочий план французского председательства ЕС. Претворение в жизнь этих реформ будет способствовать развитию

наших отношений. Европейский Союз вновь подтвердил свою готовность поддерживать этот процесс на основе СПС и Коллективной стратегии ЕС в отношении России. Приоритетной задачей этого сотрудничества, вступающего в новую фазу, будет поддержка институциональных, экономических и социальных реформ, направленных на укрепление правового государства, отвечающих демократическим требованиям современной экономики и современного общества. На достижение этих целей, по согласованию с российским руководством, будет также ориентирована Программа ТАСИС.

Мы приветствуем развитие партнерства между Российской Федерацией и Европейским Союзом в течение последних лет на базе Соглашения о партнерстве и сотрудничестве (СПС), Коллективной стратегии Европейского Союза в отношении России и Стратегии развития отношений Российской Федерации с Европейским Союзом на среднесрочную перспективу. Одновременно мы подтверждаем важность неукоснительного соблюдения СПС, в частности, в экономической и социальной областях.

Развитию наших торговых отношений будут способствовать сближение законодательств и наличие транспарентной и стабильной правовой базы. Европейский Союз приветствует выработку российскими властями экономической программы, направленной на поощрение инвестиций в России, которая должна позволить достичь большего прогресса в этой ключевой области нашего сотрудничества. Европейский Союз продолжит оказание технического содействия в этих целях. Стороны продолжат направлять свои усилия, в частности, в рамках СПС на улучшение возможностей для инвестирования.

Недавнее заседание Круглого стола российских и европейских промышленников в Москве также позволило определить возможности для инвестиций и торговых обменов, которые необходимо учесть на практике.

Мы рассматриваем скорейшее вступление России в ВТО в качестве приоритетной задачи. Европейский Союз продолжит оказание технического содействия в этом контексте. Россия и ЕС договорились о необходимости активизировать проводимую в настоящее время в Женеве работу, и, в частности, свои двусторонние переговоры об условиях доступа на рынки промышленных товаров и услуг на основе новых предложений, которые Россия представит в скором будущем. Россия и ЕС

приветствуют проведение в Москве в конце марта 2001 года конференции, посвященной вопросам присоединения России к ВТО.

Российская Федерация и Европейский Союз приняли решение начать на регулярной основе диалог в энергетической области, который позволит продвинуться в налаживании партнерства Российской Федерации и Европейского Союза в сфере энергетики и определении его модальностей. Такой диалог позволит рассматривать все представляющие общий интерес вопросы, относящиеся к данной области, включая развитие сотрудничества в сфере энергосбережения и рационализации производственных и транспортных инфраструктур, возможности для европейских инвестиций, а также отношения между странами-производителями и странами-потребителями. Важными элементами в этом контексте станут предполагаемая ратификация Россией Договора к Энергетической хартии, а также улучшение инвестиционного климата.

Мы полагаем, что необходимо уделять приоритетное внимание объединению научно-исследовательского потенциала Российской Федерации и Европейского Союза как движущей силе экономического и социального развития. В этой связи мы приветствуем предстоящее подписание Соглашения о сотрудничестве Россия–ЕС в сфере науки и технологий. Стороны едины во мнении о важности продолжения сотрудничества, начатого между российской и европейской спутниковыми навигационными системами (ГЛОНАСС – ГАЛИЛЕО).

Мы выражаем пожелание, чтобы Гаагская конференция об изменении климата увенчалась успехом в целях скорейшего вступления в силу Киотского протокола. Применение этого протокола позволит России и ЕС укрепить свое сотрудничество в энергетической и промышленной сферах и внести свой вклад в осуществление целей Киотского протокола.

Мы заинтересованы укреплять региональное и трансграничное сотрудничество, в частности, в рамках «Северного измерения» ЕС. В этом контексте мы обсудили вопросы ядерной безопасности и обращения с ядерными отходами и облученным топливом. Мы были согласны в том, что скорейшее завершение ведущихся переговоров по Многостороннему соглашению по ядерно-экологической программе в Российской Федерации (МНЭПР) имеет первостепенное значение для перехода к более продвинутой стадии сотрудничества в этой области.

Мы упомянули и осудили терроризм во всех его проявлениях.

Мы придаем особое значение сотрудничеству в сферах юстиции и внутренних дел. Оценив ход реализации Плана совместных действий по борьбе с организованной преступностью, мы отметили необходимость интенсификации наших усилий на этом направлении. Мы подчеркнули важность сотрудничества по консульским и визовым вопросам.

ЕС информировал Россию о процессе расширения, который после заседания Евросовета в Хельсинки стал развиваться ускоренными темпами. Наша общая цель состоит в том, чтобы использовать потенциал, предоставляемый расширением Европейского Союза, для развития обменов между Россией и расширившимся Европейским Союзом, а также между Россией и странами-кандидатами. Уже начатый по этому вопросу диалог с Россией будет продолжен в рамках соответствующих структур СПС. Особое внимание при этом будет уделяться Калининграду.

Относительно Чечни Министры согласились в том, что необходимым и неотложным является нахождение политического решения при уважении суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации.

Мы с удовлетворением отмечаем прогресс, достигнутый в области общей европейской политики в сфере безопасности и обороны, целью которой является эффективное содействие управлению кризисами в соответствии с принципами ООН. Мы приветствуем достигнутый уровень в области диалога и сотрудничества между Россией и ЕС по политическим вопросам и вопросам безопасности в Европе. В ходе этого саммита мы решили предпринять конкретные шаги с целью укрепить наше сотрудничество в данной области. Эти инициативы отражены в отдельной Декларации.

Российская Федерация и Европейский Союз весьма обеспокоены опасной ситуацией, сложившейся на палестинских территориях. Российская Федерация и Европейский Союз вновь призывают стороны сделать все необходимое, для того чтобы прекратить насилие и осуществить меры, о которых они договорились в этих целях. Продолжение конфронтации не дает никакой перспективы, и использование военной силы не является решением. В этот критический период необходимо, чтобы возобладал дух ответственности и как можно быстрее возобновился диалог с целью восстановить доверие и вернуться на путь мира. Основываясь на разви-

вающемся между ними стратегическом партнерстве, Российская Федерация и Европейский Союз намерены работать совместно, чтобы содействовать поиску всеобъемлющего и прочного урегулирования на Ближнем Востоке на основе резолюций 242 и 338 Совета Безопасности ООН, достигнутых соглашений и согласованных на Мадридской конференции принципов. Российская Федерация и Европейский Союз подтверждают свою готовность сотрудничать со всеми заинтересованными сторонами в установлении справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке.

Мы приветствуем произошедшие в СРЮ перемены и призываем к продолжению процесса демократизации. События последних недель показали, что народ сделал ясный выбор в пользу перемен. Новый президент СРЮ является выразителем стремления населения к построению демократического правового государства и возвращению СРЮ в семью европейских народов. Мы продолжим объединять свои усилия в целях содействия консолидации демократии в СРЮ. Мы выступаем за полное и полноправное участие СРЮ в международных институтах, и в особенности за ее скорейшее и беспрепятственное принятие в Организацию Объединенных Наций. Демократическая СРЮ открывает путь к примирению и сотрудничеству в регионе.

Мы подтверждаем нашу решимость претворять в жизнь в полном объеме резолюцию 1244 Совета Безопасности ООН. Муниципальные выборы в Косово являются этапом, по поводу которого мы подтверждаем необходимость создания в Косово демократического и мультиэтнического общества. Мы вновь подтверждаем нашу поддержку усилий МООНК по достижению целей, поставленных в резолюции 1244 Совета Безопасности ООН, и настойчиво призываем все стороны сотрудничать с ней в полном объеме. Стабильность, мир и процветание Косово зависят от уважения прав человека, верховенства закона и демократии.

Мы призываем к более активному поиску решений региональных конфликтов на Южном Кавказе в рамках действующих переговорных форматов. Политическая воля сторон является основным условием для продвижения в урегулировании этих конфликтов.

Качество и открытость обсуждений, состоявшихся у нас в рамках шестого саммита Россия-ЕС, являются отражением нашего общего стремления путем укрепления нашего стратегического партнерства внести существенный вклад в дело мира,

стабильности и процветания всей Европы, тем самым способствуя нахождению ответов на наши общие вызовы.

САММИТ РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ – ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ (Париж, 30 октября 2000 года)

Совместная декларация

об укреплении диалога и сотрудничества по политическим вопросам и вопросам безопасности в Европе

Мы вновь подтвердили нашу приверженность углублению отношений диалога и сотрудничества между Российской Федерацией и Европейским Союзом по политическим вопросам и вопросам безопасности в Европе.

Условия этому благоприятствуют: Европейский Союз обретает возможности для того, чтобы в полной мере играть свою роль на международной арене, в частности, путем формирования европейской политики в области безопасности и обороны; Российская Федерация предпринимает внутренние реформы, направленные на укрепление демократического правового государства и модернизацию своей экономики.

Мы приветствовали развитие стратегического партнерства между Российской Федерацией и Европейским Союзом в течение последних лет на основе Соглашения о партнерстве и сотрудничестве (СПС), Коллективной стратегии Европейского Союза в отношении России и Стратегии развития отношений Российской Федерации с Европейским Союзом на среднесрочную перспективу.

В ходе этого шестого саммита Россия–Европейский Союз мы с удовлетворением отметили всестороннее развитие отношений Россия–Европейский Союз со времени встречи на высшем уровне в Москве 29 мая 2000 года.

Мы рассмотрели возможности для укрепления с настоящего момента диалога и сотрудничества между Российской Федерацией и Европейским Союзом в области безопасности и обороны.

Мы выразили нашу общую волю содействовать международному миру и международной безопасности в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, а также принципами хельсинкского Заключительного акта ОБСЕ, целями Парижской хартии для новой Европы и Хартии европейской безопасности.

С целью придать конкретные очертания стратегическому партнерству между Российской Федерацией и Европейским Союзом и учитывая нашу общую заинтересованность в стабильности и безопасности на европейском континенте, мы решили предпринять следующие шаги:

- учредить на должном уровне и в соответствующем формате специальные консультации по вопросам безопасности и обороны;
- развивать стратегический диалог по вопросам, в частности, в области безопасности, затрагивающим Российскую Федерацию и Европейский Союз;
- расширять спектр регулярных консультаций на экспертном уровне по вопросам разоружения, контроля над вооружениями и нераспространения;
- развивать сотрудничество в области оперативного управления кризисами.

На основе отправных предложений, которые будут обнародованы на Европейском совете в Ницце, с тем чтобы дать возможность потенциальным партнерам внести свой вклад в проведение операций, мы изучим модальности вклада Российской Федерации в проведение операций Европейского Союза по управлению кризисами. В рамках подготовки предстоящего саммита Россия–ЕС мы разработаем предложения с целью придать конкретный характер нашему сотрудничеству. Мы также рассмотрим возможности вклада Российской Федерации в задействование гражданских средств управления кризисами.

В период до следующего саммита реализация данных решений будет носить приоритетный характер.

ТОВАРИЩИ ПО НЕСЧАСТЬЮ

Военное сотрудничество между Веймарской Германией и Советской Россией – фактор мира или войны?

В вихре антикоммунистического пропагандистского похода, развернутого в ходе перестройки и после распада Советского Союза, както даже не возникало сомнений в предосудительности любых контактов между Москвой и Берлином, любого сотрудничества между ними в 20-е и 30-е годы. Однако дело обстояло совсем не так просто.

В процессе прояснения истинной исторической картины событий принципиально важную роль играют такие книги, как недавно вышедшая в свет фундаментальная работа С.А. Горлова о военных аспектах рапалльского периода сотрудничества между Германией и Советской Россией[1]. Молодой российский историк более десяти лет исследовал эту тему, охватив по существу все имеющиеся материалы российских и германских архивов по ней и сопоставив их данные с необъятной массой зарубежных, прежде всего германских, и отечественных публикаций. В результате мы имеем дело со скрупулезным изложением реальной картины событий шаг за шагом и день за днем, когда читатель имеет возможность разобраться, что же действительно происходило в сфере конкретного сотрудничества таких по определению несовместимых формирований, как рейхсвер и Красная армия, осознать и постичь значение этого взаимодействия для смертельной схватки между ними, развернувшейся всего несколькими годами позже.

Германия и Россия, страны, одинаково обделенные версальскими порядками в послевоенной Европе, видели друг в друге товарищей по несчастью, призванных в общем и целом держать совместную оборону против покушений на оставшуюся у них минимальную собственность. В первую очередь это относилось к развернувшей чрезвычайную наступательную активность Польше Пилсудского, которая вооруженной рукой отхватывала куски территории то у одного своего соседа, то у другого. Посвященная "польскому фактору" глава исследования С.А. Горлова читается как мастерски написанный приключенческий роман (сс. 26–49).

Вопреки часто встречающемуся в зарубежной литературе тезису о том, что военное сотрудничество между Германией и Россией было составной частью Рапалльского договора 16 апреля 1922 года, С.А. Горлов четко фиксирует, что содержанием договора был лишь взаимный отказ от претензий, связанных с последствиями войны (сс. 62–63). В то же время он не оставляет сомнений в том, что отказ России от репараций с Германии, перспективой выплаты которых Париж и Лондон заманивали ее в западный лагерь, создал необходимые предпосылки для реализации существовавших уже ранее планов кооперации в военной области. Обычно исследователями на первый план выносится то обстоятельство, что такая кооперация позволяла германским вооруженным силам в определенной мере обходить ограничения, которые были на них наложены по Версальскому договору. С.А. Горлова совершенно справедливо интересует в первую голову то, какую пользу военное сотрудничество приносило вооруженным силам СССР. Ведь не составляет секрета, что гражданская война и иностранная интервенция привели практически к полному истощению оборонного ресурса страны и "чудо на Висле" (катастрофическое поражение наступающей Красной Армии уже у стен Варшавы в 1920 году) объяснялось прежде всего именно этим.

Пожалуй, самым исчерпывающим образом по сравнению со всей бескрайней литературой о российско-германском военном сотрудничестве С.А. Горлов раскрывает те выигрыши, которые оно принесло Красной армии. Шаг за шагом прослеживает он, какой прогресс достигался во всех трех цитаделях указанного сотрудничества – в совместном авиационном центре в Липецке, в единой для представителей обеих армий танковой школе в Казани и на испытательном полигоне для химического оружия Томка в Саратовской области (все три вида вооружений были запрещены для Германии Версальским договором). Пожалуй, только в области авиации российская сторона могла вести дело с немцами более или менее на равных (да и то ею проявлялся неподдельный интерес к перспективе развертывания "Юнкерсом" производства аэропланов в России (сс. 94–103). По танкам и по химическому оружию Советская Россия являлась преимущественно берущей стороной. Сотрудни-

[1] Сергей А. Горлов. Совершенно секретно. Москва – Берлин 1920–1933. Военно-политические отношения между СССР и Германией. Москва, 1999.

чество с Германией обеспечивало ей самое главное: техники и конструкторы наших оборонных предприятий получали возможность перескочить начальные ступеньки и вести дальнейшие разработки уже с уровня, достигнутого немцами, сохранявшими передовые позиции в Европе в области военного производства.

С.А. Горлов тщательно прослеживает процесс совместного создания и эксплуатации школ и полигонов и подводит практические итоги их работы для РККА. Относительно военной авиации он констатирует, что "прогресс в советском авиастроении достигался во многом за счет элементарного освоения и тиражирования достижений иностранной, в том числе немецкой, технической мысли, хотя в этом, конечно, нет ничего предосудительного". Автор добавляет, что советские военные летчики "обучались на основе предписаний и инструкций, разработанных в Липецке" и что немцы передали советским коллегам в декабре 1932 года "около десятка наставлений по ведению боевых действий в воздухе" (сс. 216–217).

Еще более четко проглядываются плюсы, полученные советской стороной в области конструирования и использования бронетехники. "Изучение немецких чертежей, ознакомление с материальной частью немецких боевых машин и результатами испытаний позволили нашим инженерам практически использовать немецкий опыт", – пишет С.А. Горлов. Элементы немецких конструкций внедрялись при создании новых типов советских танков; немецкая методика обучения танкистов стрелковому делу использовалась при составлении "Руководства по стрелковой подготовке танковых частей РККА"; с учетом немецких теоретических выкладок и практических разработок принималось решение о создании в Вооруженных силах СССР самостоятельных мехкорпусов (первые механизированные корпуса появились в составе Украинского и Ленинградского военных округов в конце 1932 – начале 1933 годов). Все это позволяет автору сделать обоснованный вывод об успешной для советской стороны работе танковой школы в Казани (сс. 221–222).

Особое значение приобрел испытательный полигон для химического оружия Томка, где советская сторона начинала практически с нуля (С.А. Горлов цитирует внутренний документ Совета труда и обороны СССР уже начала 30-х годов, где речь идет о все еще не ликвидированной "отсталости химвооружения РККА и необходимости добиться решительного перелома"). Поскольку на полигоне испытывались не только средства нападения, но и средства защиты в возможной химической войне, можно согласиться с автором, так подводящим итоги его работы: "…Менее чем за 10 лет Красная армия сумела создать собственные химвойска, организовать научные исследования и испытания, наладить производство средств химического нападения и защиты и, таким образом, встать в области военной химии вровень с армиями ведущих мировых держав. В СССР появилась целая плеяда талантливых военных химиков – специалистов по химзащите…" (сс. 228–229). Совместная работа немцев и русских на полигоне "Томка" имела своим следствием, возможно, и то, что Гитлер так и не решился на применение отравляющих веществ в ходе Второй мировой войны: специалисты вермахта отлично знали, что ответ СССР окажется уничтожающим для Германии.

Однако работа вышеперечисленных конкретных совместных объектов не исчерпывала чрезвычайно интенсивного и многогранного военного сотрудничества русских и немцев. В него входили военно-промышленная кооперация, обучение красных командиров в Германии, взаимные поездки высших штабных офицеров на маневры и даже обмен разведданными. Все эти аспекты получили детальное освещение в рассматриваемой книге. В течение целых 10 лет руководство советских Вооруженных сил контролировало жизнедеятельность германской военной машины и развитие военного мышления в стране, готовившейся к новому раунду борьбы за передел мира. В результате стереотипы поведения германской военной касты, ее реакция на возникновение стандартных ситуаций, механизм ведения типовых войсковых операций не были секретом для высшего генералитета РККА в момент нападения фашистской Германии на Советский Союз. Даже безумные чистки 1937 года не смогли полностью уничтожить знания о стране-противнике, накопленные советскими военными за уникальные годы, когда они могли хотя бы частично заглядывать за кулисы. И это также помогло выковать Победу.

К сожалению, даваемый в книге внешнеполитический анализ событий после января 1933 года, когда к власти в Германии пришел Адольф Гитлер с его программой территориального расширения рейха на восток "за счет России и ее окраинных государств", носит зачастую поверхностный характер. Нет оснований противопоставлять "курс Чичерина" сменившему его "курсу Литвинова" и последующему "курсу Молотова". Главной и основной заботой всех хозяев кабинета наркома иностранных дел СССР было воспрепятствовать созданию единого антисоветского фронта ведущих держав мира, поскольку в этом случае выживание Советской России становилось практически невозможным. В соответствии с наличными шансами получить партнеров среди враждебного большевистскому государству окружения Г.В. Чичерин сделал ставку на обездоленную Версалем Германию. Это создало условия для широчайшего, в том числе и военного, российско-германского сотрудничест-

ва в 20-х и начале 30-х годов. Однако нацистский фюрер в качестве хозяина Германии превратил ее саму в главную угрозу для СССР. Логично, что после 1933 года Москва попыталась с помощью "курса М.М. Литвинова" добиться чего-то вроде антигитлеровской коалиции с целью предотвратить или хотя бы оттянуть начало фашисткой агрессии на восток. Мюнхенский сговор 1938 года между Англией, Францией, Италией и Германией о разделе Чехословакии и с попыткой учредить "четырехстороннюю директорию" в Европе (без участия СССР) показал, что надеяться на помощь Лондона и Парижа по крайней мере опрометчиво. Тогда появился "курс В.М. Молотова", явившийся по существу выражением отчаяния советского руководства, признавшего крах всей своей проводившийся дотоле внешней политики.

В свете такого положения вещей слабо аргументированным предстает тезис автора о том, что "пакт Молотова – Риббентропа" 1939 года явился выражением "новой дружбы", "реанимацией Рапалло", которые "казалось, неразрывно связали Москву и Берлин" (с. 320). Весь имеющийся по этому периоду документальный материал, если подходить к нему непредвзято, свидетельствует о том, что СССР пошел на соглашение с Гитлером вследствие безысходности ситуации, в которую он был поставлен "умиротворением" Германии со стороны Лондона и Парижа. Мечтой близоруких политиков Запада было столкнуть лбами Германию и Советский Союз, с тем чтобы ослабить их обоих, а затем продиктовать свою волю выжившему в этой схватке гигантов. И после Мюнхена, где делили Восточную Европу без каких бы то ни было консультаций с Москвой (но зато с учетом пожеланий Варшавы), дело целенаправленно велось именно в таком направлении. Поставьте любое правительство любой страны на место тогдашнего советского – и вы увидите, что его решение перед лицом обращения Гитлера стало бы таким же, как то, которое не без колебаний принял Сталин в августе 1939 года: любая отсрочка конфликта лучше, чем война немедленно, без надежных союзников (скорее всего, вообще без союзников), с границ, пролегающих у жизненных центров государства, с обществом и армией, дезорганизованными чистками.

Другое дело, что разгром вермахтом польской армии всего за две недели (в Москве ожидали поражения Польши, но совершенно не были готовы к подобной скоротечности), бездействие Запада в ходе "странной войны", а затем капитуляция Франции лишь после месяца боев страшно напугали советское руководство, исходившее до того, как и большинство экспертов, из затяжного характера военных действий по примеру Первой мировой войны. Страх – плохой советчик, и Москва наделала в этот период множество глупостей, шарахаясь от почти полного пресмыкательства перед неожиданно быстро ставшей победоносной Германией до попыток шантажировать Гитлера, который все больше терял связь с реальной действительностью. Конечно, каждому вольно усматривать в сталинских тостах за "вечную дружбу" с немцами мрачные планы внезапного нападения на Германию, "когда она будет смотреть в другую сторону", или установления мирового господства, но для них существует другое, гораздо более прозаическое объяснение. Сознавая неподготовленность СССР, "хозяин" всеми силами старался оттянуть начало германо-советской войны, не давая немцам ни малейшего повода использовать его слова или дела в качестве предлога для нападения. Однако, как очень скоро выяснилось, Гитлеру и не нужны были никакие предлоги.

Похоже, что после недавних шараханий в оценке событий минувшего, когда Советскую Россию обвиняли даже в тех грехах, которые она и не помышляла совершать, наше общество начинает возвращаться к осознанию важности объективного факта вопреки идеологической предвзятости. Книга С.А. Горлова вносит свой серьезный вклад в этот процесс, знакомя читателя с действительным положением дел.

И.Ф. Максимычев, доктор политических наук